МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Материалы научно-практической конференции

Курган 2005

УДК 340.1(08)
Ю 70

Юридическая наука и практика: проблемы теории и истории: Материалы научно-практической конф. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. -

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

Сборник статей содержит материалы первой научно-практической конференции "Юридическая наука и практика: проблемы теории и истории", которая проходила в Курганском государственном университете 28-29 апреля 2004 г.

Структура сборника отражает порядок работы конференции по секциям: 1) доклады пленарного заседания; 2) секция теории и истории государства и права; 3) секция гражданского права и гражданского процессуального права; 4) секция уголовного права и уголовно-процессуального права.

Сборник рассчитан на специалистов в области юриспруденции студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция", а также для всех интересующихся данной проблемой.

Ответственный редактор:
д-р юр.наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права О.Ю.Винниченко

ISBN 5-86328-606-7

© Курганский
государственный
университет, 2005

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А.С. Шабуров
д-р юр.наук, профессор УрГЮА

ПРАВО И СВОБОДА: ГРАНИ СООТНОШЕНИЯ

Проблема соотношения права и свободы существует столько же, сколько существует и право. Несмотря на разнообразие подходов к пониманию права и свободы большинство авторов все же связывают эти явления. Господствующая в юридической науке позиция заключается в понимании права как меры свободы. Право служит официальным мерилом действующей свободы, ее нормой, указателем границ должного и возможного поведения. Подобной концепции придерживались большинство известных авторов во все времена. Достаточно вспомнить положение Гегеля: "В основе права,- писал он,- лежит свобода отдельного человека, и право заключается в том, чтобы я обращался с другим как со свободным существом".

Об этом же говорят и классики марксизма: " Свобода есть право делать все то и заниматься всем тем, что не вредит другому. Границы, в пределах которых каждый может двигаться без вреда для других, определяются законом, подобно тому как граница двух полей определяется межевым столбом". "Свод законов есть библия свободы". Эта мысль проводилась и юристами дореволюционной России.Так, по мнению Б. Н. Чичерина, "право есть совместное существование свободы под общим законом". Аналогичные положения мы видим и среди советских и современных отечественных авторов. Например, С. С. Алексеев утверждает, что "именно право по своей исходной сути представляет собой образование…., которое предназначено быть институтом, призванным реализовать свободу - свободу каждого человека, придать ей определенность и обеспеченность…". Наиболее четко эта идея проводится представителями либертарной теории (В.С.Нерсесянц, В.А.Четвернин), понимающими право, как "систему общеобязательных норм, которые устанавливают равную свободу всех участников правового общения".

Указанные положения, безусловно, правильно отражают существо права как явления. Именно оно и отражает, и закрепляет уровень свободы общества и личности в государственно организованном обществе. Если понимать свободу как познанную необходимость, то право как явление и возникло тогда, когда общество осознало необходимость публичной государственной власти и формально закрепленных единых, общих для всех правил поведения. Именно право явилось необходимым средством, в котором закреплялись правила, регулирующие отношения собственников и обеспечивающие свободу владения, пользования и распоряжения собственностью.

Однако полагаем, что подобная характеристика права лишь как средства закрепления и выражения свободы является правильной, но односторонней. В действительности право является не только выразителем, но одновременно и ограничителем свободы.

На это обстоятельство уже указывалось в литературе. Но речь шла преимущественно о специфических методах государственно-правового воздействия, ограничивающих возможности человека по реализации правовых предписаний. В науке они трактуются как правовые ограничения. Это специальные запреты, сервитуты, исключения из правил, меры пресечения и юридической ответственности и т.д. Подобные ограничения свободы, свободного поведения предопределены связью права с государственной властью, ибо осуществляются в строго определенных законом случаях компетентными органами. С дугой стороны, наличие ограничений связано с несовпадением публичных и частных интересов, интересов отдельных людей. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Ст. 55 Конституции России закрепляет достаточно широкий, но исчерпывающий перечень случаев, допускающих ограничение прав граждан: "Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства". Формально закрепляя права граждан и устанавливая в некоторых случаях их ограничения, "право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе". Указанные положения, безусловно, показывают связь права и свободы и подчеркивают мысль о том, что право, нормы права, закрепляют границы свободы, но в необходимых случаях и ограничивают ее.

Однако подобное положение слишком прямолинейно и односторонне указывают на право как средство ограничения свободы. Более глубокий анализ позволяет сделать вывод о том, что право как специфический регулятор общественных отношений одновременно и закрепляет и ограничивает свободу.

Такое положение объясняется тем, что право - явление не однозначное, а диалектически противоречивое. Эта диалектика, единство противоположностей, проявляется во многих его сторонах, проявлениях, особенностях. Именно благодаря им явление и характеризуется как "право".

Это проявляется, прежде всего, в противоречивости его содержания, выражающегося в единстве прав и обязанностей, - единстве не только возможного, но и необходимого поведения. Указанные особенности иногда не учитываются, когда утверждается, что основа права - естественные права. При этом совершенно игнорируется, что в основании права лежат не только права, но и обязанности и даже запреты. Правовая свобода, безусловно, выражается в правах, определяющих границы возможного самостоятельного поведения. Но "нет прав без обязанностей, как и обязанностей без прав". "Налагаемые обязанности ограничивают внешнюю свободу лиц, предоставляемые правом притязания обеспечи-

вают определенную сферу внешней свободы". Не случайно поэтому Бердяев Н.А., характеризуя право как меру свободы, тем не менее отмечал, что "право - это лишь минимум человеческой свободы".

Подчеркивая единство свободы и права, нельзя указанные явления отождествлять. Это самостоятельные социальные феномены, имеющие собственное содержание, особенности и закономерности развития.

Почему же в цитируемом положении Бердяева речь идет о минимуме, а не о максимуме свободы?

Потому что право как регулятор отношений по своим характеру таково, что объективно не может обеспечить свободу максимально, т. е. осуществить полную свободу. Прежде всего, полная свобода в принципе невозможна. Более того, полная свобода (свобода без границ) вообще отрицает всякую свободу. Еще Платон указывал, что чрезмерная свобода превращается в чрезмерное рабство. Право же как регулятор общественных отношений обеспечивает оптимальное, наиболее эффективное регулирование в конкретных условиях. В этом случае речь идет не только о свободе личности, но и свободе общества. А в этих условиях ради общей свободы личность должна жертвовать частью собственной свободы. Эти-то границы ограничений и обеспечивает право.

Качество права как ограничителя свободы предопределяется и особенностями, признаками самого права как явления.

Прежде всего, отметим его нормативность. Известно, что для права характерна не вообще нормативность, а нормативность особого рода, высшая нормативность. Право выступает как одинаковый масштаб к фактически неодинаковым людям. Этот равный масштаб характеризует и равный уровень свободы. Ведь главное в свободе - это способность действовать в соответствии со своим выбором. Но выбор предопределен уровнем развития субъекта, его уровнем культуры, образованием и т.д. Следовательно, право не может предоставить степень свободы каждому индивиду в соответствии с его возможностями, способностями и т. д. Нормы права "усредняют", уравнивают свободу для различных людей, определяя "золотую середину" между свободой и несвободой. Естественно, что в этих условиях свобода не может быть максимально широкой, необходимой для инициативных, активных, подготовленных к такого рода деятельности субъектов, а сориентирована на средний уровень активности, правовой культуры, правосознания. Именно в праве в силу его особенностей свобода и получает "безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование".

Недопущение произвола (т.е. ограничение свободы) здесь определено и специфической структурой юридической нормы. Вариант свободного поведения (закрепленного диспозицией нормы) субъект не может определять произвольно, в любое время, а может осуществить лишь в условиях, ограниченных гипотезой нормы.

Однако и управомочивающая норма в силу своей особой нормативности не может быть реализована однообразно всеми субъектами. Поэтому одинаковое, общее для всех субъектов предписание требует конкретизации применительно к конкретному субъекту. Отсюда и реализовать представленную правом свободу

индивид может лишь вступив в конкретное правоотношение, рамками которого и ограничивается свобода. Видимо не случайно, правомочия, правовые возможности, которые можно реализовать не вступая в конкретное правоотношение, законодательно закрепляются не как права, а как свободы.

Однако и в этом случае субъект не волен реализовать свободу в любой удобной для него ситуации, а только при наличии определенных, закрепленных гипотезой нормы права условий - юридических фактов.

Наконец, далеко не каждый субъект, даже при наличии юридических фактов, может стать участником правоотношений, реализовать в полной мере предоставленную правом свободу. Для того, чтобы стать субъектом правоотношения, необходимо обладать правосубъектностью. Следовательно, далеко не всякий индивид, даже имея права, способен их реализовать. То есть и здесь свобода индивида ограничена его дееспособностью. Следовательно, особенности права и правового регулирования таковы, что оно выступает одновременно и выразителем, мерой свободы, и средством ее ограничения. Закрепляя свободу в правовом предписании, право этим же предписанием ее и ограничивает.

Ограничивается свобода и в процессе правового регулирования. Так, правовое регулирование знает различные типы, которые по- разному обеспечивают свободу выбора и деятельности субъектов права. В частности, если общедозволительный тип расширяет свободу, запрещая лишь строго ограниченные действия, то разрешительный, напротив, ограничивает свободу деятельности, разрешая лишь определенные варианты поведения, и запрещая любые другие.

Степень свободы ограничивается и в процессе использования различных методов правового регулирования, различных юридико-технических средств и приемов и т.д.

Указанные особенности права как ограничителя свободы нельзя трактовать как негативный момент, как недостаток правового регулирования. Напротив, это подчеркивает лишь универсальность права, правового регулирования, позволяющую характеризовать его как наиболее эффективное средство социальной регуляции, максимально эффективно обеспечивающее свободу личности и общества в целом.

Список литературы

1. Гегель. Работы разных лет: В 2 т.-М.,1973.-Т.2.-С.36.
2.Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.1.-С.400.
3.Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.1.-С.62-63.
4.Чичерин Б.Н. Нравственный мир// Русская философия права.-М.,1999.-С.101.
5.Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения.-М.,2001.-С.457.
6.Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства.-М.,2003.-С.16.
7.Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве.-М.,2003.
8.Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты)//Правоведение. -1992.-№ 3.-С.96
9.Тарановский Ф.В. Энциклопедия права.-СПб.,2001.-С.111.
10.Бердяев Н.А. Философия неравенства. -М.,1990.-С. 90.
11.Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.1.-С.63.

О.Ю. Винниченко
Д-р юр. наук, профессор КГУ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

19 сентября 2003 года в Берлине на встрече министров, отвечающих за высшее образование в 33 европейских странах, министр образования РФ В.М. Филиппов заявил, что Россия готова стать участником общеевропейского проекта. По итогам конференции было принято коммюнике, в котором Россия провозглашена полноправным членом Болонского процесса среди сорока европейских государств.

В связи с этим возникает множество вопросов, начиная с самого банального: "Что из себя представляет Болонский процесс: международную организацию, общеевропейское соглашение в области высшего образования или что-то еще? Каковы причины этого объединения? Какие изменения будут происходить в системе высшего образования Российской Федерации? Как эти процессы коснуться юридического образования в провинциальных вузах?" Попытаемся ответить на эти вопросы.

Начало формирования европейского пространства высшего образования было заложено Болонской декларацией ("Хартия европейских университетов") на встрече ректоров европейских университетов в г. Болонье (1988 год).

Здесь было заявлено о необходимости обеспечения независимости и самостоятельности высших учебных заведений как необходимых условий адаптации системы высшего образования и научных исследований к изменяющимся потребностям общества и достижениям научной мысли.

Затем последовали встречи министров образования стран Европы в Сорбонне (май 1998г.), в Болонье (июнь 1999г.), в Праге (май 2001г.), в Берлине (сентябрь 2003г.). Все эти встречи заканчивались принятием итоговых документов, в которых конкретизировалась основная целевая установка: "Мы должны дать нашим студентам и обществу в целом такую систему высшего образования, которая обеспечивала бы наилучшие возможности для максимальной самореализации" (из "Сорбоннской декларации"1998г.) [1].

С 2000 года действовал организационный орган Болонского процесса, именуемый "Рабочая группа", функционирование которого регламентируется и переводится на постоянную основу с 2003 г. Текущим руководством между встречами рабочей группы занимается Правление, главой которого является представитель страны, председательствующей в Европейском Сообществе. Принятие новых членов в Болонский процесс не сопровождается официальным голосованием действующих членов. Достаточно пройти систему согласований с комиссаром Болонского процесса и заявления вступающей стороны о готовности сле-

довать целям этого движения, внедрять его принципы в практику функционирования своей системы высшего образования. Таким образом, в настоящее время можно вести речь о процессе становления новой международной организации.

Среди причин становления этой международной организации в первую очередь следует отметить необходимость адаптации системы высшего образования и научных исследований к изменяющимся потребностям общества. За последние десятилетия существенно изменились общественные приоритеты: конкуренция переносится в информационную и научную сферы. Теперь выигрывают те, кто может быстрее разработать и внедрить в производство новый товар. Наука и творчество приобретают ведущую роль в развитии экономики. Соответственно, возрастает спрос на образованных, нестандартно мыслящих, молодых специалистов. По данным советника МО РФ С. Смирнова, в России на сегодня около 7% от общего числа организаций являются организациями "нового типа", которые могут конкурировать с организациями Западной Европы [2].

Кризисные явления в образовательной сфере Западной Европы, падение конкурентоспособности вузов явились также побудительными причинами преобразований. В 1990-е годы наблюдался отток интеллекта, студентов для обучения в США, где в настоящее время число обучающихся иностранных студентов превышает 500 тыс. человек. Эта цифра значительно превосходит количество студентов, обучающихся во всех странах Европы. В среднем стоимость обучения в течение одного года в США составляет 10 тыс. долларов. Это означает, что за год США получают около 5 миллиардов долларов за обучение студентов, приезжающих из других стран. Соответственно, можно в этом случае вести речь и о притоке капитала в США [3].

Все эти факторы дополнились формированием единого экономического, правового пространства в рамках Европейского Союза. Интеграция образовательных систем государств - членов ЕС органично вписалась в этот процесс.

Основными требованиями Болонского процесса являются:

1) введение двухступенчатой системы высшего образования (базовое - бакалавр, последипломное - магистр);

2) учреждение единой системы кредитов. Это - показатель трудоемкости освоения различных дисциплин. У нас это производится государственными образовательными стандартами - в часах аудиторной нагрузки. То есть, часы надо пересчитывать в кредитные единицы. Это казалось бы простое изменение приводит к серьезным последствиям: упрощение системы учета деятельности преподавателей и студентов, порядка расчета заработной платы, стоимости обучения. В дальнейшем это должно привести к созданию учебных планов "нового типа", построенных на новых правилах, к разработке и введению новых программ по дисциплинам, в которых содержание представляется и контролируется по модулям - зачетным единицам. Это новшество должно работать на повышение мобильности студентов и преподавателей, унификации образовательных программ;

3) создание единой системы контроля качества образовательных услуг (повышение качества образования);

4) введение общеевропейского приложения к диплому о высшем образовании в соответствии с формой, разработанной под эгидой ЕС. Каждому выпускнику вуза, начиная с 2005 года, должно быть представлено такое приложение на одном из широко распространенных европейских языков;

5) расширение участия студентов в управлении образованием.

Таковы основные положения Болонской декларации.

В связи со вступлением в Болонский процесс Россию ждут серьезные изменения в организации высшего образования: начиная с пересмотра перечня направлений и специальностей подготовки, унификации дисциплин на всех направлениях подготовки и заканчивая отказом от студенческих групп как основных единиц организации учебного процесса (будут формироваться временные студенческие группы на период изучения одной дисциплины). Другими словами, грядут революционные преобразования в образовательной сфере.

Возникают серьезные опасения: разрушив существующую модель высшего образования, мы можем утратить собственный, русский стиль в образовании (интеллектуальность, то есть умение выращивать интеллект; полифоничность и др.). Будет ли работать новая импортная модель образования в наших условиях? Эти соображения неоднократно высказывались как на научных конференциях юристов (Екатеринбург - декабрь 2003 г., Челябинск - декабрь 2003 г.), так и на собраниях общественных организаций (Федеральная ассоциация юридических вузов России - апрель 2004 г.).

Очевидно, что Россия должна иметь свою национальную образовательную политику, с наличием которой тесно связано функционирование специфической национальной системы образования.

Очевидно также и то, что реформирование образовательной сферы насущно необходимо для нашей страны. Без науки и образования нет будущего у общества. При этом необходимо учитывать специфику образовательного поля в различных сферах знания. Например, юридическое образование тесно связано со спецификой правовой системы, для которой готовятся кадры. Необходим учет национальной специфики правовой системы России, потребностей рынка рабочей силы. Вопреки расхожему мнению московских чиновников, бакалавры права, которых выпускал Курганский госуниверситет в течение трех лет, не были востребованы ни в системе правоохранительных органов, ни в системе юстиции. Ежегодное собрание Федеральной ассоциации юридических вузов России (апрель 2004 г.) обратилось к чиновникам Министерства образования РФ с предложением учитывать это обстоятельство. Унификация юридического образования в различных правовых системах должна проходить постепенно, при формировании единого правового пространства.

Провинциальные вузы, не имея возможности прямого воздействия на формирование образовательной политики, по сути дела уже включились в реформирование высшего образования. Институт государства и права Тюменского госуниверситета проводит эксперимент по введению кредитной, рейтинговой систем. Челябинский госуниверситет уже выдавал приложения к диплому о

высшем образовании европейского образца и т.д. В нашем вузе разрабатывается система контроля качества образовательных услуг, которая должна соответствовать европейским стандартам.

Юридический факультет Курганского госуниверситета, стремясь к совершенствованию образовательной деятельности, пытается давать достойные ответы на "вызов времени". Одна из основных проблем, с которой мы столкнулись в последние два года, - необходимость определения конечного результата труда педагогов. Что бы мы хотели видеть как итог нашей работы? Этот вопрос неоднократно поднимался на заседаниях ученого совета факультета. Представляется, что в настоящее время выпускник должен не знать и уметь применять конкретное знание в известной ситуации, а понимать развитие объекта и подбирать ресурсы для того, чтобы реагировать на новую ситуацию. Другими словами, ценным конечным продуктом нашей деятельности должны быть не сумма знаний и навыков, которые репродуктивно воспроизводит выпускник-гуманитарий, но его умение воспринимать альтернативную и, в известной степени, равноправную информацию, трансформировать ее, генерировать на этой основе новую информацию. Другими словами, если ранее ценился технический работник, выполняющий беспрекословно указания руководства ("начальник всегда прав"), то теперь ценится такой специалист, который легко адаптируется к условиям внешней среды, а качество его работы оценивается потребителем ("потребитель всегда прав").

В связи с этим, важнейшей задачей современного менеджмента становится стимулирование творческого начала в студенческих и преподавательских коллективах. На юридическом факультете Курганского госуниверситета при использовании традиционных форм развития творчества (конкурсы научных работ, олимпиады), практикуются ежегодные конкурсы среди преподавателей (на лучшего лектора, на лучшую методическую разработку семинарского занятия, на лучшие методические рекомендации к проведению учебных занятий). Для этого создаются специальные комиссии, выделяются ценные призы.

Одной из форм стимулирования творчества является межфакультетский научный семинар "Философия и методология обществознания". Он работает в течение трех лет на общественных началах и объединяет преподавателей и студентов юридического, исторического, экономического, филологического факультетов. На его заседаниях обсуждаются методологические проблемы научного исследования. В соответствии с планом, заранее публикуются тезисы предстоящего выступления, определяются оппоненты. Порой эти заседания проходят очень бурно. В текущем учебном году особый интерес вызвали доклады проректора КГУ Б.С. Шалютина и заведующего кафедрой ТИГП Р.В. Скиндерева, посвященные методологическим проблемам современной юридической науки.

Большое внимание руководство юридического факультета уделяет развитию студенческого самоуправления, которое существует с 1997 года. На сегодняшний день работают выборный президент и студенческий актив по отраслям деятельности. Они самостоятельно решают многие вопросы студенческой

жизни. В такой ситуации деканату приходится значительно сложнее: необходимость стыковки бурно выражаемого студенческого мнения и традиционных методик преподавательского коллектива. Однако эта сложность конечно же окупается развитием студенческой инициативы, желанием сотрудничества с преподавателями, результативностью. Вышеназванные формы работы реализуют основной принцип менеджмента: находиться постоянно в движении, что предполагает приобретение, трансформацию и внедрение в практику нового знания.

Особое место в управлении юридическим образованием занимает внедрение системы менеджмента качества. В настоящее время качество рассматривается как универсальный инструмент управления организацией с точки зрения ее непрерывного совершенствования. Ученый совет юридического факультета в резолюции по итогам обсуждения вопроса " О подготовке студентов по специальности "Юриспруденция" (апрель 2004 г.) констатировал "существенное улучшение качества образовательных услуг" за последние четыре года. И это действительно так. За это время была стабилизирована ситуация с текучестью кадров преподавателей. На сегодняшний день преподавание юридических дисциплин ведут три кафедры (УПД, ГПД, ТИГП), на которых трудятся 57 человек. Из них 4 - доктора наук, 17 - кандидатов наук. Имеются существенные положительные сдвиги в организации учебного процесса, его информационном и материальном обеспечении, в системе научной работы.

Термин "качество образования" предполагает также и ориентацию на нужды потребителя, так как он является участником образовательного процесса и заинтересован в конечном продукте. Еще совсем недавно (3-4 года тому назад) студенты-платники приходили в вуз для приятного времяпровождения, но сегодня они предъявляют повышенные требования к образовательному процессу. Акцент на потребителя означает получение вузом достоверной и оперативной информации о нуждах и пожеланиях потребителя. С этой целью мы проводим мини-опросы на факультете среди студентов, на первом курсе ежегодно - родительские собрания. Планируем проведение расширенного социологического исследования с целью изучения рынка образовательных услуг в регионе, запросов потребителя силами своего факультета (есть специальность социология). При этом важным фактором являются связи с общественностью: представительская функция (принимаем участие в публичных мероприятиях силовых структур, государственных учреждений), на факультете имеется своя газета, работаем со средствами массовой информации.

Наряду с достижениями, мы прекрасно видим проблемы, которые требуют решения в условиях интеграции в европейское образовательное пространство: создание системы контроля качества образовательных услуг, совершенствование информационного обеспечение учебного процесса, разработка перспективных научных тем, организация постоянного мониторинга рынка образовательных услуг и т.д.

Список литературы
1.Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие/ Под ред. В.И. Байденко. - М., 2002.
2. Материалы к общему собранию ФАЮВ. - М., 2004 г.
3. Там же.

Р.С. Абдулин
канд. пед. наук, судья Курганского областного суда,
Заслуженный юрист РФ

РОЛЬ СУДЕБНОГО ДЕПАРТАМЕНТА И ЕГО ОРГАНОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРОВЫХ СУДЕЙ

Впервые, после долгих лет забвения, упоминание о мировой юстиции прозвучало при принятии постановления Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 года "О концепции судебной реформы в РСФСР". В нем отмечалось, что мировые суды - это всегда суды первой инстанции, действующие в составе единоличного судьи. К их полномочиям относятся: рассмотрение материалов об административных правонарушениях, об уголовных проступках, дел частного обвинения, малозначительных гражданских дел и судебный контроль за следствием.

В марте 1994 года прошел 3-й (внеочередной) Всероссийский съезд судей РФ, на котором отмечалось, что " целью мировой юстиции является максимальное приближение правосудия к населению. Это достигается, как показывает мировой опыт, путем предоставления права рассмотрения некоторых категорий уголовных и гражданских дел при согласии сторон доверенным лицам жителей определенной части населенного пункта. В этом главный смысл мировой юстиции".

Два года спустя Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" законодательно закрепил, что мировые судьи в Российской Федерации являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Полномочия, порядок деятельности мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются Конституцией Российской Федерации, Федеральными конституционными законами, Федеральным законом "О мировых судьях в Российской Федерации", а порядок назначения (избрания) и деятельности мировых судей устанавливается также законами субъектов Российской Федерации. На них и членов их семей распространяются гарантии независимости судей, их неприкосновенности, а также материального обеспечения и социальной защиты, установленные Законом Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и иными федеральными законами. Законами субъектов Российской Федерации мировым судьям могут быть установлены дополнительные гарантии материального обеспечения и социальной защиты.

Поскольку за время существования Судебного департамента уже был накоп-

лен значительный опыт по организационному обеспечению деятельности федеральных судов общей юрисдикции, Верховный Суд и Совет судей Российской Федерации поручили Судебному департаменту использовать его в целях становления института мировых судей и создания благоприятных условий для его функционирования. Прежде всего, в оказании методической помощи субъектам Российской Федерации в разработке законопроектов, регламентирующих численность мировых судей, порядок их назначения на должность, а также определяющих количество судебных участков, порядок их создания и упразднения, а самое главное - в создании в субъектах Российской Федерации необходимых организационно- правовых предпосылок для практического введения института мировых судей.

В связи с тем, что материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей должны осуществлять органы юстиции либо органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, начались определенные сложности по определению того органа, который взял бы на себя полномочия по обеспечению деятельности мировых судей. Судебный департамент, видя такие разногласия и в целях оперативного решения данных вопросов, рекомендовал своим управлениям (отделам) в субъектах Российской Федерации временно принять на себя обязанности по организационному обеспечению деятельности мировых судей и финансирование расходов на оплату труда работников их аппаратов на основе соответствующих соглашений с органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В этих целях Судебным департаментом были разработаны примерное положение о Службе по обеспечению деятельности мировых судей и примерный текст соглашения между органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации о порядке взаимодействия по организационному обеспечению деятельности мировых судей. В ряде субъектов Российской Федерации службы по обеспечению деятельности мировых судей были созданы при соответствующих органах юстиции либо органах исполнительной власти, что не противоречило Федеральному закону "О мировых судьях в Российской Федерации". Однако в некоторых субъектах Российской Федерации полномочия служб по обеспечению деятельности мировых судей расширялись местным нормотворчеством и тем самым нарушалось федеральное законодательство. Постановлением Правительства Москвы от 20 ноября 2001 г. №1036-ПП на Управление по обеспечению деятельности мировых судей г. Москвы, созданное при городской администрации, было возложено решение задач организационно- правового и кадрового обеспечения деятельности мировых судей, тогда как, в соответствии с пунктом 1 статьи 31 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г.№1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" и ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г №7-ФЗ "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации", только Судебный департамент и входящие в его систему органы организационно обеспечивают деятельность судов общей юрисдикции, т.е.

осуществляют мероприятия кадрового, финансового, материально-технического и иного характера. Согласно ст.4 Федерального конституционного закона "О судебной системе в Российской Федерации" и ст. 1 Федерального закона "О мировых судьях в Российской Федерации" мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Следовательно, организационное обеспечение деятельности мировых судей должно осуществляться органами Судебного департамента, а в полномочия служб субъектов Российской Федерации могут входить только вопросы материально-технического обеспечения деятельности мировых судей и финансирования расходов на оплату труда работников их аппаратов.

В целях устранения разногласий в практике применения федерального законодательства в субъектах Российской Федерации и формирования единого правового пространства постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2001 г. № 4 в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального собрания внесен пакет законопроектов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О мировых судьях в Российской Федерации" и "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации", которые предусматривают законодательное закрепление за Судебным департаментом функций организационного материально-технического обеспечения деятельности мировых судей. К примеру, ст. 5 Федерального закона "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации" предполагается дополнить нормой о том, что за счет средств федерального бюджета осуществляется финансирование расходов на заработную плату и социальные выплаты мировым судьям. Финансирование же иных расходов на обеспечение деятельности мировых судей и оплату труда работников аппаратов будет осуществляться территориальными органами Судебного департамента за счет средств бюджета соответствующих субъектов Российской Федерации.

В результате проведенной работы по введению в Российской Федерации института мировой юстиции, в том числе Судебным департаментом и его территориальными органами, в 83-х субъектах Российской Федерации мировые судьи исполняют свои обязанности. Их общая штатная численность на 01 января 2004 года составляет 5656 человек, что является пятой частью судейского корпуса, осуществляющего правосудие в системе судов общей юрисдикции. Численность государственных служащих аппаратов мировых судей составляет более 9000 человек.

Согласно отчетным данным, среднестатистический мировой судья ежемесячно рассматривает: 5-уголовных, 52 -гражданских и 46 дел об административных правонарушениях. Для сравнения: нагрузка федеральных судей районного звена, соответственно, составляет: 4 уголовных, 13 гражданских дел, а также 10 иных производств в месяц. Таким образом, с введением института мировых судей нагрузка на судей федеральных судов общей юрисдикции стала снижаться,

что, в свою очередь, создает более благоприятные условия для доступности правосудия и своевременности его осуществления. Если в 2000 году мировыми судьями было рассмотрено 11006 уголовных и 82003 гражданских дела, то по мере увеличения численности мировых судей в субъектах Российской Федерации возросло и количество рассмотренных ими судебных дел. В 2003 году мировыми судьями Российской Федерации окончено производством 287886 уголовных (из них с вынесением приговора - 119656) дел, 2994821 гражданских и 2648865 дел об административных правонарушениях. Иными словами, мировые судьи в 2003 году рассмотрели около трети уголовных дел, почти две трети гражданских и 81% дел об административных правонарушениях.

Несмотря на имеющийся положительный опыт по созданию института мировой юстиции в отдельных субъектах Российской Федерации, органами государственной власти инициативы Верховного Суда РФ и Судебного департамента по введению этого института не поддерживались. В результате в 2003 году значительный некомплект штатной численности мировых судей был в Кемеровской, Курганской, Ленинградской, Омской, Рязанской, Тверской и Тульской областях.

К концу 2002 года мировые судьи вообще отсутствовали в Приморском крае, Мурманской и Сахалинской областях. В субъектах Российской Федерации, неудовлетворительно решались и вопросы улучшения материально-технических условий деятельности мировой юстиции.

Теперь о самом институте мировых судей, непродолжительное существование которого уже вызывает необходимость сделать определенные выводы. Прежде всего, важно констатировать, что при разработке и внедрении данного института еще на федеральном уровне отсутствовала, на наш взгляд, единая концепция понимания целей его создания и стоящих перед ним задач. При комплексном анализе положения дел создается впечатление, что законодатели не вполне ясно представляли значимость мировой юстиции. Слово "мировые" ассоциировалось, видимо, с чем-то негосударственным, а поэтому малозначительным. Между тем, речь шла об определении статуса звена судов общей юрисдикции. Время показывает, что принимать Закон "О мировых судьях в Российской Федерации" в предложенном виде было не вполне корректно.

В Концепции судебной реформы, утвержденной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., в качестве звена судебной системы назван мировой суд, а не мировой судья. Речь шла фактически о создании особой системы судов общей юрисдикции: самостоятельных, со своими целями и задачами. То же, что было сделано на практике, вряд ли отвечает этой цели. По Конституции РФ правосудие осуществляется только судом, но никак не мировым судьей.

Таким образом, представляется, что отдельные положения Федерального закона "О судебной системе Российской Федерации" должны быть изложены в иной редакции. Недостатки же Федерального закона "О мировых судьях в Российской Федерации" видятся уже как следствие этого.

Есть еще один небезынтересный момент. Термин "мировой судья" употребляется в законе в различных значениях. В одном случае - это физическое лицо,

обладающее определенным статусом, в другом - звено судебной системы. Подобное положение нельзя считать приемлемым.

Но самое главное в том, что был нарушен основной принцип обеспечения судебной системы - ее федеральное финансирование, позволяющее обеспечить точное и единообразное проведение судебной реформы. Впервые суд как орган государства стал делом второстепенным, вынесенным за рамки общегосударственных интересов. Подобное положение никак не способствует укреплению судебной власти. Отнеся мировых судей к судам субъекта Федерации, а также определив, что их материально-техническое обеспечение осуществляется органами юстиции либо субъектом Федерации, законодатели посчитали свою задачу выполненной, хотя далеко не все вопросы были решены. И если институт функционирует и обеспечен всем необходимым, то это, прежде всего, заслуга властей субъекта Федерации, обеспечивших своему населению доступную судебную защиту.

Но выделить деньги на финансирование расходов на заработную плату мировым судьям и социальные выплаты для них - еще не значит приблизить суды к населению, сделать их более доступными и обеспечить реализацию прав граждан на правосудие.

Очень многие проблемы все еще не решены. В частности, во многих районах выделенные мировым судьям помещения либо не в полной мере обеспечивают нормальные условия работы, либо не могут быть заняты мировыми судьями по причине необходимости капитального ремонта, а то и просто из-за аварийного состояния. Не все гладко с необходимым инвентарем. Во всех городах и районах практически отсутствует мебель для залов судебных заседаний, не оборудованы помещения для архивов, обеспеченность шкафами для документов составляет менее 50%, нет столов для посетителей и копировальных аппаратов. В целом оснащение компьютерной техникой мировых судей и отдела по организационному обеспечению деятельности мировых судей составляет 38% от необходимого количества.

Думается, необходимо провести корректировку законодательства по следующим позициям.

Во-первых, желательно законодательно закрепить подтвердившую на практике свое право на существование должность старшего мирового судьи. Юридически ее не существует, однако на практике она эффективно применяется во многих субъектах Российской Федерации, поскольку значительно облегчает взаимодействие с мировыми судьями по организационным и иным вопросам. В частности, на старшего мирового судью целесообразно возложить и обязанность по контролю за исполнением судебных решений всех мировых судей района либо нескольких судебных участков, что избавит от этой процедуры остальных мировых судей.

Во-вторых, нужно освободить судей от дополнительной работы, не связанной с осуществлением правосудия, в том числе от заполнения статистических форм и составления отчетов. Учитывая, что судьи предельно загружены делами,

тратить их драгоценное время на вопросы делопроизводства и статистики считаем непозволительной роскошью. Этим вполне могли бы заниматься главные специалисты и консультанты. В связи с тем, что мировые судьи, как правило, располагаются в одном здании, из штата секретарей судов вполне можно организовать единую канцелярию, не устраивая "междоусобицы", а также разного рода "внутренние канцелярии на общественных началах". Документооборот в судах должен быть поставлен четко и единообразно.

В-третьих, аналогичным образом должен быть решен вопрос об организации хозяйства и учета материально-технических ценностей, закрепленных за судебными участками. Судейский корпус даже в лице старших мировых судей не должен заниматься этими вопросами. Это работа администратора суда, функции которого могут быть возложены в данный момент на главного специалиста или консультанта.

В-четвертых, должен быть решен вопрос об охране судов судебными приставами по обеспечению установленного порядка в судах, поскольку в помещениях судов не только находится значительное количество важных документов, но и осуществляется правосудие, процесс отправления которого не всегда проходит гладко из-за нередко высокого эмоционального напряжения участников. Между тем, должны быть полностью исключены нарушения общественного порядка и оказание давления на суд и участников процесса.

Комплексный анализ практической деятельности института мировых судей позволяет сделать вывод о том, что он оправдал возлагавшиеся на него надежды (правда, лишь в той части, где законодатель профессионально подошел к вопросу об определении его компетенции). Но институт нуждается в гораздо большем внимании. Значительно разгружая федеральные суды, мировые судьи крайне слабо материально обеспечены, что создает серьезные трудности в их работе и не способствует укреплению их авторитета.

РАЗДЕЛ 1
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ж.С. Жайкбаев
доцент КГУ

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ "НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ" В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Одним из наиболее заметных процессов современной российской государственности является бурное развитие законодательства субъектов Российской Федерации.

Закон субъекта Российской Федерации - принципиально новое понятие, которое не знало аналогов и не закреплялось ни в одной из конституций России. После того как Федеративный Договор, а затем и введенная в действие в 1993 году Конституция Российской Федерации установили право субъектов РФ осуществлять в пределах своего ведения собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов, а также возможность иметь свою Конституцию (Устав) и законодательство, появились основания говорить о формировании правовых систем субъектов Российской Федерации. Впервые в истории России возникло многоуровневое правовое пространство, в котором в качестве самостоятельного регулятора общественных отношений выступают органы законодательной (представительной) власти субъектов РФ.

Анализ нормативных правовых актов субъектов Федерации требует, прежде всего, уяснения сущности таковых. Хотя в отечественной литературе имеется достаточное число работ, посвященных анализу нормативных правовых актов субъектов Федерации[1], в то же время имеются споры, противоречивые положения, не решенные проблемы. В частности, нередко нормативный характер видится иногда в отдельных правоприменительных актах, некоторые авторы к нормативным правовым актам относят договоры и интерпретационные акты (Верховного Суда). Поэтому уяснение того, что следует понимать под нормативным правовым актом, представляет собой важный вопрос для исследования многоаспектной проблемы упорядочения действующей правовой системы.

Вместе с тем в юридической литературе нет однозначного понятия нормативного правового акта [3]. Во-первых, такое понятие включает широкий комплекс актов правотворчества, издаваемых органами представительной (законодательной) и исполнительной власти. Во-вторых, в приведенных определениях нормативный правовой акт обозначается как документ, решение, предписание, вла-

стные действия, но не как закон и (или) подзаконный правовой акт.

В действующем законодательстве пока также отсутствует определение понятия "нормативный правовой акт". Вместе с тем в юридической доктрине принято исходить из того, что нормативный правовой акт - это официальный властный документ компетентного правотворческого органа, направленный на установление, изменение, отмену, утверждение правовых норм.

В указанном определении содержатся основные характеристики данного источника. Во-первых, нормативный правовой акт образуется в результате правотворческой деятельности компетентных органов. Это могут быть государственные органы, органы местного самоуправления. В особых случаях нормативный правовой акт может быть принят в результате прямого народного волеизъявления (референдума). Полномочия правотворческих органов на издание нормативных актов устанавливаются в Конституции, законе. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и другими законами правом издания нормативных правовых актов наделены органы законодательной и исполнительной государственной власти (федерального уровня и уровня субъектов федерации), Президент Российской Федерации, иные властные органы, а также органы местного самоуправления.

Правотворческая деятельность названных органов состоит в особом порядке его подготовки, принятия, опубликования и вступления в силу. Такой порядок содержится в Конституции Российской Федерации, федеральных законах или иных нормативных актах [4]. Соблюдение специально установленной правотворческой процедуры есть обязательное условие законности и эффективности подготавливаемых нормативных решений.

Во-вторых, каждый правотворческий орган имеет право на издание нормативных правовых актов только определенного вида (закон, указ, постановление, приказ и т.д.), закрепленного в Конституции или законе и только по тем вопросам, регулирование которых входит в компетенцию правотворческого органа.

В-третьих, в нормативных правовых актах устанавливаются нормы права, которые представляют собой "общеобязательные государственные предписания постоянного или временного характера, рассчитанные на многократное применение"[5]. Правовые нормы распространяют свое действие на всех субъектов, вступающих в определенные общественные отношения - участников правоотношений или определенную категорию лиц, действуют постоянно и непрерывно, применяются многократно при регулировании определенных видов общественных отношений. Причем, содержащиеся в нормативных актах правовые нормы распространяют свое действие на неперсонифицированный круг субъектов, т.е. адресаты норм персонально не определены, не названы в тексте самой нормы. Эти признаки позволяют характеризовать норму, содержащуюся в данном источнике, как абстрактно сформулированное предписание.

Наличие в актах правовых норм, обладающих указанными характеристиками, позволяет относить их к группе нормативных правовых актов и отделять от них ненормативные правовые акты. К последним относятся акты применения

права, содержащие индивидуальные предписания, акты-разъяснения норм права, оперативно-распорядительные акты, содержащие "ограниченные во времени конкретные предписания, адресованные определенным субъектам"[6]. Нормативный акт через содержащиеся в нем нормы права выступает регулятором неопределенного множества общественных отношений определенных видов, средством создания нормативно-правовой основы жизни и деятельности государства и общества. Часто возникает вопрос, нормативен ли сам правовой акт, т.е. содержит ли он нормативные предписания? Этот вопрос во многом проистекает из-за неоднородности формулировок самих норм права, которые выступают не только первичной клеточкой нормативного акта, но и содержательной характеристикой.

Далеко не всегда, например, из формулировки предписания можно сделать вывод о том, что оно направлено на регулирование общественных отношений. Не всегда оно укладывается в рамки общих правил. В первую очередь речь идет о таких специфических предписаниях, как предписания-дефиниции, предписания-принципы. Нормы ли они вообще по своей природе и являются ли акты, их содержащие, нормативными?

Определиться здесь необходимо, поскольку в последнее время в правотворческой практике такие предписания получили широкое распространение. Во многих правовых актах появились специальные статьи и пункты, закрепляющие как исходные положения для конкретных правовых массивов, институтов, подотраслей и даже отраслей, так и базовые понятия и термины для определенной сферы общественных отношений. Хотя в таких предписаниях и прослеживается определенная специфика, они (предписания), бесспорно, являются нормативными. Особенность их заключается в том, что они воздействуют на свой объект не напрямую, а через другие нормы права. Акты, содержащие предписания такого рода, без всякого сомнения, нормативны.

Ранее уже отмечалось, что наиболее обобщенный признак нормы права состоит в количественной неопределенности случаев, на которые она рассчитана. Но есть разновидность предписаний, которые дают (по крайней мере, на первый взгляд) некоторые основания говорить об исчерпанности их потенциала однократным применением. К таким предписаниям относятся, например, предписания, содержащие конкретные поручения субъекту права издать какой-то правовой акт (например, поручение министерству или ведомству издать инструкцию по определенному вопросу). Будет ли акт, содержащий такое предписание, нормативным?

С нашей точки зрения, ответ должен быть положительным. Такой ответ обусловлен нормативным характером самого предписания-поручения. Вряд ли можно сказать, что поручение какому-то правотворческому субъекту принять конкретную инструкцию или правила представляет собой акт однократного действия. Его нормативность сохраняется и тогда, когда поручение реализовано, поскольку само поручение является юридическим основанием не только для первичного издания соответствующих инструкций, правил, положений, но и для последу-

ющего изменения, дополнения или даже полного переиздания. Значит, наличие предписаний-поручений такого рода в правовом акте автоматически сообщает самому акту характер нормативности.

К нормативным правовым актам, на наш взгляд, следует относить также "акты, направленные на утверждение, изменение или отмену действия правовых норм, но не содержащие их" [7]. Данную группу актов рассматривают в качестве "актов нормативно-вспомогательного значения"[8] и относят к правотворческим актам, в качестве одной из разновидностей нормативного правового акта. Необходимость в этом обусловлена тем, что они учитываются при издании новых актов, при составлении перечня актов, утративших юридическую силу, при составлении хронологических и систематических собраний законодательства (напр., для Свода Законов Российской Федерации), в определении того, какие из разрозненных некодифицированных норм действуют в настоящее время, какие виды отношений урегулированы ими.

Четвертым признаком данного вида источников права можно назвать то, что все виды нормативных правовых актов образуют систему, основанную на различной юридической силе нормативных актов. Благодаря соблюдению принципа иерархической соподчиненности обеспечивается формально-логическая непротиворечивость и согласованность правовых норм. Каждый вид актов занимает строго определенный уровень в иерархии нормативных правовых актов. Этот уровень определяется главным образом исходя из нормативно закрепленного положения нормативного правового акта в правовой системе Российской Федерации, как правило, исходя из соотношения с законом.

В целом ряде случаев в качестве критерия определения места акта в иерархии нормативных правовых актов служит положение издающего их органа в системе государственно-властных органов. Данный критерий был основным и главным в формировании системы нормативных актов в советское время.

Пятая характеристика данного источника состоит в том, что он имеет официально-документальную форму и особую структуру. Само понятие "акт" является родовым для наименования данного источника права. Отсюда, в нормативном правовом акте в обязательном порядке должны содержаться определенные характеристики. В частности, указание на наименование органа, лица его принявшего, вид акта, название вопроса, которому он посвящен, место и дата принятия, порядковый номер акта, соответствующая структура акта (главы, статьи, пункты и т.д.), подпись уполномоченного лица.

В научной литературе встречается упрощенное название данного источника - нормативный акт. Вместе с тем, в федеральной Конституции несколько раз упоминается термин "нормативный правовой акт". Добавление прилагательного "правовой" здесь не случайно. Поскольку оно указывает на особую группу нормативных актов, которые связаны с правом и сферой правового регулирования общественных отношений. Одновременно отделяя от них все другие акты, имеющие нормативные свойства, но никак не связанные с правовой сферой и не входящие в рассматриваемое понятие (уставы партий, общественных органи-

заций, сборники молитв и др.).

Включение в название данного источника дополнительного понятия "правовой" свидетельствует также о том, что благодаря названным ранее свойствам он должен соответствовать основным принципам и требованиям права.

Существует множество видов и классификаций нормативных правовых актов в Российской Федерации. Среди основных наиболее распространена классификация нормативных правовых актов по юридической силе. Их делят на законы и подзаконные нормативные правовые акты. В свою очередь каждый из этих видов делится на несколько разновидностей.

Другая классификация - по уровням принятия нормативных актов. Здесь выделяют нормативные правовые акты органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принятые в результате прямого народного волеизъявления.

Нам необходимо более подробно раскрыть содержание понятия нормативного правового акта субъекта Российской Федерации.

Однако само понятие нормативного правового акта субъекта Федерации пока не получило всестороннего теоретического обоснования. В литературе уже не раз было высказано мнение о принципиальной новизне категории "закон" применительно к субъектам Российской Федерации. Пробел был также обнаружен и в области определения видов, особенностей, процедуры принятия и соотношения правовых нормативных актов федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации [9].

Не опровергая это утверждение по существу, полагаем необходимым все же указать на одну небольшую неточность. Дело в том, что принципиальной новизны здесь, как представляется, нет, потому что еще в советский период достаточно детально разрабатывалась так называемая структурно-федеративная типология нормативно-правовых актов с учетом трех уровней законодательства:

1) общесоюзное законодательство;

2) законодательство союзных республик (здесь выделяли 15 самостоятельных подсистем);

3) законодательство автономных республик (соответственно - 20 подсистем) [10].

Хотя однозначного подхода к решению вопроса о федеративной и иерархической структуре законодательства в советской юридической литературе не было, большинство исследователей согласились с тем, что типологическая характеристика нормативно-правовых актов союзного и республиканского законодательства должна быть основана на четком определении круга общественных отношений, регулируемых соответственно исключительно Союзом ССР либо исключительно республиками, а также составляющих область совместного ведения СССР и союзных республик.

Следовательно, понятие закона субъекта Федерации является новым не

столько в принципе, сколько терминологически, с учетом новых геополитических реалий, изменения федеративных отношений в России, их развития и совершенствования на качественно иной основе, чем это было в период существования Союза ССР.

Важно подчеркнуть, что нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации является элементом единой, общероссийской национальной правовой системы и получает свою индивидуальную определенность на основе зависимостей между компетенцией, юридической силой и регулируемыми отношениями. В любом случае это принятый в установленном порядке и действующий на территории субъекта Российской Федерации юридический документ, который содержит предписание правотворческого органа, устанавливающее, изменяющее либо отменяющее общеобязательные правила поведения.

С учетом всего сказанного выше можно дать следующее определение закона субъекта Российской Федерации - это принимаемый непосредственно народом или уполномоченным правотворческим органом субъекта Федерации в соответствии с регламентом юридический акт, устанавливающий, изменяющий либо отменяющий нормы права в пределах совместной компетенции Российской Федерации и субъекта Федерации либо в сфере собственного правового регулирования по наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни субъекта Федерации.

К иным нормативным правовым актам субъекта Российской Федерации относятся постановления, указы, приказы, распоряжения и инструкции, издаваемые в пределах своих полномочий органами государственной власти субъекта Федерации.

Кроме того, нормативно-правовой характер имеют приказы, издаваемые руководителями министерств или ведомств единолично; инструкции, издаваемые министерствами и ведомствами с целью регламентировать порядок какой-либо деятельности; а также различные регламенты, правила и положения, определяющие нормы поведения субъектов права в той или иной сфере деятельности и порядок организации этой деятельности.

Все подзаконные правовые акты, издаваемые органами исполнительной власти субъекта Федерации, органами местного самоуправления, а также соответствующими должностными лицами, являются юридически оформленными управленческими решениями. В частности, по таким вопросам, как организация системы органов исполнительной власти, регулирование экономических отношений, регламентация отношений собственности, использования природных ресурсов, осуществление социальной защиты населения, поддержка здравоохранения, образования, культуры, вопросы укрепления законности, борьбы с преступностью и правонарушениями, обеспечение экологической безопасности, охрана природы и т.п.

На наш взгляд, стойкая доминанта правительственного и ведомственного правотворчества связана с идеологическим компонентом правовой системы, который, как известно, меняется гораздо более медленными темпами, чем нор-

мативная составляющая. Ведь на протяжении достаточно долгого периода складывалось представление о невысокой социально-регулятивной значимости закона, а на практике это поддерживалось обилием инструкций, указаний вышестоящих инстанций, всевозможных "руководящих разъяснений". Со временем такой стереотип должен быть преодолен, а реальная исполнимость, наглядная, для всех очевидная эффективность принимаемых сегодня законов должна этому способствовать.

В целом можно сделать общий вывод, что в силу иерархическою строения правовой системы субъектов Федерации при определении понятия нормативного правового акта субъекта Российской Федерации возможны два подхода. В широком плане в понятии нормативного правового акта субъекта Российской Федерации уместно объединить разные уровни функционирования: универсальный (общепризнанные принципы и нормы международного права), федеральный, региональный и локальный. В качестве терминологического пояснения отметим, что, под локальными понимаются подзаконные правовые акты, издаваемые строго в пределах установленной компетенции соответствующего органа исключительно для решения тех вопросов, которые прямо определены в законе [11].

На наш взгляд, такое функциональное объединение допустимо, в частности, потому, что нормативные правовые акты всех указанных уровней действуют (или, по меньшей мере, должны действовать) на территории субъекта Российской Федерации, хотя, безусловно, имеют различную юридическую силу и отличаются друг от друга по содержанию, по порядку принятия, опубликования и введения в действие. Таким образом, при определении понятия нормативного правового акта субъекта Российской Федерации в широком смысле мы исходим из аспекта функционирования указанных актов. Данная позиция в определенной мере соотносима с социологическим и историко-философским видением права.

В узком смысле к нормативным правовым актам субъекта Российской Федерации, по нашему мнению, следует относить лишь тот нормативно-правовой материал, который является результатом регионального и локального правотворчества, итогом деятельности правотворческих органов субъекта Российской Федерации. И потому наиболее полно характеризует именно правовую систему субъекта Федерации, создает правовую основу для осуществления социально-экономических преобразований и создания достойных условий жизни для народа субъекта РФ. В узком определении нормативного правового акта субъекта Российской Федерации прослеживается некоторое влияние нормативного видения права.

В данном определении выделим один существенный, на наш взгляд, момент - обратим внимание, что по самой своей природе - как элемент системы, как часть некоего иерархически организованного целого - нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации не может быть противоречивым, не согласованным со всеми остальными элементами российской национальной правовой системы. При такой постановке вопроса в построении системы регионального законодательства Российской Федерации теоретически нет места для иерархического противостояния законов, принятых с соблюдением описанного выше

принципа правотворческого суверенитета законодателя. В противном случае мы придем к дисфункции правовой системы и к необратимому нарушению законности, что обусловлено общесистемной закономерностью - противопоставление части целому, их несовместимость разрушает систему.

Список литературы

1. Гошуляк В.В. Теоретические проблемы единства системы конституционного законодательства Российской Федерации //Журнал российского права. -2001. -№ 9.
2. Дудко И.Г. Система правовых актов субъектов Российской Федерации //Государственная власть и местное самоуправление. -2001. -№ 1.
3. Игнатенко В.В. Региональное правотворчество и законодательные акты. Основные понятия и термины. -Иркутск: Эконом. академия, 1996.
4. Козулин А.И. Региональные нормативные правовые акты по конституциям и уставам субъектов Российской Федерации //Российский юридический журнал. -2001. -№ 1.
5. Поленина С.В. Система законодательства субъектов Российской Федерации //Регионология. -2000. -№2.
6. Потапов М.Г. Система норм права и система нормативных правовых актов субъекта Федерации //Журнал российского права. -2001. -№ 12.
7. Систематизация законодательства в Российской Федерации /Под ред. А.С. Пиголкина. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2003. -С. 77.
8. Российская газета. -1999. -3 авг.
9. Алексеев А. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. - М., 1999. -С.77.
10. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М. Н. Марченко. - М., 2001. -С.501.
11. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. -С.325.
12. Шугрина Е. С. Муниципальное право: Учебник. -М., 1999. -С.39.
13. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Под ред. А. С. Пиголкина. -М., 2000. -С.524.
14. Указ Президента РФ от 23.05.96 N 763 "О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти".
15. Постановление Правительства РФ от 13.08.97 N 1009 "Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации".
16. Приказ Центрального Банка Российской Федерации от 15.09.97 N 02-395 "Об утверждении Положения о порядке подготовки и вступления в силу нормативных актов Банка России" и др.
17. П.2 абз.2 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 года, N 781-11 ГД "Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. -N 49. -Ст.5506.
18. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 1995 г. N 28-О "По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 25 января 1995 г. N 72 "О государственной поддержке структурной перестройки и конверсии атомной промышленности в г. Железногорске Красноярского края" в связи с запросом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // Текст определения официально опубликован не был.
19. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства: Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. -М., 1967. -С.24.
20. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций. -В 2 т. -Т.2. Свердловск, 1973. -С.13.

21. Зражевская Т А, Бекетова СМ. Некоторые проблемы законотворчества субъектов Федерации // Законы области как субъекта Российской Федерации. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. -С. 28.
22. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов. -М.: Наука, 1987. -С. 127-149.
23. Тихомиров Ю.А. Механизм реализации законов. Закон и подзаконный акт //Законы области как субъекта Российской Федерации. -Воронеж, 1996. -С. 149.

Е. Дмитриева, студент 2 курса ЮФ
Научный руководитель: А.В.Троекашина, ассистент КГУ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ В КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Институт местного самоуправления относится к основам конституционного строя Российской Федерации, является одним из элементов федеративного демократического государства и служит важной гарантией обеспечения прав граждан на участие в управлении государством. Особую роль этот институт играет в процессе формирования гражданского общества.

В течение последнего десятилетия в Российской Федерации постепенно формируется современная система местного самоуправления. В Конституции Российской Федерации (ст. 3, п. 2, ст. 12, гл. 8) и федеральных законах закреплены основные принципы и черты российской модели организации местного самоуправления. Многое сделано в плане обеспечения организационно-правовых условий для создания и функционирования органов местного самоуправления. Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления, многие идеи и положения которой положены законодателями в основу концепции построения системы местного самоуправления в нашей стране.

Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

Становление института местного самоуправления связано с идеей разделения властей и децентрализации властных полномочий. Именно разграничение "публичных дел" в современной системе федеративных отношений порождает множество теоретических проблем.

Главные вопросы, которые я хотела бы рассмотреть в данной работе :

1.Проблема передачи и осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

2.Возможность решения проблемы передачи и осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий на уровне Курганской области.

1.Отсутствие качественного механизма передачи государственных полномочий органам местного самоуправления как на федеральном уровне, так и на

региональном стало очевидным не только после озвучивания данной проблемы Президентом РФ в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации в 2003 году, но и на практическом уровне, когда органы местного самоуправления не могут реализовать не то что возложенные на них субъектами федераций государственные полномочия, но и так называемые местные вопросы.

Рассмотрим сначала ситуацию по данному вопросу на федеральном уровне.

Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 28 августа 1995 года с последующими изменениями довольно скудно регламентировал данный процесс, то есть были лишь определены отдельные гарантии делегирования государственных полномочий, ч.4 ст.6 данного закона звучит так: "Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется только федеральными законами, законами субъектов РФ с одновременной передачей необходимых материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству…". В то же время остались открытыми вопросы о пределах делегирования государственных полномочий, о способе передачи муниципальным образованиям для выполнения государственных полномочий необходимых материальных и финансовых средств, об условиях и формах осуществления контроля за реализацией полномочий, основаниях и порядке их отзыва.

Все названные вопросы сегодня решаются путём реализации механизма предоставления субвенций и дотаций из вышестоящих бюджетов в муниципальный.

Проанализировав материалы судебной практики, мы пришли к выводу, что процесс доказывания недофинансирования отдельных государственных полномочий из вышестоящих бюджетов является очень сложным.

Государственные полномочия, передаваемые на исполнение органов местного самоуправления, очень многообразны: ведение земельного кадастра, социальные вопросы, например, предоставление льгот ветеранам.

Неисполнение некоторых из этих полномочий может привести к нарушению интересов государства, но зачастую такое неисполнение влечёт умаление прав и свобод человека и гражданина, что на наш взгляд является более тяжким последствием.

Чтобы обратится в суд за восстановлением нарушенных прав, необходимо найти ответчика, что на практике оказывается затруднительным. Органы государственной власти, передав полномочия на осуществление органам местного самоуправления, считают себя более не связанными этими обязательствами. Отсутствие механизма передачи полномочий приводит к невозможности доказывания самого факта передачи. Единственным доказательством может быть закон, определяющий компетенцию органов местного самоуправлении, и закон о бюджете, в котором появляются дотации и субвенции на реализацию, но этих средств почти всегда недостаточно, а механизма дополнительных, неучтённых в очередном году расходов на федеральном и региональном уровне нет. В итоге

органы государственной власти в ответ на вызовы в суд в качестве соответчика обосновывают свою неявку тем, что органы местного самоуправления должны решать аналогичные государственным полномочия, называемые вопросами местного значения.

Неблагополучное состояние российского местного самоуправления давно очевидно, и столь же очевидна неотложность решения назревших в этой сфере проблем. Много надежд возложено на новый закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 6 октября 2003 года, который, за исключением некоторых положений, вступит в силу с 1 января 2006 года. Хотя закон существенно переработан, но это не новый закон, по мнению многих авторитетных учёных, а новая редакция действующего закона, так как в нем зарекомендовавшие себя нормы действующего закона сохранены. В то же время предложен ряд новых положений, в том числе по интересующему нас вопросу.

В новом законе определен порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (глава IV). В части 2 статьи 19 установлено, что отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления, осуществляются органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, т. е. не всеми муниципальными образованиями, как это было по действующему закону. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации. Финансовое обеспечение переданных полномочий осуществляется только за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций из соответствующих бюджетов (часть 5 статьи 19). В то же время в части 8 статьи 19 указано, что предоставление субвенций местным бюджетам может не предусматриваться в случаях, если установленные указанными актами отдельные государственные полномочия не предусматривают необходимость создания новых органов местного самоуправления, муниципальных учреждений и предприятий, осуществления дополнительных бюджетных инвестиций, платежей из местного бюджета гражданам и юридическим лицам, увеличение штатной численности муниципальных служащих и работников бюджетных учреждений.

В статье 20 нового закона закрепляется положение о том, что по вопросам осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации в пределах своей компетенции вправе издавать обязательные для исполнения нормативные правовые акты и осуществлять контроль над их исполнением, подобных положений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 28 августа 1995 года не было.

Теперь рассмотрим особенности передачи и осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий в Курганской области на основе Закона Курганской области от 11 октября 2000 года "О поряд-

ке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Курганской области". Данный закон содержит некоторые недостатки, например, закон Курганской области, предусматривающий передачу органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий Курганской области, должен содержать порядок контроля государственных органов Курганской области за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Но в какой форме должен проводиться контроль? За ответом на этот вопрос лучше всего обратится к Федеральному законодательству, но Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 28 августа 1995 года не даёт на него ответ, то есть это должно решаться на уровне законодательства Курганской области, что в корне не правильно, на мой взгляд, т.к формы вмешательства в деятельность органов местного самоуправления -это серьёзный вопрос, и он должен решаться на федеральном уровне.

В Законе Курганской области от 11 октября 2000 года " О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Курганской области" до 30 марта 2002 года было, на мой взгляд, серьёзное противоречие Конституции Российской Федерации. Это выражалось, прежде всего, в том, что государственные органы Курганской области делегировали органам местного самоуправления свои полномочия по вопросам, отнесенным к совместному ведению Российской Федерации и Курганской области.

При этом в характеристике реализации государственных полномочий, осуществляемых органами местного самоуправления и регламентируемых законодательством РФ, имеется ряд проблемных вопросов, на анализе отдельных из них хотелось бы остановиться поподробнее. Прежде всего, хотелось бы остановиться на моменте собственно передачи этих полномочий органам местного самоуправления. Конституция РФ предусматривает в таком случае единственным основанием для передачи этих полномочий, в соответствии с пунктом 2 статьи 132, лишь закон. Можно предположить вариант, что государство передает местному самоуправлению лишь те предметы ведения и соответствующие им полномочия, которые изначально является нерентабельными для государства как с точки зрения экономической, а именно, например, передаются полномочия в тех сферах государственной жизни, которые в данный момент потенциально не могут приносить прибыль и являются изначально убыточными, так и с точки зрения политической - то есть как вариант уклонения от политической и правовой ответственности. С другой стороны, мы должны исходить из того, что в данном случае закон создает реальные правовые обязанности по реализации данных государственных полномочий для органов местного самоуправления и при этом не всегда возможно учитывать интересы как органов, так и самого местного самоуправления, так и населения муниципального образования. Иными словами, у современных муниципальных образований в России достаточно и своих проблем, но в данном случае они вынуждены подчас в ущерб своим интересам решать государственные задачи на своей территории. Тем более что

данное положение не совсем соответствует принципам самостоятельности и независимости местного самоуправления, зафиксированных в Конституции РФ.

2.В принципе этого так называемого процесса огосударствления можно избежать. И этот "механизм избежания" заложен уже на уровне Курганской области, другое дело, что он совершенно не востребован. Давайте рассмотрим данный механизм поподробнее. В статье 108 Устава Курганской области, в перечне исполнительных органов государственной власти Курганской области присутствуют исполнительно-распорядительные (территориальные) органы, образуемые в городах Курган и Шадринск и районах области, порядок формирования, деятельности и полномочия которых определяются областными законами. Именно эти территориальные органы государственной власти Курганской области и могут осуществлять те полномочия, которые передаются органам местного самоуправления.

Для реализации этого положения нужно в первую очередь строго разграничить сферу деятельности территориального подразделения органов исполнительной власти Курганской области и органов местного самоуправления. А также абсолютно определенно обозначить источники формирования местных бюджетов. И именно при реализации данных положений каждый будет заниматься своим делом. То есть органы местного самоуправления будут решать вопросы исключительно местного значения, а органы государственной власти субъекта будут заниматься вопросами, отнесенными к предмету их ведения Конституцией Российской Федерацией.

Вследствие этого проблема передачи и осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий будет менее острой, если не сказать больше - перестанет существовать вообще.

Нормативно - правовые акты

1. Конституция Российской Федерации 1993 года.
2. "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 28 августа 1995года
3. " Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 6 октября 2003 года
4. Решение Курганской областной Думы от 1 декабря 1994 года N 90 Устав Курганской области (с изменениями и доп.)
5. Закон Курганской области от 11 октября 2000 года " О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Курганской области"

Список литературы

1.Наквасин А.М. Агибалов Ю.В. Основные направления совершенствования местного самоуправления в России в новой редакции Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Законодательные органы власти субъектов Российской Федерации - 2003. - Вып. 1. - С. 64-66.

2.Салов, О.В. Местное самоуправление: историческая практика и современность - М.: Экономика, 2003.- С.8-9.

Троекашина А.В.
ассистент КГУ

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время, в период, когда внимание научных деятелей, а также и общества, привлекает реформа вертикали власти, многие положения науки, обосновывающие систему организации власти, подлежат пересмотру.

Принципы местного самоуправления - это обусловленные природой местного самоуправления коренные начала и идеи, лежащие в основе организации и деятельности населения, формируемых им органов, самостоятельно осуществляющих управление местными делами. Уже из данного определения можно выделить причины складывания принципов - они обусловлены природой местного самоуправления. Но природа местного самоуправления тоже не может рассматриваться как однополюсное понятие, ведь она определяется, прежде всего, тем, какой статус местного самоуправления заложен в законодательстве.

По мнению В.И. Фадеева, именно с принятием Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ" 1995 года, иных законов, а также в процессе судебной практики конституционные принципы местного самоуправления обретают свою плоть, материализуясь в муниципальной деятельности [8, с. 141]. Закрепление принципов в нормативных актах придает им нормативно-правовое содержание общеобязательных требований. Получившие плоть принципы продолжают диктовать практику муниципального управления и на современном этапе реформы местного самоуправления, однако, нельзя не заметить, что конституционные принципы с того времени подверглись значительной модификации.

С 1993 года российская государственность и система управления не остается без изменений. Изменения, происходящие в настоящее время, являются довольно радикальными и можно отметить, что несмотря на "жесткий" характер российской конституции, и отсутствие изменений непосредственно текста Основного закона, принципы организации местного самоуправления подвергаются модификации. Такие изменения и будут предметом рассмотрения в данной работе.

В Конституции РФ получили признание следующие общие принципы местного самоуправления:

1) **самостоятельность решения населением вопросов местного значения** (ст. 12 и 130). Муниципальные образования самостоятельны в решении вопросов местного значения, что реализуется путем местного референдума, муниципальных выборов, с помощью других форм прямого волеизъявления, через деятельность граждан в выборных и других органах местного самоуправления. Население самостоятельно определяет организационную форму осуществления местного самоуправления, наименование и структуру его органов. Местное само-

управление обеспечено финансово-экономической самостоятельностью, управляет муниципальной собственностью, утверждает и исполняет местный бюджет, устанавливает местные налоги и сборы.

Как справедливо отмечает И. В. Выдрин, "до самостоятельности надо еще дорасти" [1, с. 34]. Многие территориальные единицы, даже наделенные статусом муниципальных образований, не могут быть названы таковыми, так как они не отвечают основному признаку муниципального образования - наличие собственных материальных ресурсов. Объяснение такого большого количества "недееспособных" субъектов бюджетных отношений может быть дано путем анализа регионального законодательства о территориальном устройстве самоуправления. Например, законы, принимаемые по этому вопросу в Курганской области, не содержат критериев, при которых муниципальное образование может быть создано, хотя этот вопрос относится к компетенции субъекта Федерации в сфере местного самоуправления. И муниципальные образования создаются с разрешения субъекта Федерации - их создано в нашей области 459 - а вопрос об их дальнейшем самостоятельном существовании остается проблемой местного населения.

В связи с этим самостоятельность как основной принцип местного самоуправления, конечно же, подвергся наибольшему изменению. Ведь, как предписывает Европейская хартия местного самоуправления 15 октября 1985 г. [4], местное самоуправление предполагает прежде всего "реальную возможность населения решать большинство публичных дел", а данное положение в РФ никогда не было реализовано полностью, что отмечается большинством исследователей. Модификация данного принципа (в функциональном смысле) выражается прежде всего в том, что вопросы местного значения ранее определялись как примерные, в связи с реформой компетенция местного самоуправления расширительному толкованию не подлежит, формы реализации компетенции также предопределены на федеральном уровне. Принцип самостоятельности является многокомпонентным, поэтому на данном этапе констатируем модификацию, а проявление изменения подхода будет показано далее.

Организационное обособление местного самоуправления в системе управления обществом и государством (ст. 12). Думается, что основной целью современного этапа реформы местного самоуправления является именно укрепление этого принципа. Ведь четкая регламентация организации местного самоуправления способствует его упорядоченности. На мой взгляд, практика реализации действующего законодательства указала на необходимость большей унификации местного самоуправления. Ведь местное самоуправление должно иметь автономию в отношении своей компетенции, обладать свободой действия для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, находящемуся в его ведении. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, однако строят отношения с другими муниципальными образованиями, органами местного самоуправления и государственной властью. Для этого должно существовать более определенное положение органов

местного самоуправления: например, разграничение компетенции местного самоуправления и государства способствует выявлению ответственного за неисполнение законов; разграничение компетенции между различными уровнями муниципальных образований укрепит принцип неподчинения одних муниципальных образований другим и т.д. Укреплению данного принципа также служит и новелла об обязательном придании органом самоуправления статуса юридических лиц;

2) **многообразие организационных форм местного самоуправления** (ст. 131). Местное самоуправление осуществляется гражданами непосредственно, а также через выборные и иные органы местного самоуправления. Перечень форм демократии как непосредственной, так и представительной существенно расширен, в новом законе дается четкая регламентация этих форм. Хотя ФЗ "Об общих принципах" в старой редакции тоже ни в коей мере не ограничивал возможности выбора форм местного самоуправления, но, представляется, что такая широкая демократизация по общедозволительному методу в РФ не приживается. Для выбора форм непосредственного волеизъявления населению необходимо указать, из чего можно выбирать. Население по-прежнему вправе самостоятельно использовать любые формы и сочетания форм представительной (выборные органы местного самоуправления) и непосредственной демократии (референдум, выборы, собрание, публичные слушания), определять организационно-правовые формы местного самоуправления. Граждане могут реализовать свое право на народную правотворческую инициативу и на индивидуальные и коллективные обращения граждан в органы и к должностным лицам местного самоуправления. Представляется, что расширение перечня форм непосредственного волеизъявления будет способствовать реализации местного самоуправления в новых рамках;

3) **обеспечение деятельности местного самоуправления необходимыми материально-финансовыми ресурсами** (ст. 132). В настоящее время для реализации данного принципа проводится огромная работа органами государственной власти РФ и ее субъектов. На переходном этапе, который обозначен до 2006 года, Правительству, органам государственной власти субъектов необходимо разработать методику для нового разграничения собственности, разграничения доходных источников между различными уровнями бюджетной системы, по-новому определить расходные полномочия бюджетов различных уровней. Предполагается также уточнить механизмы передачи полномочий от государства к местному самоуправлению, усовершенствовать работу по компенсации дополнительных расходов, возникших в результате решений органов государственной власти. Местное самоуправление должно иметь условия, позволяющие его органам обладать достаточными для выполнения своих функций средствами. Самостоятельность местного самоуправления в управлении муниципальной собственностью сводилась во многом к управлению тем имуществом, которое требовало дополнительных вложений, либо вовсе числилось на балансе ОМС в качестве "мертвого" груза. Формирование, утверждение местного бюджета, проводимое

после принятия вышестоящих бюджетов, сопровождалось постоянным запаздыванием с принятием бюджета, способствовало развитию "паразитических" настроений у органов местного самоуправления. На современном этапе налоговой реформы предполагается перераспределить налоговые поступления в местные бюджеты таким образом, чтобы наиболее собираемые налоги (по крайней мере 2) закреплялись за муниципальным образованием на постоянной основе, что придавало бы большую степени уверенности в возможности реализации собственной компетенции. Сбалансированность местных бюджетов в ближайшем будущем будет гарантирована перераспределением бюджетных излишков от наиболее обеспеченных муниципальных образований менее обеспеченным. Этот механизм довольно новый для российской практики, и думается, что его реализация будет наиболее сложной. Здесь также возникает необходимость разработать методику расчета минимального местного бюджета, утвердить минимальные социальные стандарты, о которых уже давно ведется речь как о возможном способе решения вопроса отсутствия долгосрочного муниципального планирования;

4) **принцип государственной поддержки местного самоуправления.** Находясь на стадии становления, местное самоуправление в РФ зачастую сталкивается с множеством трудностей, в разрешении которых необходима помощь государства. Между тем деятельность государства, направленная на обеспечение развития местного самоуправления, не должна ограничивать его самостоятельность, так как развитие местного самоуправления является целью, а государственная поддержка - средством достижения этой цели [2, с. 76]. Как отмечалось на Всероссийском совещании по вопросам местного самоуправления (1995 г.), деятельность государства в сфере местного самоуправления требует взвешенности, ибо грань между поддержкой государства и вмешательством в решение вопросов местного значения слишком зыбка [5, с. 23]. Видимо, по этой причине из текста закона исчезла формулировка о государственной поддержке местного самоуправления, и теперь государственная поддержка местного самоуправления будет реализовываться только как требование Европейской хартии местного самоуправления и в соответствии с принципом прямого действия аналогичных по содержанию норм Конституции РФ;

5) **использование местных обычаев и традиций в организации и деятельности местного самоуправления**. Думается, что действие данного принципа в связи с новой практикой местного самоуправления должно быть несколько ограничено. Местные традиции могут применяться, естественно, не во всех сферах деятельности местного самоуправления (ведь во многих управленческих вопросах необходимы специальные познания). Обращение к местным обычаям и традициям позволяет учесть местные особенности народностей, проживающих на территории муниципального образования, и отразить многообразие моделей местного самоуправления. Органы местного самоуправления выражают интересы и потребности жителей, что должно способствовать проявлению инициативы и самодеятельности всех групп населения.

Примером учета мнения населения может быть определение названий органов местного самоуправления, которое прописывается в уставах муниципальных образований. Здесь наиболее ярко отражает историческую специфику название многих органов местного самоуправления в Курганской области такими терминами как советы. Реально подчеркивает специфику регионов, наименование некоторых низовых территориальных единиц, на базе которых созданы муниципальные образования - станицы, аулы и т.п. Но на самом деле, учет мнения населения не должен ограничиваться только этими вопросами.

Еще одна сфера, в которой без мнения населения обойтись невозможно, - это местные выборы. Однако, всем известно явление абсентеизма, которое проявляется в наиболее яркой форме именно на местных выборах. Не случайно федеральный законодатель снизил предел, при котором выборы считаются состоявшимися, до 20 процентов от числа жителей, имеющих право голоса. В противном случае местные власти вынуждены были бы назначать повторное голосование, на что зачастую нет лишних бюджетных денег. Так возникает ситуация, в которой учет мнения зависит от наличия бюджетного финансирования, и возникает вопрос о правомочности решения, принятого реальным меньшинством от числа жителей. В связи с данными изменениями законодательства также возникают и практические проблемы.

Для решения этой проблемы возможен вариант, предполагающий четкое соотнесение конкретных вопросов с определенной формой учета мнения населения. Такие попытки предпринимаются в новой редакции ФЗ, например, определяется перечень нормативных актов и решений, которые в обязательном порядке должны выноситься на публичные слушания (речь идет о проекте устава, бюджете, программах развития). Конечно, такой механизм предполагает определенную степень государственного влияния, но нам думается, что такой механизм вполне можно вписать в формулу "определение общих принципов организации местного самоуправления", отнесенных к ведению государства, за рамками которого местное самоуправление будет самостоятельно реализовывать данный механизм.

Таким образом, можно прийти к выводу, что учет мнения населения, конечно, является необходимым, но возможно, не все вопросы компетенции местного самоуправления обязательно должны сопровождаться консультированием с населением.

Думается также, что кроме названной выше модификации конституционных принципов местного самоуправления, появляется также необходимость в определении новых принципов. Так, наряду с учетом мнения населения, необходимо по-новому прописать в системе конституционных принципов **принцип разграничения компетенции РФ и ее субъектов в сфере определения основ местного самоуправления**. Нельзя не согласиться с мнением, что "важнейшим приоритетом государственной политики в области местного самоуправления является создание условий для реального и эффективного разграничения полномочий между федеральным, региональными и местными органами власти, а также

между муниципальными образованиями"[3, с. 55].

Смещение грани между федеральным правовым регулированием и региональным нормотворчеством в сфере местного самоуправления является, на наш взгляд, очевидным. Достаточно иллюстративным подтверждением может быть сравнение объема правового регулирования общих принципов организации самоуправления в двух редакциях ФЗ. Если ранее большая часть вопросов об организации местного самоуправления передавалась на уровень субъекта Федерации, то в новом законе предметы правового регулирования субъектами Федерации определяются в каждом аспекте взаимоотношений. Например, вопросы местного значения могут определяться только ФЗ, статус выборных лиц местного самоуправления во многих случаях определяется ФЗ, требования к порядку принятия и вступления в силу муниципальных правовых актов более не могут определяться законом субъекта [9, Ст. 18, Ст. 40, Ст. 44-48]. Может быть, эти нормы во многих субъектах РФ и были идентичны, но федеральное регулирование этих вопросов упрощает понимание природы местного самоуправления - и, безусловно, придает этой природе централизованный характер.

Таким образом, принципы местного самоуправления, сложившиеся в результате реализации политики централизации и унификации местного самоуправления в регионах РФ, логически претерпели модификацию, но такая модификация, на наш взгляд, укладывается в рамки общетеоретической классификации основных начал муниципальной власти.

Список литературы

1.Выдрин И.В., Кокотов А.Н. Муниципальное право. -М., 1999. -С.34
2.Граф И.В. Реализация конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления в законодательстве о местном самоуправлении РФ// Ученые записки Тюменского государственного университета
3.Доклад Конгресса муниципальных образований РФ: Местное самоуправление в современной России: итоги и перспективы //Местное право. -2003. - № 11-12, -С. 33-70.
4.Европейская хартия местного самоуправления 15 октября 1985 г. // СЗ РФ. -1998. -№ 15. -Ст. 1695.
5.Материалы Всероссийского совещания по вопросам реализации конституционных положений по вопросам местного самоуправления и организации государственной власти в субъектах РФ. - М.: Юрид. лит., 1995. -С. 23
6.Муниципальное право РФ: Учебник для вузов /Под ред. проф. Н.С. Бондаря. -М.: Юнити-Дана, Закон и право, -2002.
7.Пылин В.В. Основы и принципы местного самоуправления // Журнал российского права. -1999. -№ 7-8. -С.29.
8.Фадеев В.И. Проблемы реализации конституционной модели местного самоуправления / / Конституционно-правовая реформа в РФ: Сборник статей/ РАН ИНИОН; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. - М.: 2000. -С. 139-156.
9.Федеральный закон от 06 октября 2003 № 131 - ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп.) // СЗ РФ. -2003. - № 40. - Ст. 3822.
10.Федеральный закон от 28 августа 1995 № 154 - ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп.) // СЗ РФ. -1995. - № 35. -Ст. 3506.

Р.В.Скиндерев
доцент КГУ

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ПРАВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Право как один из основных регуляторов отношений между людьми, безусловно, имеет определенную детерминированность. Вместе с тем, процесс создания правовых норм и процесс реализации права насквозь проникнуты субъективными факторами. Другими словами, в праве, как и во многих социальных явлениях, причудливым образом переплетаются то, что мы можем назвать объективным и субъективным.

Главной целью настоящей статьи является постановка проблемы роли объективных и субъективных факторов в праве, их соотношения и взаимодействия.

Несмотря на безусловную научную привлекательность подобной постановки проблемы, она практически остается неизученной в отечественной и зарубежной правовой науке. Лишь в начале 70-х годов XX века в журнале "Правоведение" публиковалась дискуссия об объективном и субъективном в праве (Правоведение. -1972. -№№ 2-4). Но участники этой дискуссии оперировали, прежде всего, марксистско-ленинским, классовым подходом к пониманию права и к соотношению объективного и субъективного в нем. После вышеуказанной дискуссии практически ничего в юридической науке об этой проблеме не говорилось. Исследователи-теоретики обращали внимание только лишь на право в объективном и субъективном смысле. Поэтому, на наш взгляд, рассмотрение данной проблемы имеет чрезвычайно важное научное значение.

Исходной методологической позицией, по нашему мнению, необходимо выбрать такое понимание права, которое бы рассматривало его в "чистом", "оторванном" виде. То есть под правом мы понимаем исключительно *нормативную систему, санкционированную и поддерживаемую государством*. Это очень важно, так как такой подход позволяет достаточно четко определить и разграничить влияние субъективных и объективных факторов, обусловливающих право. Именно такое понимание права позволяет избежать методологического синкретизма, не допуская смешивания и размывания таких базовых и самодостаточных понятий как *право, мораль, нравственность, законность, справедливость, гуманность.*

Кроме этой методологической позиции следует обратить внимание на относительность таких явлений как объективное и субъективное, определение которых зачастую зависит от выбора "точки отсчета", от выбора "системы координат", так как одно и тоже явление может выступать по отношению к праву в качестве объективного и в качестве субъективного одновременно.

Рассмотрение данной научной проблемы предполагает три больших, самостоятельных направления исследований: а) исследование соотношения объек-

тивной и субъективной обусловленности права; б) выявление механизмов трансформации субъективной воли в объективную правовую реальность в процессе правотворчества (то есть процесс объективации); в) раскрытие процессов трансформации объективных правовых норм в субъективную волю в процессе правоприменения и реализации права (процесс субъективации).

Соотношение объективной и субъективной обусловленности права. Это направление исследования тоже в свою очередь не выглядит однородным, предполагая несколько самостоятельных направлений.

Культурно-историческая обусловленность. Во-первых, процесс развития права закономерен и происходит со своей присущей только ему логикой. Право развивается, подчиняясь этим законам развития, являя миру те или иные формы своего существования в определенной последовательности. Несмотря на все разнообразие правовых явлений у разных народов в разные временные отрезки, есть много общего как в сущности этих явлений, так и в логике их трансформации. Естественно, что сама логика исторического развития выступает безусловным объективным фактором по отношению к праву. Во-вторых, в процессе исторического развития постепенно складывается культурно-цивилизационный облик тех или иных обществ. В рамках этих обществ формируется то, что мы можем назвать коллективным правосознанием, включающим в себя правовую идеологию, правовую психологию, правовую культуру. Не вызывает сомнений тот факт, что все это - объективная обусловленность права. Создание правовых норм, реализация их напрямую зависят от культурной среды, которая, в свою очередь, напрямую исторически обусловлена. Тот образ права, который создается в конкретную историческую эпоху в конкретном месте, во многом уникален и неповторим.

Экономическая обусловленность права. Роль этого фактора в свое время была сильно преувеличена под воздействием марксистской школы. Был сделан вывод о безусловной и прямой детерминированности права господствующим в обществе типом производственных отношений. Сейчас достаточно очевидно, что влияние экономических факторов не столь велико. Достаточно взглянуть на первые законодательные акты, чтобы убедиться в незначительной доле норм, регулирующих экономические отношения. Точно так же трудно найти нормы, отражающие своим содержанием острые классовые противоречия. В ранних исторических нормативных документах преобладают нормы уголовного характера и иные нормы, направленные на элементарное поддержание порядка в обществе, то есть имеющие, прежде всего, общесоциальную направленность. С другой стороны, полностью отрицать или неоправданно умалять экономическую обусловленность права было бы непростительной глупостью. Во-первых, экономические процессы требуют безусловной правовой регуляции, что определенным, а в некоторые исторические периоды решающим образом, влияют на образ права, на юридические конструкции. К тому же, это воздействие выходит далеко за рамки собственно гражданско-правовых дисциплин, касаясь финансового, налогового, таможенного, административного, уголовного и, нако-

нец, конституционного права. Во-вторых, действия многих участников правоотношений имеют под собой чисто экономический интерес, оказывая исключительно субъективное воздействие на право. И в большей степени такое воздействие осуществляется экономически заинтересованными субъектами правотворчества. В-третьих, существует как бы опосредованное влияние экономики. Дело в том, что структура и вид социума в определенной степени зависят от экономической сферы. В свою очередь, право зависит от этого социума, призвано регулировать отношения внутри него. То есть и в таком виде видна объективная обусловленность права. Вообще-то марксисты не ошиблись в том, что увидели такую взаимосвязь, ошибка была в гипертрофировании влияния этого фактора.

Политическая обусловленность права. Во все времена общество стремилось к порядку и самоорганизации. Это стремление всегда выражалось в формировании властных структур. Стремление к институционализации власти обусловливает право с объективной стороны, требуя от общества создавать целые комплексы норм, а в настоящее время целые отрасли права, регулирующие властные отношения. С другой стороны, власть сама по себе - сильнейший субъективный фактор. Действуя зачастую под воздействием сиюминутных корыстных интересов, создавая право, власть выдает его за воплощение справедливости. На самом же деле право становится результатом суммирования субъективных интересов или результатом компромисса между ними.

Психическая обусловленность права. Здесь мы вторгаемся в самую тонкую материю - область человеческой психики. Речь в данном случае нужно вести прежде всего о правосознании. Правосознание субъективно по своей природе, так как его носителями являются конкретные люди, то есть субъекты права. Субъектам свойственно субъективное поведение, действуя зачастую ситуативно, под воздействием конкретных обстоятельств, люди воздействуют на правовую материю, или в процессе правотворчества, или в процессе применения, или в процессе реализации правовых норм. В этом смысле правосознание и психика в целом оказывают воздействие на право субъективного характера.

Однако с другой стороны человеческая психика и правосознание в частности существуют и развиваются по объективным законам. А самое главное, право не может существовать отдельно, "быть освобожденным" от человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного.

Поэтому здесь, в этой обусловливающей сфере наиболее причудливым и удивительным образом переплетаются объективные и субъективные факторы. Именно в этой области очень важно определиться с "точкой отсчета", "системой координат" исследования. В этой связи нам не удастся избежать релятивизма, который в свою очередь чрезвычайно усложняет научный поиск.

Выявление механизмов трансформации субъективной воли в объективную правовую реальность является следующим основным направлением исследования.

Мы исходим из позиции, что право не возникает и не существует само по себе, оно - продукт человеческой деятельности, причем осознанной деятельно-

сти. В процессе создания правовых норм субъективная воля вполне конкретных лиц трансформируется в объективную правовую реальность. Иными словами, происходит процесс объективации, который, конечно же, сам по себе неоднороден. Неоднородность этого процесса объясняется, прежде всего, разнообразием субъектов правотворчества. В этой связи можно выделить несколько самостоятельных линий поиска.

Объективация права как результат правотворческой деятельности законодательной власти. Естественно, что роль законодательной власти в процессе создания права является ведущей. Современные демократические государства выдвигают требование максимальной легитимности субъекта правотворчества. С этой точки зрения законодательная власть находится в явном выигрыше. Выборы в законодательный корпус обеспечивают ему безусловную легитимность, и позволяют монополизировать законотворческий процесс (по крайней мере, в идеале).

Здесь механизм объективации приобретает форму законодательного процесса, очень сложного по своей структуре и разнородного по содержанию. В ходе законодательной работы реализуется субъективная воля законодателя в виде нового закона. Мы далеки от мысли, что депутаты законодательных органов руководствуются исключительно соображениями справедливости, гуманности и прочими непререкаемыми общепринятыми ценностями. Очень часто, по крайней мере, чаще, чем хотелось бы, законодатели движимы сугубо индивидуальными или узкокорпоративными мотивами. И законодательный процесс в любом случае представляет собой напряженную деятельность по согласованию, сведению множества воль в единую общую волю, которая, став законом, сразу же приобретает общеобязательное объективное значение. То есть исключительно субъективная воля трансформируется в объективную реальность. Причем субъективной она остается и в том случае, когда законодатель движим чисто благородными, гуманными и справедливыми соображениями, так как соображения эти есть не что иное, как субъективное восприятие реальности (социальной в данном случае).

Естественно, что необходимо внимательно исследовать законодательный процесс, так как отдельные его этапы в данном случае являются определенными элементами механизма объективации. Законодательный процесс помимо своей внутренней сложности несет с собой множество проблем, и прежде всего проблему технократизации законотворчества. Не секрет, что законодательная практика практически всех государств изобилует примерами упрощения, сокращения или трансформирования законодательной процедуры. Применение методов "кенгуру", "гильотины", отстранение верхних палат парламентов от законодательной работы, применение практики делегированного законодательства - все это позволяет усомниться в правильности, чистоте законодательного процесса, а, следовательно, и в исключительной роли законодательной власти в процессе правотворчества. Тем не менее, это один из основных механизмов объективации права.

Объективация права в процессе судебного нормотворчества. Судебное нормотворчество - отдельная, самостоятельная область исследования. В наиболее выраженном виде оно существует в странах англосаксонского права. Английская формула "судебная защита предшествует праву" в полной мере определяет роль судов в правотворчестве в рамках традиции прецедентного права. Известно, что в континентальной системе права положение судов иное и их правотворческие возможности существенно урезаны или практически отсутствуют. Но, тем не менее, нормотворческий процесс судами все-таки осуществляется. Во-первых, достаточно распространена практика конституционных судов, решения которых носят общеобязательный нормативный характер. Во-вторых, процессы конвергенции правовых систем приводят к тому, что некоторые решения судов общей юрисдикции в системе континентального права на практике не могут быть игнорированы, то есть являются по сути нормативными. Несмотря на разный статус судов в указанных правовых семьях, процесс правотворчества протекает тождественным образом.

Нормотворчество в рамках судебной практики происходит в том случае, когда суд не удовлетворен имеющимся нормативным материалом и вынужден произвольно толковать имеющиеся нормы, прибегая к аналогии, или же выносит решения, основываясь исключительно на собственном понимании справедливости. В том и другом случае мы имеем все ту же трансформацию субъективной воли в объективное правовое содержание. То есть и здесь налицо процесс объективации. Другое дело, что сам по себе механизм объективации приобретает совершенно иные формы и работает иным образом. В данном случае можно говорить о совершенно ином виде механизма объективации, элементами которого являются стадии судебного процесса. В этой связи любопытно рассмотреть те свойства и особенности суда как такового, которые позволяют ему объективировать право. Другими словами, мы должны затронуть проблему легитимности судебной власти. Легитимность эта не так бесспорна, как кажется на первый взгляд: суды, как правило, не избираются, то есть они не имеют прямого мандата доверия граждан. Тем не менее, они пользуются непререкаемым авторитетом, и этот авторитет является необходимым условием нормальной деятельности судов. Возникает вопрос: чем обусловлен такой высокий статус суда? На этот и на многие другие вопросы предстоит ответить в рамках данной линии исследования.

Процесс объективации в других видах правотворчества. Известно, что правотворчество как процесс не исчерпывается приведенными выше видами. Правотворчество многообразно, что обусловлено множеством и разнообразием субъектов данного процесса. Правотворчество осуществляется различными представителями органов исполнительной власти, местного самоуправления, должностными лицами, работодателями. Конечно, все это происходит на разных уровнях и результаты этой деятельности имеют неодинаковые правовое значение и юридическую силу. Тем не менее, и здесь достаточно ярко проявляется процесс объективации. Причем ярче, чем в других случаях. Безбрежная фанта-

зия указанных правотворцев позволяет в полной мере исследовать проблему превращения субъективной воли и интересов (вполне конкретных и приземленных) в объективную правовую реальность. В этой сфере как нигде более четко прослеживается влияние субъективных факторов на право, в полной мере видна роль правосознания в процессе объективации права. Кроме того, в рамках указанной линии исследования мы сталкиваемся с удивительным многообразием механизмов объективации.

Исследование механизмов трансформации объективного правового содержания в субъективную волю - еще одно самостоятельное направление исследования. В данном направлении исследования мы анализируем обратный процесс - процесс субъективации права. Право является настоящим правом только в том случае, когда оно действует. В процессе правоприменения и реализации правовых норм право становится реальной, осязаемой силой. Но что интересно, так это то, каким образом происходит превращение абстрактных правил в реальную действительность. Превращение это осуществляется посредством действия механизма субъективации. В пределах данного направления исследования можно выделить, по крайней мере, две линии анализа. Во-первых - это исследование механизма регулятивного воздействия права на волю субъектов, в рамках которого необходимо рассмотреть различные способы правового воздействия на участников правоотношений в процессе реализации норм права и в процессе правоприменения. Во-вторых - это определение роли правосознания в процессе субъективации права. Проблему правосознания нельзя назвать новой в науке права. Нас она будет интересовать, прежде всего, с точки зрения его воздействия на конкретное правовое поведение конкретных людей.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что исследование проблемы соотношения объективного и субъективного в праве - интереснейшее, перспективное и, безусловно, актуальное направление научного юридического поиска. Само по себе это направление не может быть названо в чистом виде правовым. Исследование в данной области требует привлечения знаний философии права, политологии, социологии, экономики и некоторых иных научных областей.

Л.Н. Чертова
канд. филос. наук, доцент КГУ

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ВЫБОРАХ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Пассивность избирателей продолжает оставаться ахиллесовой пятой большинства современных демократических стран. Уровень явки россиян на федеральных и региональных выборах тоже не отличается высокими показателями. Так, если в течение 90-х годов явка избирателей Курганской области была, как правило, на 5-6% выше общероссийских показателей, то в начале 2000-х гг. она

значительно снизилась и сравнялась с общероссийскими показателями. Доля зауральцев, участвовавших в выборах в Государственную Думу III созыва в 1999г., составила 65,5% (по РФ - 65%), на выборах 2003 г. этот показатель опустился до 56,6% (по РФ-56%). Значительно снизилось количество жителей Курганской области, участвовавших в выборах Президента РФ: с 71% (2000г.) до 63% (2004г.). Формируется тенденция дальнейшего роста политической пассивности. Опросы последних лет показывают, что среди причин электорального абсентеизма респонденты стали чаще называть негативизм избирательных кампаний, использование кандидатами различных некорректных технологий против своих оппонентов, апелляцию почти исключительно к эмоциям, а не к рациональным мотивам выбора. Самым очевидным проявлением этого стали агрессивная реклама, применение в период избирательных кампаний так называемых "грязных" политических технологий.

В политической науке нет единой точки зрения по вопросу наименования технологий, применяемых в избирательных кампаниях против кандидата-конкурента. Некоторые политологи, ссылаясь на журналистскую практику, называют их "грязными" технологиями, другие - "антитехнологиями", негативными технологиями, технологиями антирекламы, диффамационными технологиями, специальными технологиями, технологиями "интенсификации политических усилий" [1-6]. Уральские политтехнологи ввели термин, который, на наш взгляд, более удачно характеризует сущность данных методик - "деструктивные технологии" [1; 4]. Их деструктивность проявляется в некорректном отношении к кандидатам-соперникам, в манипулировании общественным сознанием и развитии, в этой связи, у избирателей недоверчивого отношения к демократическим процедурам, росте электорального абсентеизма, правового нигилизма, политической пассивности населения в целом.

Признавая в сущности, что данные технологии направлены на манипулирование сознанием избирателей и результатами выборов, политологи по-разному определяют их содержание. Часть специалистов относят к деструктивным технологии, противоречащие действующему избирательному праву. Другие считают, что это технологии, которые не учитывают морально-этическую сторону избирательной кампании. Третьи полагают, что такой проблемы нет вообще, так как речь идет об избирательном процессе, где главной задачей является победа на выборах любыми средствами. На наш взгляд, деструктивными могут быть признаны политические технологии, направленные на распространение недостоверной информации о кандидате-сопернике с использованием грубых манипулятивных приемов.

Деструктивные технологии воздействуют на психику человека, и потому могут приниматься этой психикой и распространяться. Как правило, они ориентированы на эмоциональное заражение публики, поощрение нетерпимости, агрессии, некритичности восприятия информации. Они могут носить как логический, так и психологический характер. Поэтому такие в целом некорректные приемы и методы борьбы с конкурентами трудно доказать с точки зрения нарушения зако-

на. В этом заключается трудность их регламентирования.

В статье мы попытаемся проанализировать некоторые деструктивные технологии, которые применялись на территории Курганской области в избирательных кампаниях 90-х - начала 2000-х годов. Нами замечено, что наиболее часто в Зауралье использовались такие технологии, как: "подкуп населения", "инстилляция", распространение слухов, выпуск анонимных листовок, "клонирование СМИ", граффити, "акции протеста", срыв встречи кандидата с избирателями, "самопокушение", административный ресурс.

"Технология посула", "подкупа населения". Впервые с деструктивными технологиями зауральский электорат столкнулся в период региональной кампании 1996 года. Среди тех, кто пытался стать кандидатом на пост губернатора, был уральский политик А. Баков. Он привез с собой команду политтехнологов, в задачи которой входило "раскрутить" уральца, представить его как "спасителя" отсталого региона, "человека дела", "борца с местной коммунистической мафией". Ставка делалась на сельских жителей - более доверчивых и дисциплинированных избирателей. А.Баков еще не был официально зарегистрирован, а группа агитаторов разъезжала по области и в школах проводила игру "Выборы губернатора". В ходе такого мероприятия несколько раз повторялся рассказ о "хорошем кандидате" А.Бакове, давались негативные оценки другим претендентам. В конце игры школьники должны были определиться с выбором. Все участники получали "подарки от А. Бакова": мыло, шампунь, ручки, тетради. Нетрудно догадаться, что дома учащиеся рассказывали о занимательной игре, о "самом достойном" кандидате А. Бакове. Такой метод "подкупа населения" преподносился как благотворительная помощь от "человека дела" и вполне положительно оценивался населением в период, когда люди месяцами не получали зарплату.

Другим примером может служить использование технологии "карусель" на региональных выборах 2000 г. Сущность ее заключается в том, что перед входом в избирательный участок представители одного из кандидатов на пост главы администрации области устраивали платное голосование. Первый избиратель за плату выносил чистый бюллетень, в котором возле нужной фамилии ставился крестик. Этот бюллетень вручался следующему избирателю для голосования, а он в свою очередь за плату, выносил свой бюллетень.

Политическая *технология "инстилляции"* предполагает информационное вливание в сознание и подсознание населения политических программ в сочетании с приемом "установления повестки дня". На региональных выборах в 2000 г. команда действующего губернатора, раскручивая лозунг "Нет грязным технологиям и "черному PR!", сама активно применяла всевозможные деструктивные технологии, одновременно обвиняя в этом своих оппонентов.

Как известно, людей всегда легче объединить, применяя агитацию "против". Поэтому многие кандидаты главной темой выбирают решение какой-либо актуальной проблемы, пусть даже не самой важной на тот момент. Вокруг нее строится вся предвыборная агитация. Основной темой своей кампании кандидат в депутаты ГД ФС 2003 г. П.А. Федулёв выбрал проблему борьбы с энерготарифа-

ми, и потому главным "врагом" зауральцев объявлялся А.Б. Чубайс. Его негативный образ появлялся везде: на митингах, голодовках, акциях протеста, даже в мультфильмах Павел-царевич спасал Василису Курганскую от Кащея Чубатого. Раскручивая предвыборную кампанию под лозунгом борьбы с Чубайсом, команда Федулёва формировала дополнительный устойчивый интерес к не столь важной для всех проблеме.

Технология распространения слухов основана на воздействии на избирателя ложной информации о кандидате (о заведении на него уголовного дела, о связи с бандитскими группировками, чеченской мафией). Подобные слухи распространялись по области во время всех выборных кампаний. Происходило это, как правило, по одной схеме. В момент принятия важного решения одновременно в нескольких СМИ появлялась информация явно необъективного характера. Избиратели, как правило, воспринимали ее так: "Это ложь, я этому не верю, но нет дыма без огня". Когда позже истина становилась известна, цель дезинформации уже была достигнута - часть населения поверила ей. Опровержение проходило незаметно или подавалось в столь ироничной форме, что воспринималось многими как попытка оправдаться, и уже не влияло на сформулированную ранее социально-психологическую установку. Так, в период региональной кампании 2000 г. некоторые газеты связывали имя кандидата Л.Г. Ефремова с тюменской преступной группировкой. В кампании 2003 г. в сети Internet была размещена информация о том, что кандидат в депутаты ГД П.А. Федулёв находился во время кампании под следствием. Однако данный факт официальные источники не подтвердили.

Выпуск анонимных листовок. Такие листовки направлены против кандидата и зачастую носят оскорбительный характер, информация, поданная в них, основана на фактах или домыслах, которые невозможно опровергнуть. В начале избирательной кампании 2000 г. вышла анонимная листовка "Такую власть пора менять!". В ней сообщалось о некоторых злоупотреблениях служебным положением губернатора О.А. Богомолова. На фоне нерешенных проблем зауральских жителей факт покупки им иномарки преподносился как аморальный поступок. В листовке называлась сумма покупки и приводились расчеты, сколько необходимо работать простому крестьянину, чтобы заработать на такой автомобиль. Листовка не содержала выходных данных, поэтому избирательная комиссия оценила ее как нарушение законодательства и рекомендовала компетентным органам разобраться по данному факту. Однако установить авторов не удалось.

На выборах в ГД ФС в 2003 г. за три дня до голосования была распространена анонимная листовка "Кто есть кто?", содержавшая в сатирической форме сведения о кандидатах и результаты социологических исследований Центра изучения политических и социальных проблем "Виртус" г. С.-Петербурга. На первом месте оказался В.А. Кислицын (22,4%), на втором - М.Ю. Александров (20,2%), на третьем - П.А. Федулёв (19,5%). Кандидат Н.М. Безбородов, по данным исследования был лишь пятым (9,1 %). В реальности же действующий депутат Н.М.

Безбородов имел самый большой рейтинг. Каждому претенденту (кроме кандидата М.Ю. Александрова) давались характеристики, которые представляли их в невыгодном свете.

Технология "клонирования" СМИ реализуется, как правило, в рамках фальсификации какого-либо печатного издания, имеющего ярлык ангажированного конкурентом. Примером использования данной технологии может быть создание от лица оппонента листовок, газет. В газете "Наш выбор" была помещена листовка от имени кандидата Н.М. Безбородова, но со значительно искаженным содержанием. Все внесенные "уточнения и поправки" способствовали формированию негативного образа этого кандидата.

Технология *политического граффити.* На региональных выборах осенью 2000 г. граффити писались против кандидатов в областную думу и носили диффамационный характер ("Иванов - трепло!", "Юсов - жид!").

Одним из лозунгов В.В. Путина на выборах 2000 г. был лозунг "Все путем!". В Кургане он нередко появлялся на заборах строек-долгостроев, на старых обветшалых зданиях. В таком случае имя президента подсознательно связывалось с нерешенными социальными проблемами: неустроенностью жизни избирателей, вечными стройками, трущобами.

Технология "массовых собраний". От несанкционированных митингов и демонстраций они отличаются тем, что участие в них хорошо оплачивается. Такие акции протеста обычно организовывались против действующей власти с целью мобилизации социального недовольства, привлечения внимания масс к нерешенным социальным проблемам. Например, по инициативе команды кандидата П.А. Федулёва осенью 2003 г. неоднократно организовывались "митинги протеста" против нищенского положения жителей Зауралья, против повышения энерготарифов в области.

Технология срыва встречи кандидата с избирателями требует специально подготовленной команды, которая сопровождает кандидата-конкурента и задает "трудные вопросы", освистывает выступление, выкрикивает неодобрительные реплики. Таким образом, выступающий выходил из себя, раздражался, срывался на крик. Впоследствии подробные отчеты о поведении кандидата-конкурента публиковались в ангажированных СМИ. Подобные группы в период региональных выборов 2000 г. сопровождали встречи избирателей с кандидатами Н.Д. Багрецовым, О.А. Богомоловым, Л.Г. Ефремовым. Иногда такие встречи откровенно срывались. Так, в разгар выступления кандидата Багрецова перед избирателями в кинотеатре "Звёздный" поступила записка о заминировании зала. Мероприятие пришлось прервать. Однако информация оказалась ложной, факт минирования не подтвердился. Найти автора записки не удалось. Смысл такой технологии заключается в связывании имени кандидата с отрицательными эмоциями: "Опять обманули!"

Использование *административного ресурса* для представителей власти является сильным ресурсом влияния на мнение избирателей. Здесь могут использоваться как легитимные, так и нелегитимные способы воздействия на результа-

ты выборов: от внушения определенной установки за кого следует голосовать, до подкупа, запугивания, фальсификации бюллетеней. Кроме того, нередко организатором и инициатором применения деструктивных технологий являются представители действующей власти, которые видят в других претендентах сильных соперников и делают всё возможное, чтобы раздробить электорат, не дать неопределившимся объединиться под знаменем протеста. Действует принцип: "Кто не с нами, тот против нас!" Легче добиться того, чтобы такой электорат, разочаровавшись в демократических принципах, в процедуре голосования, не пришел на выборы. Именно на него и направлены деструктивные технологии. Это легко проследить на региональной избирательной кампании 2000 г. В марте-апреле 2000г., по итогам опроса Российского общества социологов, рейтинг действующего губернатора О.А. Богомолова (при известности 95%) составил 14%, антирейтинг - 18% (d=-4). Каждый пятый респондент предпочел протестное голосование, если бы выборы состоялись в ближайшее время, а 48% не определились с выбором. При таком раскладе голосов на безусловную победу в первом туре рассчитывать не приходилось. Следовательно, в задачи штаба действующего губернатора входила не только организация широкомасштабной агитации "за кандидата", но и кампании, направленной на дробление электората, с целью не дать неопределившимся примкнуть к сопернику и заставить их проголосовать за переизбрание главы администрации хотя бы по принципу: "из двух зол - меньшее".

На выборах главы администрации области в 2000 г. главным оппонентом действующего губернатора был Н.Д. Багрецов. Наиболее сильным рекламным приемом этого кандидата были личные встречи с избирателями. Однако команда действующего губернатора делала все возможное, чтобы такие встречи не происходили. Используя административный ресурс, "звонковое право", представители администрации "не рекомендовали" директорам крупных заводов области устраивать встречи с этим кандидатом на предприятиях. Нарушились права кандидатов на равные условия предвыборной агитации.

Целью *технологии "самопокушение"* является апелляция к возмущенному сознанию избирателей, уставших от политической борьбы. Как правило, политик сознательно использует "грязные" технологии против себя, но преподносит их избирателям как "происки конкурентов". На выборах главы администрации Курганской области 2000 г. с целью повышения рейтинга губернатора О.А. Богомолова была использована технология раскрутки "образа врага". В известной своей ангажированностью программе А. Караулова "Момент истины" на протяжении нескольких недель шли сюжеты о Курганской области, о действии на ее территории криминальной группировки под руководством депутата А.С. Антошкина. По аналогии с событиями в Кемеровской области преподносились вымышленные факты подготовки покушения на губернатора и его предотвращении. Над губернатором создавался ореол мученика, страдальца и героя одновременно, борца с курганским мафиози - "бандитом" Антошкиным. Однако ряд официальных должностных лиц сразу же опровергли эти факты. Имидж "невинно пострадавшего борца с преступностью" О.А. Богомолова был разрушен. А

неудачно исполненная PR-акция выглядела как пародия и повлекла за собой уменьшение его рейтинга.

Все перечисленные политические технологии представляют собой способ запутать население и суметь провести во власть тех соискателей, которые в борьбе по правилам имели бы меньше шансов или не имели бы их вообще. Здесь ставка делается на достижение ближайшего результата и сиюминутную эффективность при игнорировании общих, долговременных последствий принимаемых решений. Поэтому пока такие технологии будут эффективны и будут восприниматься населением - их будут использовать. Это еще раз подтверждает тезис о псевдорыночности российского политического пространства. Однако избиратели, защищаясь от различного рода политических манипуляций, нередко выбирают абсентеизм или протестный принцип голосования. С этой точки зрения использовать подобные технологии невыгодно, поскольку клевета, в конечном счете, возносит жертву на пьедестал.

Применение деструктивных технологий в некоторых странах пытаются сократить, упрощая процедуру регистрации избирателей, или разрешая голосовать по почте. Законы ряда штатов США вводят некоторые регламентации в политические кампании. Однако, на наш взгляд, такой государственный надзор оказывается малоэффективным, либо сомнительным с точки зрения конституционного права.

Исследование отечественного и зарубежного опыта регламентации деструктивных избирательных технологий позволяет утвердиться в мысли, что наиболее правильным решением данной проблемы будет развитие институтов гражданского общества. В качестве конкретных шагов можно предложить следующие варианты:

- принять Кодекс профессиональной этики Ассоциации политических консультантов, в котором члены ассоциации дают обязательство не включаться в какую-либо деятельность, которая могла бы опорочить или испортить практику проведения политических кампаний. Члены ассоциации должны взять на себя обязательство воздерживаться от лживых или вводящих в заблуждение нападок на оппонента или членов его семьи и делать все возможное для предупреждения подобных акций со стороны других;
- использовать Кодексы честного проведения кампаний. Такое соглашение может установить свод правил, который кандидаты обязуются соблюдать в период избирательной кампании;
- создавать независимые комитеты граждан по надзору за выборами и для рассмотрения жалоб. Их деятельность должна освещаться местными СМИ;
- снизить политическую роль избирательных комиссий. Сегодня избирательные комиссии играют роль не всегда компетентной судебной инстанции;
- необходимо сократить до минимума влияние на членов избиркомов представителей местной администрации. Нередко назначаемые по инициативе администрации члены избиркомов активно лоббируют ее интересы и нарушают принцип равенства условий для ведения предвыборной агитации кандидатов.

Список литературы
1.Кисилев К.В. Некоторые виды деструктивных технологий // Общество, выборы, СМИ, 1999 год: между чистыми и грязными политическими технологиями. Материалы Всероссийского семинара-конференции. -Екатеринбург, 1999. - С.4.
2.Максимов А.А. "Чистые" и "грязные" технологии выборов: российский опыт. - М.: Дело, 1999. - 448 с.
3.Малишевский Н.Н. Технология и организация выборов. - Минск: Харвест, 2003. - 256 с.
4.Нежданов Д.В. Политический маркетинг. - СПб.: Питер, 2004. - 160 с.
5.Ольшанский Д.В. Политический PR. - СПб.: Питер, 2003. - 544 с.
6.Справочник по политическому консультированию/Под ред. Дэвида Д. Перлматтера / Пер. с англ. - М.: ИНФРА-М, 2002. - 330 с.

В.И. Корниенко
канд. филос.наук, доцент КГУ

ПРАВО И КУЛЬТУРА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Право как особая область человеческих отношений представляет собой сложный социальный механизм. Этот механизм возник и функционирует благодаря постоянному освоению человеком социальной реальности, где он выявляет и использует существующие в ней возможности или противодействует возникающим опасностям. В его многочисленные социальные функции входит как ограничение наиболее опасных проявлений человеческой природы, так и поддержание социального многообразия в оптимальных пределах. Но одной из важнейших функций является формирование и обеспечение функционирования структур социального порядка. Во многом благодаря этим структурам удается поддерживать баланс между порядком и хаосом в обществе. В изменчивой и неопределенной социальной реальности структуры порядка до известного предела обеспечивают устойчивое воспроизводство социума, а хаос открывает возможность конструирования новых социальных (в том числе и правовых) структур. Правовой механизм, таким образом, напрямую связан с процессами социальной самоорганизации.

Само наличие и действие в обществе постоянно усложняющегося правового механизма неизбежно порождает и целый комплекс духовных феноменов, так или иначе связанных с ним. Возникает особая, обладающая собственной логикой развития и атрибутикой сфера культуры общества - правовая культура. Внутри правовой культуры начинает развиваться особая, специфическая часть социального интеллекта - правовой интеллект, что дает мощный импульс развитию всей сферы права.

Становление правовой культуры происходит в общем контексте культуры конкретного общества. Сфера права возникает и существует в культуре как ее абсолютно необходимый компонент и, соответственно, связана с ней целым комплексом общих черт.

Наиболее важной характеристикой, объединяющей культуру и право в

одно целое, является их общее мировоззренческое основание. Причем, в праве, в особой форме, сосуществуют носители всех трех исторических форм мировоззрения: мифа, религии и философии. Все эти компоненты являются совершенно необходимыми, иначе право лишается своих базовых образов, чувства веры и смыслового начала, а значит, просто не сможет утвердится в обществе. Если из российского правового сознания убрать образы Правды и Кривды, веру в мессианское предназначение и божественный смысл происходящего, то право как социальный феномен превратится в фикцию.

Другой общей характеристикой является единая система ценностей в культуре, которая различным образом преломляется в разных сферах общественной жизни. В особой специфической форме право занимается утверждением этих ценностей в обществе. Более того, они незримо присутствуют в действиях любой правовой структуры. Извечный российский выбор: "Как судить? По закону или по совести?" говорит о том, что закон в ценностной иерархии находится весьма далеко от идеала справедливости, как он понимается основной массой российского населения. Сближение этих двух ценностей представляет одну из главных проблем в современном российском праве.

Различные компоненты сферы права особым образом связаны между собой и представляют в своей совокупности уникальное образование. С одной стороны, в праве присутствуют ряд характеристик, которые делают его одним целым с культурой конкретного общества. С другой, благодаря собственной логике развития и известной автономности, в нем существуют и развиваются технологии права, универсальные по природе, которые связаны с различными чертами человеческой сущности. Вероятно, поэтому возникает проблема заимствования и переноса различных элементов правового механизма из пространства одной культуры в пространство другой. Заимствовать и переносить можно лишь правовые технологии, универсальные по своей сути.

Как показывает новейшая российская история конца XX начала XXI веков, все попытки перенести в социокультурное пространство России вместе с западными правовыми технологиями их культурное содержание потерпели неудачу. Их слепое копирование и некритическое внедрение фактически вызвали в российском обществе реакцию отторжения и усилили традиционный для России правовой нигилизм. Все это лишний раз подтверждает, что внутреннее содержание новых правовых технологий, используемых в целях правовой модернизации конкретного общества, должно соответствовать ценностям и идеалам той культуры в пространстве которой они применяются.

Изучение внутренних связей между сферой права и культурой представляются чрезвычайно актуальными именно для России, которая в силу исторических обстоятельств уже вступила на путь необратимой модернизации. Отсутствие эффективного правового обеспечения, которое возможно только на путях возрождения и развития национальной правовой традиции, не позволит даже в минимально необходимом объеме провести и завершить весь комплекс социальных преобразований. И тогда Россия вновь может оказаться, как уже часто

случалось в ее истории, когда рвалась связь времен, перед совершенно неопределенным, а значит и чрезвычайно опасным собственным будущим.

Е.А.Попова, И.И. Коршунова
студентки гр.2822ЮФ, КГУ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

7 декабря 2003 г. состоялись выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации IV созыва. Результаты, объявленные через несколько дней, многих удивили. Анализируя причины успехов одних партий и блоков, поражений других, эксперты среди прочих отмечали важность и значимость в данной кампании такого средства достижения победы как предвыборная агитация. Исследование форм и методов законодательного регулирования предвыборной агитации позволяет совершенствовать не только сам ход избирательной кампании, но и определить механизмы, предотвращающие негативные последствия абсентеизма.

В своей статье мы будем руководствоваться определением, закрепленным законодателем в статье 2 ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ" от 12.06.2002 г.: Предвыборная агитация (от лат. agitatio - побуждение) - деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них) либо против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) (2;ст.2). Предвыборная агитация является не только распространением информации, а представляет собой важнейшее проявление свободы слова, гарантированной ч.1 ст.29 Конституции РФ. Законодатель сузил понятие политической агитации, приблизив этот термин к предвыборным реалиям. Так, в п.1 ст.8 ФЗ "О выборах депутатов…" говорится о праве проводить предвыборную агитацию в допускаемых законом формах и законными методами. Законодатель оставляет некоторую свободу в определении форм и характера агитации через СМИ. Такое диспозитивное изложение нормы, относящееся к неофициальной стороне избирательного процесса, может приводить к злоупотреблению в этой области.

Важным аспектом проведения предвыборной агитации является финансирование избирательной кампании (3; п.9 ст.57). Закон уже не предусматривает финансирование из бюджетов. Избирательные фонды кандидатами в депутаты должны формироваться самостоятельно. За целевым расходованием средств фондов осуществляется жесткий контроль. В течение избирательной кампании кандидаты должны представить 3 финансовых отчета. П.3 ст.66 ФЗ "О выборах депутатов…" установил предельную сумму всех расходов из средств избирательного фонда. Она не должна превышать 6 млн руб. В этой связи основанием

для отмены регистрации кандидата в депутаты П.А.Федулева на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 2003 г. послужило превышение им расходов помимо средств избирательного фонда - в размере, превышающим 5% от установленной ФЗ "О выборах депутатов…" предельной суммы всех расходов из средств избирательного фонда кандидата.

Законодательство не может полностью регламентировать деятельность участников избирательного процесса, но, тем не менее, оно создает для них определенные правовые рамки, выход за которые влечет применение к нарушителю различных санкций. Как известно, в новой редакции Федерального Закона от 12.06.2002 г. устранена мера ответственности кандидата в виде предупреждения за нарушение правил проведения предвыборной агитации. Предупреждение по своей правовой природе является мерой ответственности. По нашему мнению, такая мера в избирательном праве необходима. Она является адекватной и эффективной формой реагирования на многие нарушения, допускаемые субъектами избирательного процесса, а ее применение не нарушает прав избирателей в случае судебной или правоприменительной ошибки. Ужесточение законодательства необходимо в целях сохранения демократии и законности в стране. В настоящее же время в случае нарушения зарегистрированным кандидатом иных правил предвыборной агитации избирательная комиссия своим решением выносит предупреждение зарегистрированному кандидату, либо обращается в соответствующие правоохранительные и иные органы с представлением о пресечении противоправной агитационной деятельности.

Нормативная база избирательного законодательства нуждается в серьезных доработках, а следовательно, реформу в этой области нельзя считать завершенной. Мы считаем целесообразным унифицировать российское избирательное законодательство. Сегодня многие законы дублируют друг друга. Необходимо не просто привести все ФЗ к общему знаменателю, а, переработав их и дополнив, создать универсальный избирательный кодекс, который должен действовать на всей территории Российской Федерации. Необходимость применения такого кодекса обусловлена тем, что нельзя допустить нарушения одного из основных прав человека и гражданина на выборах и в органы местного самоуправления. Пока слабо исследована и практика применения предвыборной агитации на региональном уровне. Как правило, это простые статьи-отчеты журналистов (изредка экспертов) о результатах кампании в целом.

Среди использованных видов предвыборной агитации на территории Курганской области в 2003 г. мы не выявили большого разнообразия. Особой популярностью пользовались листовки как один из наиболее эффективных видов наружной политической рекламы.

Как правило, кандидат и его предвыборный штаб сами создают информационные поводы, чтобы телевидение, радио, печать постоянно распространяли о них нужную информацию. Среди кандидатов в депутаты от Курганской области мастером создания информационных поводов являлся П.А.Федулев. СМИ пестрели сообщениями о проводимых под его началом акциях по борьбе с повыше-

нием энерготарифов. И каждый раз форма этих акций протеста была различной, что привлекало публику, однако не менявшаяся их тематика быстро наскучила избирателям.

Помимо листовок в предвыборной кампании 2003 г. были использованы также уже ставшие традиционными информирующие газеты о личности кандидата, его деятельности и программе. Несмотря на достаточную эффективность этого приема среди избирателей Курганской области, жители которой привыкли доверять печатному слову, не все кандидаты его использовали. Помимо печатных изданий, рекламы в СМИ, в прошедшей кампании были использованы встречи с избирателями и массовые мероприятия. Одними из таких мероприятий стали митинги протеста, организованные командой П.А. Федулева.

Единственным новаторским методом предвыборной агитации, использованным в ходе прошедшей кампании, было создание и "раскрутка" мультфильма "Сказ про то…". В нем кандидат П.А. Федулев выступал в образе народного героя - Павла Царевича, который спасает от Кощея Чубатого (А.Б. Чубайса) Василису Курганскую. В мультфильме ряд конкурентов П.А. Федулева были представлены в негативном свете. Это дало им повод впоследствии подавать жалобы в окружную избирательную комиссию.

Поскольку законодатель слабо регламентирует применение деструктивных технологий, то многие кандидаты используют их в своих кампаниях. Так, в середине ноября 2003 г. были обнаружены "грязные" газеты: "Вестник Зауралья", "Наш выбор", в них в негативном свете был представлен кандидат Н.М. Безбородов (давний соратник В.А. Кислицина) и, напротив, в самом позитивном сам В.А. Кислицын. Невозможно было не заметить одинаковый дизайн изданий, графическое оформление выходных данных и при этом различные типографии, адреса редакций.

Среди других видов деструктивных технологий применялись такие как:

- распространение ложной информации о заведении уголовного дела на кандидата. В сети INTERNET была размещена информация о том, что П.А.Федулев находился под следствием во время избирательной кампании;
- сообщение в теле-новостях о поддержке кандидата криминальными группировками. Незадолго до отмены регистрации кандидата П.А.Федулева в программе "Вести-Курган" был показан материал о его "криминальном" прошлом;
- опубликование прогнозов, опросов общественного мнения за 3 дня до дня голосования запрещено. Так, за три дня до дня выборов в области распространялась листовка "Кто есть кто?", в которой публиковались результаты социологического исследования. Кандидат Н.М. Безбородов, по данным "независимого исследования" оказался лишь на пятом месте - 9,1 %. (В реальности же действующий депутат Н.М. Безбородов имел самый высокий рейтинг);
- распространение листовок в запрещенный законом срок. Подобные листовки призывали голосовать за кандидата "против всех" и распространялись в ночь перед выборами;
- создание несуществующей организации, подтверждающей "эффектив-

ность" работы кандидата. Так в предвыборной кампании П.А.Федулева было заявлено о его вкладе в агропромышленный сектор Курганской области, в доказательство этому приводилась деятельность холдинга "Новые рубежи", генеральным директором которого являлся вышеозначенный кандидат. В ходе судебного разбирательства по иску ОИК об отмене его регистрации выяснилось, что холдинга в реальности не существовало.

Учитывая тот факт, что на сегодняшний день в массовом сознании присутствует уже такое явление, как "электоральная усталость", применение таких методов необходимо уменьшать, ужесточая санкции за их использование.

Анализ результатов выборов позволяет говорить о том, что население Курганской области достаточно легко поддается манипуляциям, осуществляемым кандидатами. Красивая "упаковка" кандидата, создаваемая рекламистами, далеко не всегда соответствует его реальному содержанию, и, таким образом, дезориентирует избирателя, сводит проблему политического выбора к борьбе имиджей. Людям буквально навязывают ту или иную агитационную рекламу, устраивают всевозможные шоу, используя допустимые и недопустимые приемы и методы. Шумные PR-кампании приводят к обратному эффекту, отталкивая людей от тех, кого рекламируют, и формируя у избирателей неприязнь к выборам различного уровня. В итоге "кандидат против всех" в Курганской области занял второе место.

Список литературы
1.Конституция Российской Федерации 1993. -Ульяновск: Книгочей, 1997.- 64с.
2.Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: Федеральный закон № 67-ФЗ от 12 июня 2002 // СЗ РФ.- 2002.- №24.
3. О выборах депутатов ГД РФ ФС: Федеральный закон № 175-ФЗ от 20 декабря 2002 //СЗ РФ. - 2002.- № 51.

Фельдшеров Д.А.
ассистент, КГУ

КАМПАНИЯ ПО СБОРУ ПОДПИСЕЙ, ПРОВОДИМАЯ КУРГАНСКИМ РЕГИОНАЛЬНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ "РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ "ЯБЛОКО" В РАМКАХ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ ГД ФС РФ ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА

В связи с получением 12 сентября 2003 года решения Центральной избирательной комиссии РФ о регистрации списков кандидатов Российской демократической партии "ЯБЛОКО" по общефедеральному и одномандатным округам и в соответствии со ст. 43, п. 3 ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", Федеральный штаб совмест-

но с региональными политическими штабами с 13 сентября 2003 года начал сбор подписей.

Координатором сбора подписей был назначен руководитель аппарата партии Нижегородцев Тимофей Вячеславович.

Срок сбора и сдачи подписей в Федеральный штаб был определён в десять дней с момента начала подписной кампании.

12 сентября 2003 года Курганским региональным отделением РДП "ЯБЛОКО" было получено Распоряжение за №30/03 координатора сбора подписей, зам. начальника Федерального штаба избирательной кампании Российской демократической партии "ЯБЛОКО", руководителя аппарата партии Нижегородцева Тимофея Витальевича, в котором сообщалось, что в связи с началом сбора подписей в Федеральном штабе создана рабочая группа по организации приёмки и контролю подписных листов и комплектов сопроводительных документов. Ответственными лицами в рабочей группе являлись:

- за ежедневный мониторинг по количеству собранных подписей и вопросам организации связи с региональными политическими штабами - координатор региональной службы Мазур О.В.;

- за приёмку, сверку полноты и правильности заполнения комплектов сопроводительных документов и подписных листов - начальник канцелярии Карасёва В. Ю.;

- за проверку подписей и подписание итоговых актов проверки с Региональными политическими штабами - Член Центральной избирательной комиссии РФ с правом совещательного голоса от партии "ЯБЛОКО" Куренков Д.В.

В Распоряжении также говорилось о том, что:

1) к учёту и оплате не принимаются подписи, заверенные иными документами, кроме внутрироссийского паспорта гражданина РФ нового образца;

2) к учёту и оплате принимаются только подписные листы с полным комплектом сопроводительных документов, включающих договора, акты, подтверждения на сборщиков подписей, ксерокопии паспортных данных сборщиков подписей и заполненные протоколы передачи подписных листов из регионального политического штаба в федеральный штаб избирательной кампании;

3) заполненные подписные листы и комплект сопроводительных документов направляются в Федеральный штаб исключительно экспресс-почтой (не более двух дней - "Гарантпост" или DHL), либо привозятся лично по предварительному согласованию с координатором сбора подписей;

4) к учёту принимаются подписи в количестве, не превышающем более чем на 10% норматив, установленный Федеральным штабом избирательной кампании;

5) к оплате принимаются подписи, прошедшие проверку в Федеральном штабе избирательной кампании и признанные на основании акта годными для предъявления в ЦИК;

6) к учёту и оплате принимаются подписные листы и сопроводительные комплекты документов, физически поступившие в Федеральный избирательный штаб не позднее 24 сентября 2003 года;

7) в случае установления Федеральным штабом избирательной кампании по итогам проверки фактов подделки подписей избирателей все подписи, собранные этим сборщиком, бракуются, составляется соответствующий акт и заявление, которые передаются в МВД для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела в связи с фальсификацией данных избирателей в подписных листах.

Ответственным за проведение подписной кампании в Курганской области был назначен начальник Курганского регионального предвыборного штаба РДП "ЯБЛОКО", уполномоченное лицо партии "ЯБЛОКО" Фельдшеров Дмитрий Александрович.

Процесс сбора подписей осуществлялся Курганским региональным штабом в пять этапов:

1. Подготовка к сбору подписей

Были составлены предварительные списки сборщиков подписей. В большинстве своем (около 85%) ими являлись девушки и молодые люди от 18 до 22 лет, студенты Курганского государственного университета, Шадринского государственного педагогического института и Курганской государственной сельскохозяйственной академии. В связи с очень жесткими временными рамками было решено сделать ставку на студентов как на наиболее мобильную и расторопную социальную группу. Хотя, как известно, именно студенты очень часто подделывают подписи и делают ошибки в подписных листах, было решено сделать ставку на количество, а не на качество собранных подписей. В дальнейшем, как будет видно, эта тактика вполне себя оправдала. Привлечение студентов к данной работе производилось очень просто: в корпусах трех названных вузов было развешено множество объявлений, приглашающих принять участие в сборе подписей для партии "ЯБЛОКО", указывался адрес, телефон офиса и стоимость одной подписи.

Следует заметить, что стоимость одной подписи - 5 рублей - была установлена для всех регионов России. Это была одна из самых низких плат среди всех партий и избирательных блоков, поэтому во многих, особенно крупных и богатых регионах страны со сбором нормативного количества подписей возникали серьезные проблемы. В этом смысле у Курганского регионального штаба были преимущества, так как в Курганской области, в одном из самых бедных регионов России, такая плата вполне устраивала сборщиков.

Сбор подписей предполагалось осуществлять также силами местных и первичных отделений партии. Но начальником Курганского регионального штаба, в связи с очень сжатыми сроками подписной кампании, было принято решение проводить сбор подписей кроме города Кургана еще только в двух районах области: в Кетовском районе (близость от областного центра) и городе Шадринске (Шадринском районе) (хорошо развитая транспортная инфраструктура между городом Шадринском и областным центром).

В соответствии со ст. 43, п. 2 ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", если политическая партия, избирательный блок, выдвинувшие федеральный список кандидатов, собирают

в его поддержку подписи избирателей, то они обязаны собрать не менее 200 тысяч подписей избирателей, при этом на один субъект Российской Федерации должно приходиться не более 14 тысяч из необходимого для регистрации количества подписей. Руководствовавшись этой нормой закона, для каждого регионального отделения Российской демократической партии "ЯБЛОКО" Федеральным штабом был определен норматив сбора подписей, при установлении которого учитывалась численность населения региона, численность членов партии в данном регионе и процент проголосовавших за "ЯБЛОКО" на выборах 1999 года. Для Курганского регионального штаба был определен норматив в 2000 подписей. Важно было, с одной стороны, выполнить данный норматив, а с другой - не превысить его, так как Федеральный штаб оплачивал лишь 10% подписей, собранных сверх норматива.

Формирование документов по сборщикам подписей должно было включать:

1) данные сборщиков: фамилия, имя, отчество; дата, месяц, год рождения; данные паспорта (серия, номер, кем и когда выдан); адрес места жительства (по паспорту); телефон (домашний и рабочий); дата учета. Эти данные заносились в ведомость учета лиц, занимающихся сбором подписей;

2) копии паспортов сборщиков подписей, включая страницы с ф.и.о., датой рождения, серией, номером паспорта, датой и органом, выдавшим паспорт, адресом места жительства.

Все копии паспортов должны были быть переданы в Федеральный штаб вместе с подписными листами.

Все сборщики подписей должны были пройти инструктаж. Обязательными элементами инструктажа являлись:

1) информирование о характере и типе выборов;

2) изучение требований, предъявляемых к работе сборщика подписей;

3) изучение требований, предъявляемых к заполнению подписного листа;

4) информирование об ответственности за фальсификацию сведений об избирателях и их подписей в соответствии с законодательством РФ.

После проведения инструктажа сборщик подписей должен был расписаться в журнале инструктажа, который включал в себя графы для подписей сборщиков подписей, инструктора и графу с датой инструктажа.

Обязательным условием приема сборщика подписей на работу являлось наличие паспорта у сборщика подписей и заключение с ним гражданско-правового договора.

2. Сбор подписей

После получения от Федерального штаба норматива сбора подписей, Курганский региональный штаб определил каждому сборщику план-задание, включающее:

1) место сбора подписей (участок, дом и т.п.),

2) количество подписных листов;

3) памятку по сбору подписей, в которой содержались требования, предъявляемые к работе сборщика подписей, требования, предъявляемые к оформле-

нию подписных листов, пример заполнения подписного листа, образец заверения подписного листа сборщиком подписей, справочник сокращений обозначений видов населенных пунктов РФ, справочник сокращений обозначений атрибутов размещения в адресах места жительства;

4) экземпляр копии федерального списка кандидатов;

5) подтверждение о согласии партии на осуществление физическим лицом сбора подписей.

Учитывая сложность проверки подписей, собранных в военных училищах и войсковых частях, студенческих и ведомственных общежитиях, Федеральный штаб запретил собирать подписи в этих местах.

Курганский региональный штаб вел сводную ведомость общего учета, выданных подписных листов и общего учета принятых подписных листов и подписей, где содержалась информация о том, когда и сколько подписных листов было выдано сборщику, и когда и сколько листов им было возвращено.

Региональный штаб также вел ведомость ежедневного учета количества собранных подписей, которая заполнялась путем каждодневного обзвона или обхода сборщиков подписей работниками Курганского регионального штаба.

Начальник штаба ежедневно сообщал в Федеральный штаб информацию о количестве собранных подписей.

С 14 по 23 сентября 2003 года Курганским региональным штабом было собрано 6308 подписей, из них 14 сентября - 105 подписей, 15 сентября - 117 подписей, 16 сентября - 309 подписей, 17 сентября - 1156 подписей, 18 сентября - 1378 подписей, 19 сентября - 1308 подписей, 20 сентября - 514 подписей, 21 сентября - 474 подписи, 22 сентября - 702 подписи, 23 сентября - 245 подписей.

Предвидя опасность критического перевыполнения плана, начальник Курганского регионального штаба распорядился 17 и 18 сентября прекратить выдачу подписных листов сборщикам, что и привело к снижению показателей в последующие дни.

3. Проверка подписей

Одновременно со сбором и приемом подписей осуществлялась проверка подписей и правильность заполнения подписных листов. Как известно, сбор подписей часто сопровождается различными видами технологий фальсификации сведений об избирателях и их подписей. Пресечение фальсификаций осуществлялось под строгим контролем со стороны Регионального штаба.

При осуществлении контроля и проверки Региональный штаб руководствовался памяткой сборщика, так как Федеральный штаб вел проверку на соответствие заполнения подписных листов требованиям, предъявляемым в этой памятке.

Курганский региональный штаб применял следующие методы контроля:

1) визуальный контроль на подлинность подписей избирателей (проводился экспертом, имеющим соответствующий опыт проверки);

2) визуальный контроль согласно таблице, составленной специалистами Федерального штаба и содержащей наиболее часто встречающиеся нарушения в

заполнении подписных листов;

3) выборочная проверка посредством посещений избирателей по адресу, указанному в подписном листе;

4) выборочная проверка посредством обзвона избирателей;

Результаты проверки Региональным штабом подписных листов сборщиков заносились в таблицу проверки правильности заполнения подписных листов.

После проверки работниками Курганского регионального штаба подписных листов, содержащих 6308 подписей, было признано фальшивыми или неправильно оформленными 4034 подписи. Таким образом, общее количество собранных подписей, прошедших проверку, составило 2274 штуки, что превысило оплачиваемый лимит Федерального штаба всего на 74 штуки.

4. Заверение подписных листов уполномоченными представителями Российской демократической партии "ЯБЛОКО"

После проверки в Региональном штабе подписных листов и их частичной отбраковки, уполномоченные лица партии, назначенные на съезде (в Курганской области - 3 человека), собственноручно, ставя свою подпись и дату внесения подписи, заверяли подписные листы в соответствующем месте.

В случае, если уполномоченное лицо допускало ошибку, помарку, ему следовало аккуратно внести исправления и поставить рядом с исправлением дополнительную свою подпись.

5. Передача Курганским региональным штабом подписных листов на проверку в Федеральный штаб

Подписные листы были доставлены в Федеральный штаб, в Москву в точно назначенный срок - 25 сентября 2003 года посредством пересылки экспресс-почтой.

Вместе с подписными листами в Федеральный штаб были предоставлены:

1) протокол сдачи подписей (в электронном и бумажном виде в двух экземплярах);

2) гражданско-правовые договоры со сборщиками подписей (в случае отсутствия договора Федеральный штаб считал работу данного сборщика безвозмездной);

3) копии паспортов всех сборщиков подписей.

В.А. Швечикова,
канд. ист.наук, доцент КГУ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере студенческой молодежи)

Одной из главных целей развития нашего общества является правовое государство, без которого нет и не может быть демократии. Становление правового государства требует, во-первых, изменения самого государства, во-вторых, из-

менения самого человека. Оба эти процесса идут одновременно, но в условиях российской действительности, учитывая менталитет большинства населения, главное значение приобретает второй аспект - наличие свободной личности, способной создавать структуры и отношения гражданского общества, чтобы добиваться от государства защиты своих интересов, а значит, продвигать его развитие по пути к правовому.

Как известно, важнейшими признаками свободы человека являются плюралистичность и активность, предполагающие друг друга. За годы перестройки в России впервые признаны различные формы собственности, многопартийность, идеологическое многообразие, что дает возможность выбора, создает условия для формирования плюралистичности как характерологического свойства человека, делающего его способным к конструктивной дискуссии. Речь идет не только о навыках убеждения оппонента в правильности своей точки зрения, но и о способности принять его позицию, отказавшись от своей. Жизнь в условиях демократии невозможна без понимания того, что истина часто не одна, тем более монополией на нее не обладает никто. Можно ли утверждать, что плюралистичность стала неотъемлемой чертой наших граждан? Вряд ли, так как на российской почве плюрализм утратил либеральное содержание. По сути в России утвердился квазиплюрализм, или, по оценкам западных политологов, авторитарный плюрализм. Его наглядно демонстрирует сама власть, т.е. люди, ее осуществляющие. Как и прежде, в советское время, они стремятся навязать сверху свое понимание реформирования общества, свою позицию, не считаясь ни с политической оппозицией, ни с менталитетом большинства населения. Получив власть, Б. Ельцин и его команда очень скоро подменили борьбу против номенклатуры и ее привилегий буржуазной реставрацией, а позже, когда страна оказалась ввергнутой в тяжелейший кризис, были предприняты попытки преодолеть его при помощи радикально-либеральных реформ. Они сопровождались внедрением сверху в сознание людей либеральных ценностей с таким же рвением, с каким более 70-ти лет советская власть их отрицала. "Не секрет теперь, что наши реформы осуществлялись после отказа от социалистического выбора во имя "построения капитализма" в России. Правда, эта цель сначала держалась в тайне от народа, ибо его мнение реформаторов не очень интересовало" [3, с.10]. Таким образом, плюрализм признан в России прежде только на уровне лозунгов и заявлений. Радикальные наклонности сохранились полностью и целиком. Результат известен: курс на монетаризм рухнул, кризис не преодолен, реформы или не начаты или находятся в начальной стадии. Власть предержащие не учли того, что если раньше многие проблемы можно было решить директивным путем при помощи силы, то сегодня использование насилия противоречит курсу на демократию. Плюрализм и директивный метод осуществления власти не совместимы. В послеельцинский период положение мало в чем изменилось, но главную роль стали играть так называемые "новые русские", получившие львиную долю всех национальных богатств и располагающие большими возможностями влияния на политику через своих представителей в органах власти и лоб-

бистов разного уровня. Именно они стали определять курс развития страны, естественно, в собственных интересах, игнорируя интересы большинства населения.

В этой ситуации, сложившейся в стране, нет ничего удивительного в том, что большинство студентов понимают плюрализм только как возможность критиковать политиков, высказывать свое мнение, которое не всегда опирается на научные знания и самое печальное - не предполагает какого-либо действия. При такой "плюралистичности" своеобразно используется и другая либеральная ценность - толерантность. В западном понимании толерантность означает активное конструктивное сотрудничество, соучастие, совместное решение важных задач, выступает как универсальная человеческая "коммуникация". Ориентируясь на наших депутатов, которые, как правило, игнорируют на деле этот принцип, скатываясь на взаимные обвинения, студенты требуют в первую очередь терпимого признания их мнения, независимого от аргументированности, конструктивности, научности. Соответственно, они не принимают во внимание контраргументов. Подобное толкование плюрализма и толерантности автоматически на деле ведет к отрицанию компромиссов, т.к. оборачивается требованием уступок по прежней схеме: или - или. Руководство таким принципом неизбежно порождает пассивность, если в обществе не происходит того, на что надеялись. Сравнительный анализ ответов, полученных при опросах студентов первых лет перестройки и студентов более позднего времени, показывает, что первые были гораздо активнее и демократичнее, чем нынешние. Для студентов прошлых лет характерны огромный интерес к политической жизни страны, потребность к дискутированию по актуальным проблемам, обязательное участи в выборах, референдумах, митингах. Все это вселяло надежду на поддержку объявленных реформ со стороны молодежи. Но это поколение оказалось обманутым вторично. Как следствие, интерес к политике постепенно начал угасать, сменился равнодушием и скептицизмом, недоверием к правительству, политическим лидерам, депутатам всех уровней. Резко упала явка молодых людей на выборы. В выборах 2003 г. в Государственную Думу, по предварительным подсчетам, приняло участие в голосовании всего 16-20% молодых людей. Среди причин политической апатии, как свидетельствуют результаты опросов студентов старших курсов, главными являются разочарование в реформах, чувство бессилия, невозможность что-либо изменить к лучшему, повлиять на происходящее. В последнее время усилилось протестное политическое поведение, которое ярко проявилось в голосовании против всех и в политических предпочтениях таким партиям как ЛДПР.

Хотя с избранием В. Путина президентом страны в 2000 г. настроение студенческой молодежи несколько изменилось, говорить о второй волне политической активности молодежи вряд ли можно. Сегодня типичным является поведение ожидания, тактика наблюдателя со стороны. Самый распространенный тип личности - политический конформист, характерными чертами которого являются: заимствование чужих политических взглядов, господствующих в этот

период, приспособление к общим настроениям. Поскольку эти взгляды усвоены таким человеком не критически, поверхностно, он очень легко может их изменить. Активность молодежи заметно сместилась из политической сферы в коммерческую, в зарабатывание денег, в обустройство личной жизни. Так, 71,3% из числа опрошенных студентов ориентируются на сугубо личные блага. Самым ценным приобретением за годы модернизации студенты считают свободу. Однако свобода воспринимается как вседозволенность, как возможность обойти закон с выгодой для себя. Иного восприятия и не может быть при укоренившейся в нашем обществе плюралистичности. Отсутствие уважения к свободе других, к выбору ими своей позиции означает на практике отказ от плюрализма и равенства перед законом. Отстаивая свои ценности, считая их единственно верными, человек принижает свободу другого осуществить свой выбор. Тенденция к радикализму исключает и плюрализм, и толерантность, и свободу выбора, создает реальную опасность для становления гражданского общества и правового государства. Эта тенденция препятствует консолидации российского общества и сопровождается ослаблением государственной власти, падением ее легитимности. Если учесть, что ослабление государства в России еще в дореволюционный период вызывало рост элементов анархии и беспредела, а отношение к закону всегда было двойственным: либо преклонение, доходящее до холопства, либо нигилизм, то становится понятным, почему в стране активизировались преступные элементы. Некоторые авторы считают, что политическую активность у нас подменил политический экстремизм, который они усматривают в массовом выходе политической жизни из правовых норм. Эта форма экстремизма наиболее ярко проявляется в чеченском конфликте. Политический экстремизм охватывает не только насильственные действия, но и агрессивные высказывания в адрес власти, несанкционированные митинги, не конвенционное поведение. Еще Н. Бердяев отмечал, что, с одной стороны, проявлением русского духа стал анархизм, когда сам "народ как будто хочет не столько свободного государства, сколько свободы от государства", а с другой - этот же народ создал "самую бюрократическую страну в мире", где все превращается в орудие политики [1, с.5-7]. Эта оценка российского менталитета сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Политическое сознание молодежи представляет собой противоречивое сочетание элементов прошлого с элементами демократической культуры, национальных культурных ценностей с заимствованными ценностями Запада, которые подчас воспринимаются в искаженной форме. Несомненно, что ценностные идейные ориентации молодых людей в немалой степени являются производными от того системного кризиса, который не преодолен в стране. Получается заколдованный круг: без ликвидации кризиса невозможно формирование спонтанно-активной личности, способной продвигать государство по пути правового. В свою очередь ликвидация кризиса предполагает усиление существующего государства, его авторитарных черт. Возможно, поэтому, некоторые российские политологи считают, что в России в настоящее время нет условий для становления демократического режима. Либерализация и демокра-

тизация - понятия не тождественные, хотя и взаимосвязанные. На Западе эти два процесса проходили последовательно, в России они совпали, что вносит путаницу, подмену одного другим. В результате само понятие демократии в России оказалось дискредитированным. Необходимы существенные изменения в жизни общества, в первую очередь преодоление огромной дифференциации в доходах различных слоев населения, последовательная борьба против тотальной криминализации общественной жизни и, как следствие, усиление легитимности политической власти, ее способности проводить не на словах, а на деле демократические реформы.

Подводя итоги, можно утверждать, что за годы перестройки студенческая молодежь, несомненно, очень сильно изменилась по сравнению со студентами советской эпохи. Она более политически ориентирована, менее склонна к утопиям, у нее есть теоретическое понимание либеральных ценностей, желание их реализовать, рассчитывая на собственные силы и способности. Пожалуй, сегодня среди студентов трудно отыскать политически индифферентную личность. Однако формирование личности неразрывно связано не только с процессом политической социализации, но и с процессом интериоризации. Эта такая степень овладения практическими методами, нормами, когда восприятие переходит на уровень неосознаваемого психически, т.е. когда человек начинает относиться к чему-то как к само собой разумеющемуся. Этот процесс в России пока далек от завершения в силу противоречивости политической культуры, своеобразного восприятия западных ценностей и нерешенности экономических проблем. Поэтому спонтанно-активная личность, без которой правовое государство немыслимо, не является типичной. Об этом свидетельствует расхождение слова и дела, подверженность любому влиянию и манипулированию, импульсивность и эмоциональность, противоречивость и непредсказуемость политического поведения молодежи в различных жизненных ситуациях.

Список литературы
1.Бердяев Н. Судьба России. -М.,1990.
2.Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. -М., 1994.
3.Осипов Г.В. Социология и политика. -М., 1995.

А.Н. Глебов
канд.ист. наук, доцент КГУ

ТОТАЛИТАРИЗМ И НАЛОГИ

Налоги как основной источник образования государственных финансов известны с древнейших времен. Функционирование государства неразрывно связано с бытием налогов. Два этих феномена возникают одновременно и взаимно обуславливают своё существование. Государство не может жить без взимания

налогов, более того, налоги - это органическая часть государства. И, как верно отметил П. Прудон, " вопрос о налоге - есть вопрос о государстве". Изучая налоги, мы изучаем государство.

Тесная генетическая связь этих двух явлений позволяет предположить, что качественные изменения, происходящие в государстве, ведут к трансформациям в налогообложении. В частности, можно говорить о том, что каждый политический (государственный) режим как способ взаимосвязи государства с обществом обусловливает определенную специфику в налоговых отношениях государства и общества. В этой связи в данной работе ставятся задачи: 1) проанализировать, как тоталитарный режим в СССР повлиял на налогообложение и налоговую политику в конце 20- начале 30-х гг. XX в.; 2) выявить роль налогов в советском тоталитарном государстве.

Прежде всего, влияние тоталитаризма проявляется в налоговой политике, то есть в системе актов и мероприятий, проводимых государством в области налогов и направленных на реализацию тех или иных задач, стоящих перед обществом. В этой связи можно выделить ряд черт налоговой политики советского государства данного периода, обусловленных тоталитарным политическим режимом.

Фундаментальной чертой тоталитарного государства является идеократичность. Тоталитарный политический режим не может существовать без особой идеологии, которая претендует на роль единственно верного учения, ставящего перед обществом цель его развития и указывающего пути её достижения и т.д.

Налоговая политика советского государства, безусловно, испытывала воздействие идеологии большевиков. Это выразилось в том, что в основе налогового законодательства лежал классовый принцип, не имевший правового характера. Он нарушал представления о праве как мере равенства и справедливости, искажал принцип справедливости - один из основных при налогообложении. В первую очередь, нарушалась горизонтальная справедливость, предполагающая, что плательщики, находящиеся в равном экономическом положении, должны находиться и в равной налоговой позиции. По словам Н. Тургенева: "Налоги должны быть распределяемы между всеми гражданами в одинаковой соразмерности; пожертвования каждого на пользу общую должны соответствовать силам его, т.е. его доходу". Классовый принцип порождал неравное налогообложение при равных условиях хозяйствования и одинаковых доходах. Ярким примером может служить законодательство о сельхозналоге первой половины 1930-х годов, где устанавливалось три отдельных шкалы ставок: для колхозников, единоличников, кулаков. Так при доходе в 100 рублей в 1931 г. колхозник должен был уплатить 4,5 рубля, единоличник - 6,2 рубля, кулак - 20 рублей.

Классовый принцип искажал также и принцип вертикальной справедливости, согласно которому лица, находящиеся в неравном положении, должны находиться в неравной налоговой позиции, иными словами, кто получает больше от государства тех или иных благ, тот должен больше платить в виде налогов. Иллюстрацией этого опять же может служить налоговое законодательство в советской

деревне конца 20-30-х гг. "Близкие" пролетарскому государству категории крестьянских хозяйств получали различные льготы, дешевый кредит и т.д. "Чуждые элементы" ничего этого не имели, но при этом налогов платили больше, хотя для них государство не создавало благоприятных условий хозяйствования. Аналогичная ситуация наблюдалась в конце 1920-х гг. в промышленности между частными и государственными предприятиями.

Идеология внесла в налоговую политику идею классовой борьбы. В налоговом законодательстве всего периода наблюдалась определенная дихотомия. Постоянно в среде налогоплательщиков выделялись "свои" и "чужие" - классово чуждые элементы. Налогообложение "чужих" было направлено на ограничение, а в ряде случаев - на ликвидацию этих категории плательщиков. Данное обстоятельство раскалывало общество, сеяло социальную вражду. В этом проявилась существенная черта тоталитаризма - нетерпение, недопустимость существования альтернативных форм, конкурентов не только в политике, но и экономике, а в целом, нетерпимость к явлениям, не постулируемым тоталитарной идеологией.

Производной от идеологизации чертой налоговой политики тоталитарного государства можно назвать политизацию налога. С давних времен государство использовало механизмы налогообложения не только в экономических, но и в политических целях. В конце 1920-х - 1930-е годы механизм налогообложения стал очень активно использоваться для решения тех или иных внутриполитических задач. Налоги с конца 1920-х гг. начинают выполнять несвойственные им функции, они используются как орудие политической борьбы с кулаками и частными производителями города и деревни. В целом перед налогообложением ставится задача вытеснения и ликвидации идеологически чуждых организационно-правовых форм производства.

Еще одной характеристикой налоговой политики тоталитарного государства можно назвать этатизм.

"Огосударствление" налога также связано с идеологией большевиков, так в 1919 году В. Ленин сказал: "В эпоху диктатуры пролетариата и государственной собственности на важнейшие средства производства финансы государства должны строиться на непосредственном обращении известной части доходов от различных государственных монополий на нужды государства".

Этатизация происходила постепенно, в связи с изменением и ужесточением внутренней политики СССР. Свертывание нэпа, индустриализация и коллективизация, привели к замене системы налогообложения административными методами изъятия прибыли предприятий и перераспределением финансовых ресурсов через бюджет страны. Фискальная функция налога практически утрачивает свое значение.

В 1930-1932 гг. в СССР была проведена кардинальная налоговая реформа (постановление ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 года), в результате которой была полностью упразднена система акцизов, а все налоговые платежи предприятий (около 60) были унифицированы в двух основных платежах - налоге с

оборота и отчислениях от прибыли. Вся прибыль промышленных и торговых предприятий, за исключением нормативных отчислений на формирование фондов, изымалась в доход государства. Таким образом, доход государства формировался не за счет налогов, а за счет прямых изъятий валового национального продукта, производимых на основе государственной монополии. Существование налогов в этой ситуации теряло свой смысл. Последним очагом существования налоговых отношений в чистом виде в 1930-е годы являлся крестьянский двор, который становится последним бастионом экономической свободы.

Характерным признаком этатизма в налогообложении населения, и в частности крестьянства, в 1930-е гг. являлся приоритет интересов государства и налоговый произвол.

Налоговый произвол тоталитарного государства с неизбежностью следует из монополии любого государства на правовое регулирование общественных отношений в области финансов. Он означает нарушение государством им же установленных принципов и правил налогообложения и может проявляться в осуществлении государством налоговой политики, прямо противоречащей соответствующим нормативным актам.

Бюджет советского государства после реформ начала 1930-х гг. стал независим от налогов, получаемых от населения, и этим объясняется то, что при помощи налогов начинают решаться те или иные политические задачи. Решение, которых влекло налоговый произвол, снижение роли фискальной функции и возрастание роли регулятивной и контрольной функций. Основной формой налогового произвола выступало нарушение принципа определенности и удобности налогообложения. Суть этого принципа состоит в том, что сумма, способ, время платежа должны быть заранее известны налогоплательщику, а также налог должен взиматься в такое время и таким способом, которые представляют наибольшие удобства для плательщика.

Ярким образом все вышеназванные негативные черты проявились в ходе кампаний по проведению самообложения в деревне в 1928-1929 гг.

Самообложение - это сбор средств, направленный на удовлетворение местных культурных и хозяйственных нужд сельского населения, проводимый по его инициативе. Впервые данный сбор был установлен в 1924 году. По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. решение о введении самообложения принимал сход граждан селения, он же устанавливал размер сбора и перечень мероприятий, которые необходимо профинансировать за счет данного сбора. С 1928 года самообложение становится обязательным для всех граждан независимо от участия в собрании, наличия избирательных прав и характера своего волеизъявления. Законодательно была установлена демократическая процедура, за гражданами были закреплены широкие права в деле установления и проведения данного сбора. Реально советское государство не дало крестьянам возможности воспользоваться данными правами. Инициатива по проведению этого сбора принадлежала государству, которое при помощи налогового нажима пыталось стимулировать ход хлебозаготовок в стране. Государство директивным методом

устанавливало размер, форму и сроки проведения сбора. Путем идеологической обработки и с помощью применения аппарата принуждения государству удавалось установить самообложение в угодном ему виде, при этом нисколько не заботясь об интересах крестьянства. После этого крестьянам оставалось только вопрошать у государства и партии: "Где ваша коммунистическая правда…Где ваша свобода и демократия" !?

В целом налоговая политика тоталитарного государства носит идеологизированный характер, что приводит к её политизации и этатизации. Данное обстоятельство влечет за собой искажение принципов налогообложения, ведет к снижению роли фискальной функции и возрастанию роли контрольной и регулирующей функций.

Налоги в конце 1920-х и в 1930-е гг. были, с одной стороны, инструментом утверждения идеократического государства в деле переустройства общества по идеальному плану. С их помощью свершилась индустриализация и коллективизация, было преодолено отставание от передовых держав мира. Но в то же время они являлись орудием разрушения государства. С помощью налогов сначала были уничтожены все организационно-правовые формы производства и формы собственности, кроме тех, что постулировались тоталитарной идеологией, а затем уничтожались на корню все попытки их возрождения. Таким образом, тоталитаризм при помощи налоговой политики устранил иные варианты развития экономической материи общества. А если точнее, то ликвидировал механизм *отбора* наиболее жизнеспособных, прогрессивных форм экономического бытия, сократил до минимума степени свободы внутри экономической системы, ввел её в закрытое состояние с жесткой структурой. (Если провести аналогию с подобными состояниями в физических системах, то там такие состояния чреваты "тепловой смертью"). Отбор - это механизм самоорганизации системы, путь поиска ответа на вызовы, которые бросает системе окружающая среда. Роль механизма отбора в советском государстве стала играть высшая бюрократия, а точнее - идеократия, которая определяла, соответствует ли то или иное явление идеологии или нет, а следовательно, может оно существовать или нет. Но идеология - достаточно шаткий критерий, который не вполне адекватно, иллюзорно отражает социальную действительность. А значит, решения, принятые на идеологической основе, с большой степенью вероятности не обладают жизнеспособностью. Данное обстоятельство вело к накоплению ошибок и просчетов, груз которых всё больше и больше кренил флагман тоталитаризма, и, в конечном счете, привел к катастрофе.

Список литературы

1.Тургенев Н. Опыт теории налогов. - М., 1937. - С.18.
2. Постановление Уральского областного исполнительного комитета Советов РКК и КД "О проведении единого сельхозналога в Уральской области на 1931 год".- Свердловск,1931.
3. Ленин В. Полн. собр. соч.: 5-е изд.- Т.29. - С.118.
4. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов в СССР. - М.: Госфиниздат,1964. - С.98.

5. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г. "О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд"//Лейкин О., Шнейдер Э. Справочник по административному управлению: Пособие для уисполкома, волисполкома и сельсовета. -М., 1927.
6. Глебов А.Н. Государственная налоговая политика в уральской деревне в 1928-1941 гг.: Дис… канд. ист. наук. -Курган, 2003. -С.31-53.
7. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области, Ф.7,Оп.1,Д.981,Л.229.
8.Гомаюнов С.А. Анатомия антисистемы: к вопросу о природе тоталитарных обществ. -Киров, 1992.
9.Гомаюнов С.А От истории синергетики к синергетике истории// Общественные науки и современность. -1994. -№2. -С.99-106.
10. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. -1999. -№6. -С.117-119.

О.И. Филонова, соискатель уч. степени канд. ист. наук
Научный руководитель О.Ю.Винниченко

СОВЕТСКОЕ СУДЕБНОЕ ПРАВО В ПЕРИОД НЭПА (1921 - 1929 ГГ.)

Судебное право представляет собой совокупность правовых норм, определяющих организацию и деятельность суда и связанных с ним органов следствия, прокуратуры и адвокатуры.

Сегодня в России продолжается начатая в середине 1990-х гг. судебная реформа. Для успеха реформы необходимо, чтобы она основывалась на научной разработке проблем, включая учет отечественного исторического опыта, в том числе и советского.

Одним из значительных этапов в разработке законодательной базы устройства и деятельности советской судебной системы представляется период 1921-1929гг. Именно тогда были приняты нормативные документы, определившие ее структуру, организационные формы и принципы.

Идеологическая специфика государства определила первостепенное значение охранительных функций, которые реализовывались через систему государственных органов, в том числе через суд, провозглашенный "орудием диктатуры пролетариата". В то же время право трактовалось как буржуазная категория, используемая временно в переходный период вплоть до победы социализма.

Диктатура пролетариата как форма политической власти и распространение идеи о неизбежности классовой борьбы придали судебному праву 1921-1929гг. характерные черты. Задачами советского суда, провозглашенными Положением о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922г., являлись: 1)ограждение завоеваний пролетарской революции; 2)обеспечение интересов государства, прав трудящихся и их объединений.

После Октябрьской Революции 1917г. в первые ряды деятелей судебного права выдвинулись юристы П.И.Стучка, Е.Б. Пашуканис, Д.И.Курский, Н.В. Крылен-

ко; направляющую роль играли работы В.И. Ленина. Позиция главных деятелей советской юстиции начала 1920-х годов сводилась к тому, что пролетариат, завоевавший власть, сломал буржуазный государственный аппарат и все буржуазное право, в связи с чем необходимо создать новое (революционное) право [1]. В.И. Ленин указывал, что "по мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, - типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд" [2].

Право Советской России конца 1917г. - 1920-х гг. именовалось революционным и допускало возможность отступления от своих же юридических установлений по мотивам революционной целесообразности. Теоретическую основу деятельности советской судебной системы в 1921-1929гг. составляла концепция революционной законности. Обязательность исполнения законов диктатуры пролетариата сочеталась с возможностью их нарушения, если действия вызваны экстренными мерами борьбы с контрреволюцией.

Основные признаки революционной законности как правовой структуры были определены Я. Берманом: 1) ограничение внесудебных репрессий и исключительная роль репрессий судебных; 2) полная регламентация всех правовых отношений, прежде всего, с помощью кодексов; 3) проведение единой системы судебных органов [3].

Характерной чертой советского судебного права являлась его подчиненность решению политических задач, что отразилось и на порядке принятия нормативных актов. Партийные решения являлись основой революционного права. Мероприятия по реформированию судебной системы начинали проводиться лишь после принятия партийных решений, которые являлись основой революционного права.

Для советского судебного права 1921-1929гг. характерно большое количество нормативных актов, касавшихся организации и деятельности судебной системы. Советское государство стремилось к стабильному статичному состоянию, что предполагало поиск наиболее устойчивой судебной системы и эффективных форм судоустройства и судопроизводства. Необходимость реформирования судебной системы обусловливалось и такими факторами, как изменение политических задач, проведение нового административно-территориального деления.

Основными источниками судебного права 1921-1929гг. являлись Конституция РСФСР 1925г., Конституция СССР 1924г., Положения о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922г. и от 19 ноября 1926г., Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик от 29 октября 1924г., кодексы. Кроме того, существовало большое количество нормативных актов центральных органов власти в отношении отдельных аспектов судебной системы.

Фундаментом создания советской судебной системы стала судебная реформа 1922г. Ее необходимость была обусловлена переходом к нэпу, провозглашенным в марте 1921г. Съездом РКП(б). В 1921-1922гг. была в основном сформирована правовая база, связанная с проведением нэпа; был приняты важнейшие кодексы. Возникла потребность в создании системы судебных органов и органов по надзору за законностью (прокуратуры), призванных следить за воплоще-

нием принятых законов в жизнь. Начало судебной реформе 1922г. было положено Положениями об адвокатуре и о прокурорском надзоре.

Основным документом, определившим структуру, организационные формы и принципы советской судебной системы страны, являлось Положение о судоустройстве РСФСР, принятое Постановлением ВЦИК РСФСР 11 ноября 1922г. Значительную роль в его подготовке сыграл советский правовед П.И. Стучка. Он подчеркивал необходимость создания единой судебной системы, соблюдение принципа единства суда и ставил это в зависимость от сложности законодательства: при упрощенном законодательстве возможен децентрализованный суд, а с изданием сложнейших кодексов стал необходим централизованный и единый судебный контроль [4].

Положением о судоустройстве было провозглашено создание на территории РСФСР единой системы судебных учреждений: 1)Народный суд; 2)Губернский суд; 3)Верховный суд РСФСР.

В Положении о судоустройстве 1922г. и "Основах судоустройства Союза ССР и союзных республик" 1924г. получили отражение основные принципы судебной системы, в том числе принцип сменяемости судей. Руководство судебной системой со стороны НКЮ РСФСР, участие исполнительных комитетов в назначении и отзыве народных судей означало отсутствие принципа разделения властей, что Н.В. Крыленко обосновал невозможностью Верховного Суда и прокуратуры нести соответствующую ответственность и технической целесообразностью [5].

Новое административно-территориальное деление страны (районирование), начавшееся в 1923г., обусловило необходимость дальнейшего реформирования судебной системы. Новые формы судоустройства получили законодательное закрепление в Положении о судоустройстве РСФСР от 19 ноября 1926г., провозгласившем создание краевого (областного) суда и окружных судов. Система судов общей юрисдикции приняла следующий вид: 1) Народный суд; 2) Губернский суд (в губерниях); окружной, областной (краевой) суд (в областях и краях); 3) Верховный Суд РСФСР.

Кроме судов общей юрисдикции в период 1921 - 1929гг. действовали специальные суды. Необходимость их существования обосновывалась несколькими факторами: 1) народные суды были перегружены делами, и закономерно возникло стремление освободить их от рассмотрения незначительных дел (общественные суды); 2) убежденность в том, что более грамотное судебное решение по отдельным категориям дел примут специалисты (особые трудовые сессии народных судов, дисциплинарные суды).

Специальные суды рассматривались как часть единой судебной системы, так как процессуально они замыкались на Верховный суд. Положением о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922г. было предусмотрено создание ("на время") таких судов, как военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы, особые трудовые сессии народных судов, земельные комиссии, арбитражные комиссии. В соответствии с Положением от 7 июля 1923г. были учреждены дисциплинарные суды.

Широкое распространение в 1928 -1929гг. получили общественные суды, организованные первоначально как эксперимент в виде примирительных камер при сельских советах и товарищеских судов на предприятиях.

С начала образования Советского государства и на протяжении 1920-х гг. советские судьи при осуществлении своей деятельности должны были руководствоваться революционным правосознанием и революционной совестью, являвшимися характеристиками революционного права.

В период с ноября 1917 по 1921гг. советские судьи, руководствуясь революционным правосознанием, проявляли творческий подход в трактовке составов преступлений и назначении мер наказания. В период нэпа на смену революционному правосознанию как основному источнику права появился формально-определенный нормативный акт. С проведением кодификации судьи были поставлены в конкретные и строго определенные рамки. Так, по уголовному праву, преступлением считалось то, что прямо запрещалось Уголовным кодексом РСФСР.

Вместе с тем революционное правосознание осталось ведущим принципом правотворчества, что отразилось в содержании принимавшихся кодексов. По мнению советских правоведов 1920-х гг., Гражданский и Уголовный кодексы не следовало рассматривать как окончательный набор правил; закон в значительной мере ориентировался на относительный и временный характер права переходного периода. Отдельные положения кодексов давали судьям большой простор для толкования закона, не связывая их четкими правовыми нормами.

Так, ст.1 Гражданского кодекса РСФСР (1923г.), устанавливала порядок защиты имущественных прав только в случае их соответствия социально-хозяйственному назначению.

Уголовный кодекс РСФСР (1922г.), содержавший перечень преступлений, в то же время допустил возможность применения аналогии: "В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей УК, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего кодекса" (ст. 10). Аналогия рассматривалась советскими правоведами как вынужденная и временная мера, вызванная отсутствием условий для того, чтобы предусмотреть все возможные общественно-опасные деяния: неразумно было бы отказаться от возможности аналогии, первый советский уголовный кодекс не мог не содержать ряда пробелов. Вместе с тем выражалось всеобщее мнение, что применение аналогии должно быть ограничено, например, в допущении аналогии лишь в том случае, если пробел в законодательстве возник неумышленно, а не тогда, когда законодатель специально исключил статью (6).

С началом свертывания нэпа в правовой сфере начала складываться закрытая система права, претендовавшая на законченность. Такие правовые критерии, как революционное правосознание, были заменены принципом целесообразности и нормативизмом.

В заключение можно подчеркнуть, что идеолого-теоретическую основу советского судебного права 1921-1929гг. составили: 1)идеология диктатуры пролетариата, 2)философия революционного права, 3)концепция революционной законности, 4)революционное правосознание и революционная совесть, принцип революционной целесообразности как проявления революционного права.

Нормативные акты в области судоустройства и судопроизодства в своей основе содержали партийные решения. Кроме того, наряду с официальным нормотворчеством, существовала система директивных указаний, для которой был характерен режим секретности; причем на практике эти секретные инструкции и директивы по своей значимости превосходили силу закона.

Для рассматриваемого периода был характерен поиск наиболее эффективной и устойчивой судебной системы, что обусловило принятие большого количества нормативных актов. Поиск наиболее эффективных форм судоустройства и судопроизводства был связан, кроме того, со стремлением законодателей примирить сложные процессуальные правила с низким уровнем образовательной и профессиональной подготовки судей.

Список литературы

1.Руководящие начала по уголовному праву РСФСР// Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991гг. / Под ред. О.И. Чистякова. - М.: Зерцало, 1997. - 592с.

2. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. - Т. 36.- М.: Издательство политической литературы, 1974. - С.196-197.

3. Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. - М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1923. - С.648-650.

4. Плотниек А.А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли //Ученые записки № 129 (1917-1925). - Рига: Изд-во Латвийского государственного университета им. П.Стучки, 1970. - С.201.

5. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. - Ч.1. Основы судоустройства. - М.: Государственное издательство, 1927. - С.79.

6. Эстрин А. Аналогия // Еженедельник Советской юстиции. - 1922. - №28. - С.1-2.

Г.В. Губачев
доцент КГУ

БЕСПАРТИЙНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ КРЕСТЬЯНСТВА УРАЛА В УСЛОВИЯХ НЭПА

Среди различных форм политического участия крестьянства Урала в годы новой экономической политики (сельские сходы, делегатские собрания, участие в выборах Советов, в праздновании революционных праздников и др.) особый интерес вызывают беспартийные крестьянские конференции. Они проводились в середине 20-х годов минувшего столетия по инициативе партийных и советских органов во всех 15-ти округах Уральской области.

Повестка дня районных крестьянских конференций включала в себя такие вопросы как доклады о Всесоюзных, Всероссийских, областных съездах Советов, о международном положении, отчет райисполкома, о сельскохозяйственном налоге, о развитии сельского хозяйства, о культурной работе в деревне и др.

Подавляющее большинство участников беспартийных крестьянских конференций составляли бедняки и середняки. Так из 1960 делегатов крестьянских конференций, состоявшихся в Шадринском округе весной 1925 г., бедняков было 892 (55,5%), середняков - 780 (39,8%) и зажиточных - 83 человека (4,7%).

Обсуждение вопросов, включенных в повестку дня, как показали конференции, проведенные в 1925 г. в других округах, повсеместно проходило активно, в деловой обстановке. На конференциях Верхне-Камского округа было задано докладчикам в среднем от 100 до 250 вопросов, в прениях выступили ? всех делегатов. В Ирбитском округе на беспартийной конференции крестьян Еланского района по докладу об областном съезде Советов поступило 50 вопросов, на конференции в Знаменском районе по отчету райисполкома было задано более 120-ти вопросов и выступило более 20-ти делегатов. При этом Ирбитский окружком партии отметил в отчете о проведенных крестьянских конференциях: "Выступления крестьян, характерны своей деловитостью и здоровой критикой работы местных организаций".

Характер вопросов, задаваемых участниками конференций, свидетельствует прежде всего об их большом интересе к международным событиям того времени, к внешней политике СССР. Вот некоторые примеры из материалов беспартийных крестьянских конференций, проведенных зимой 1926-1927 гг. в районах Тюменского округа:

- "Какие отношения у нас с Польшей?", "Кто такой Войков?", "Есть ли коммунистическая партия в Англии и других странах?" (Липчинский район);
- "Как вооружена Красная Армия, может ли она противостоять?" (Тюменский район);
- "Какую сумму трудящиеся СССР оказали английским рабочим в период забастовки?", "Может ли консервативное английское правительство выступить войной против СССР?", "Какую линию займет Троцкий, если начнется война?" (Ярнавский район).

Нетрудно убедиться в том, что мимо внимания трудового крестьянства не прошли важнейшие события тех лет, в том числе и всеобщая забастовка английских рабочих в 1926 г., и успехи Китайской Красной армии, и убийство советского полпреда Войкова в Польше. Крестьяне с озабоченностью восприняли весть о разрыве в 1927 г. консервативным правительством Англии дипломатических отношений с Советским Союзом. Их беспокоила растущая военная угроза у наших границ.

Много вопросов задавалось по сельхозналогу. Так, на Тугулымской районной конференции из 24 вопросов, заданных докладчикам, 8 вопросов было по докладу о сельхозналоге ("Какую льготу получает инвалид труда и войны?", "Будет ли облагаться племенной скот?" и др.). Здесь же были заданы три вопроса о

решениях IV съезда Советов РСФСР, в том числе: "Будет ли ликвидирована неграмотность к 10-летию Октябрьской революции?".

Особым вниманием делегатов крестьянских конференций пользовались вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства, социалистическим переустройством деревни: "Вопросы агрономии, мелиорации, электрификации, тракторизации были самыми интересными моментами в работе конференций", - сообщал Ишимский окружной комитет партии.

В некоторых округах, в частности, в Ишимском, Кунгурском и Шадринском, среди делегатов районных крестьянских конференций были распространены анкеты, содержащие ряд вопросов по внешней политике Советского государства, о деятельности партийных, советских организаций, культурно-просветительных учреждений в деревне. Анализ полученных ответов показывает, что подавляющее большинство участников конференций, отражавших настроения и мнения бедноты и середняцких масс, высказывались в поддержку политики партии и Советского государства, проявили живую заинтересованность в дальнейшем подъеме хозяйственной и культурной жизни советской деревни.

Вместе с тем, крестьяне отмечали в анкетах и недостатки, упущения в деятельности партийных и советских органов. В Кунгурском округе участники крестьянских конференций, проведенных в октябре 1924 г., на вопрос анкеты (всего было роздано более 800 анкет): "Семь лет Соввласть принимает меры к улучшению хозяйственной и культурной жизни деревни. Какие недочеты Вы видите в этих мероприятиях Соввласти?" ответили следующим образом: "Политику одобряем в целом" - 190 человек, "Слаба культпросветработа в деревне" - 213, "Тяжелы налоги" - 129, "Нет в деревне сельхозорудий" - 31, "Низкие цены на хлеб" - 13, "Для крестьян Соввласть не сделала ничего" - 75, не ответило 170 человек.

В анкете, розданной делегатам районных крестьянских конференций Шадринского округа, содержалось 20 различных вопросов. Анкеты с ответами были получены от 1428 человек. Вот некоторые результаты анкетирования. На вопрос анкеты "Надо ли платить царские долги Франции?" 1292 человека заявили, что долгов платить не нужно. Анкета спрашивала: "Что Вам известно о работе Вашего РИКа, сельсовета? Удовлетворяет ли Вас эта работа и какие главные недостатки в их работе Вы усматриваете?" 889 делегатов ответили, что работой райисполкома и сельсовета удовлетворены, 338 опрошенных указали на то, что РИК и сельские Советы работают слабо и 57 ответили, что у них нет связи с населением.

А вот ответы участников конференций, которые опровергают лживый тезис о дремучем невежестве крестьян того времени, об отсутствии у них культурных, духовных запросов. На вопрос анкеты "Какие Вы читаете газеты? Знаете ли окружную "Рабоче-крестьянскую газету"?" делегаты ответили так: читают газеты вообще - 929 человек, не читают - 309, не ответили 110 человек. Знают окружную газету - 514, не знают - 17, одобряют - 267, не одобряют - 2 человека.

Трудовое крестьянство Урала с большим удовлетворением и одобрением отнеслось к проведению беспартийных крестьянских конференций. Мнение тружеников села хорошо выразил в своем выступлении один из делегатов-середня-

ков Исетской районной конференции (Шадринский округ): "Раньше, в период военного коммунизма, с нами не считались: давай все, что у тебя есть - да и только. Сейчас же другое - нам разъясняют, с нами советуются, и нам надо только слушать этот полезный совет, и хозяйство наше может стать на ноги гораздо скорее".

"Беспартийные конференции показали, - подчеркивалось в отчетном докладе Уральского обкома партии VII областной партийной конференции (1925 г.), - что крестьяне начинают понимать нашу линию, нашу политику. Они понимают, что партия хочет крестьянину помочь".

Проведенные в 1924-1927 гг. в округах Уральской области конференции беспартийных крестьян наглядно свидетельствовали о серьезном сдвиге в политических настроениях крестьянства. Крестьянская беднота и большинство крестьян-середняков все активнее стали выступать в поддержку внешней и внутренней политики Советского государства, социалистического строительства в деревне.

Список литературы
1. ПАСО (Партийный архив Свердловской области), ф.4, оп.3, д.350.
2. ПАТО (Партийный архив Тюменской области), ф.3, оп.4, д.231, об, 9, 9 об.
3. ПАСО, ф.4, оп.3, д.350, лл.22 и 23.
4. ПАСО, ф.4, оп.3, д.8.
5. Уральский рабочий. -1925. -9 декабря.

Е.В. Чернышёва
канд.ист.наук, КГУ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ А.Д. ГРАДОВСКОГО

Опыт российского государственного устройства является предметом постоянного внимания для отечественной исторической и юридической науки. Особый интерес вызывает проблема организации такого органа местного самоуправления второй половины XIX - начала XX века, как земство. Это обусловлено не только научно-исследовательским интересом к малоизученному в советский период общественному учреждению, но и современными практическими задачами формирования демократического государственного устройства Российской Федерации и систем местного самоуправления ее субъектов. В связи с этим возникает потребность в изучении истории правовой мысли дореволюционной России, которая влияла на формирование модели местного самоуправления.

Крупный вклад в разработку теоретических вопросов самоуправления внес А.Д. Градовский /1841-1889 гг./ - выдающийся юрист, публицист и общественный деятель. Ему принадлежит ряд монографий и многочисленные статьи по истории государства и права России и западных стран. Как ученый он выступал с позиций консервативного либерализма, стремясь сочетать европейский конституционализм с русскими национальными традициями. Он верил в возмож-

ность развития и укрепления в России начатых в 60-х гг. XIX в. преобразований, которые возродят духовные силы страны, и, освободив человеческую личность, призовут ее к участию в общественных делах.

В своей докторской диссертации "История местного управления в России" / 1868 г./ А.Д. Градовский взялся за исследование того, в какой мере каждое правительство нуждается в самостоятельных местных учреждениях, чтобы потом сказать, как эта задача может быть разрешена историей русского права [1].

Ученого интересовал вопрос о том, является ли земская реформа 1864 г. результатом переноса на русскую почву западной модели самоуправления или она имеет национальные корни. Доказывая последнее, он прослеживал генезис земства на широком историческом фоне и в тесной связи с историей сословий и развитием провинций.

Примечательно, что А.Д. Градовский не видел за местным самоуправлением политической силы и не связывал его с вопросом о введении центрального представительства. По его убеждению, самодержавие было совместимо со строгой законностью и правопорядком. Представительные учреждения не смогут заменить местного самоуправления, которое имеет больше преимуществ, поскольку напрямую связано с хозяйственными интересами населения [2]. Высоко оценивая введение земства, исследователь писал, что оно устраняет разобщение между правительством и обществом, устанавливает внутри-общественные связи, и является предпосылкой национального единства и построения правового государства [3].

В 70-е гг. XIX в. А.Д. Градовский, в силу ряда причин, вновь обратился к теме местного самоуправления. Одной из них был застой в деятельности земских учреждений и нарастание критики в их адрес со стороны представителей различных общественно-политических течений. Другим побудительным мотивом стало отсутствие глубокой теоретической проработки понятия и содержания самоуправления в русской историографии с позиций государственно-юридической школы.

Результатом научных изысканий стал труд "Системы местного управления на Западе Европы и в России". А.Д. Градовский выступил сторонником государственной теории самоуправления, обоснованной немецкими учеными Рудольфом Гнейстом и Лоренцом Штейном в середине XIX в. Согласно ей, местные общества осуществляют возложенные на них государством задачи управления.

По определению А.Д. Градовского, самоуправление - "это право самостоятельно, со стороны местных организмов, заведовать интересами, признанными государством за общественные"[4]. Самоуправляющиеся местные единицы входят в состав государства и должны быть подчинены его контролю в границах своей деятельности, но не прямым его распоряжениям. Они являются особыми субъектами прав, юридическими лицами, вступающими с государством в юридические отношения и имеющими соответствующие права и обязанности. Самоуправляющиеся единицы могут быть собственниками и могут вступать в различного рода обязательственные отношения. Так, отсутствие реальной само-

стоятельности в действиях земских органов стало, по мнению ученого, одной из причин неэффективности их работы[5].

Наряду с разработкой теоретических вопросов, А.Д. Градовский давал оценку реформы и практических результатов деятельности земства, увязывая это с вопросом о том, соответствует ли местное самоуправление сложившейся системе государственного управления России. По его мнению, земская реформа была лишь начальным шагом по пути создания подлинного самоуправления. Местное управления в России все еще "не имеет единства основания и разделяет силы, действующие в местных учреждениях, вместо того, чтобы их соединять"[6]. Правительство, учреждая независимые общественные учреждения, не создало самоуправления и не обеспечило начала законности в деятельности администрации.

Главный вывод автора состоял в том, что органы самоуправления не должны противопоставляться правительственными "установлениям". Они должны входить в состав государственных учреждений, являясь истинными властями со всеми их правами и обязанностями[7]. Цель самоуправления состоит в том, чтобы привлечь общество к участию в государственной администрации. Это возможно осуществить путем включения земских учреждений в круг государственных органов власти, сохранив при этом выборную систему их представительства.

В период общественно-политического кризиса конца 70-х - начала 80-х гг. XIX в. А.Д. Градовский активно занимался публицистической деятельностью. В 1880-1882 гг. в либеральной газете "Голос" выходили его статьи, посвященные планируемой министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым реформе местного управления. Предметом анализа ученого стало пореформенное устройство губернского и уездного управления и те изменения, которые произошли в нем в результате создания земства.

Констатируя факт, что в местном управлении существуют большие проблемы, и что действует оно не эффективно, А.Д. Градовский ставил вопрос: что этому мешает? Главную причину он видел в параллельном существовании разнообразных "начальств" (правительственных, земских и сословных) и отсутствии необходимого единства в их действиях. По его словам, земская реформа внесла важные изменение в организацию управления в губерниях и уездах; изменила положение правительственных учреждений, которые утратили свое былое значение. Это стало возможным вследствие "добровольной передачи государством части хозяйственных функций на местах в руки земств". Но процесс передачи не был осуществлен до конца, поскольку земства не получили властных полномочий. В результате произошло отделение власти от предметов ведомства: "предметы переходят к земствам, а власть остается у правительственных учреждений,… но без компетенции"[8]. Негативно оценивая сложившуюся ситуацию, автор писал: "управлять и не иметь никакой власти к управлению; нести все бремя местных забот и в то же время быть исключенным из правящего персонала - вот положение неудобное для практических целей местного управления"[9].

Разрешить противоречия А.Д. Градовский предлагал через широкую реформу провинциального управления, которая передаст земствам все государственные функции на местах и ликвидирует "параллельность" властей. Новый закон должен "установить правильное соотношение между тремя главными силами - губернатором, полицией и земскими учреждениями". Главной из них, исследователь считал земство, поскольку в нем сосредоточились действительные экономические и культурные интересы местного населения и, следовательно, на его основе и должна строиться новая система управления.

Земства объединяют общество не "сверху", через администрацию и полицию, а "снизу" и имеют естественный характер. В этой позиции нашла отражение точка зрения представителей государственно-юридической школы об искусственном характере губерний и уездов в России как единиц финансово-полицейских, созданных сверху государством. Историческую задачу земства автор видел в том, чтобы оно стало способом для формирования правовых механизмов государственного управления и гармоничного сочетания интересов власти и общества.

Список литературы
1.Градовский А.Д. История местного управления в России. -СПб., 1868. -С. 5.
2. Там же. С. 75.
3. Там же. С. 100.
4. Градовский А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России//Собрание сочинений: В 9 т. 2-е изд. -СПб., 1908. -Т. 9. -С. 424.
5. Там же. С. 508.
6. Там же. С. 411.
7. Там же. С. 416.
8. Градовский А.Д. Переустройство местного управления//Голос-1881.-№ 18//Собрание сочинений. -Т.8. -СПб., 1908. -С. 540.
9. Там же. С. 539.

С.Г. Федоров
ст. преподаватель, КГУ

ПРАВОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА ЗАУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

По мнению историка А.Ю.Полунова, "история русской церкви конца XIX в. до сих пор остается одной из наименее изученных страниц в пореформенной России" [1]. Несмотря на то, что на региональном уровне русская православная церковь и старообрядческое движение довольно подробно изучались в краеведческой литературе, на наш взгляд, историками - краеведами уделялось недостаточное внимание некоторым вопросам данной темы [2]. В частности, малоизу-

ченными оказались: девиантное поведение, преступления и правонарушения церковнослужителей Тобольской губернии; правовые отношения между светскими и духовными лицами во второй половине XIX века.

Архивные фонды Государственного архива Курганской области (далее ГАКО), по делам, касающимся преступлений и правонарушений лиц духовного звания, небогаты, т.к. большая часть из них находится в Тобольском отделе Государственного архива Тюменской области. И все же в фондах ГАКО имеется ряд подобных дел Тобольской Духовной Консистории (далее - ТДК), охватывающих период с 1863 г. по 1917 г., когда в России происходили реформы, процессы модернизации, ломка патриархально-сословных структур общества. Результатом модернизации также явилось падение авторитета церкви не только среди "мирян", но и среди самих священнослужителей, рост правонарушений и уголовных преступлений лиц духовного сословия. В связи с этим в пореформенной России довольно остро встала проблема толерантности в аспекте взаимоотношений русской православной церкви как религиозно-государственного учреждения и крестьянства. Рассмотрим эту проблему на местном краеведческом материале.

В 1863 г. в ТДК рассматривалось прошение крестьян Курганского округа Шмаковской и Усть-Суерской волостей от 9 октября 1862 г., в котором утверждалось следующее: "Мы, нижеподписавшиеся… государственные крестьяне, прихожане Романовской единоверческой церкви просим Его Высокопреосвященство об удалении от нашей церкви дьячка Ивана Паникаровского по неспособности его к отправлению причетнической должности, как по малограмотности, сварливости характера и не владению правой рукой от паралича, так и по наклонности его к сутяжничеству" [3]. Под прошением 29 подписей. Указанные в прошении причины об отставке от должности причетника Паникаровского оказались достаточными после проведения следствия для вынесения резолюции ТДК об его увольнении.

О падении авторитета церковнослужителей среди прихожан в конце XIX в. может свидетельствовать прошение священника Василия Топоркова Иоанно-Богословской церкви села Шароховского Его Преосвященству Агафангелу, Епископу Тобольскому и Сибирскому. В прошении от 17 сентября 1896 г. священник Топорков пишет: "Не соблаговолите ли обеспечить нас более верным способом, заменив сбор определенным хлебным побором с прихожан в размере одного пуда пшеницы и одного овса с каждой души на причт с просфорнею. Сбор же считаем не только не обеспечивающим, но и неудобным… Сбор производился со всех: с православных и раскольников, при чем последние наделяли лучше первых … За прошлый год значится 1684 души мужского пола, из которых православных числится только 500 душ. С раскольников же собирать заставляет только крайняя нужда, т.к. можно всегда встретить отказ в грубой и оскорбительной форме, что не раз и случалось, например, в словах одного раскольника: "Мы и нищих не наделяем". Немногим лучше собирать и с православных. Например, во время сбора по с. Шороховскому жена священника послала свою спутницу в один дом, а сама пошла в другой дом. Спутница возвратилась с пустыми руками, передавая слова

хозяйки дома: "Она, жена священника, не барыня, пусть сама идет и просит наделить". Да так и не наделила, несмотря на то, что семейство этой хозяйки считается одним из самых зажиточных среди православных" [4].

И в тоже время крестьянство как одно из самых консервативных сословий стремилось сохранить морально-религиозные нормы и институты, имевшие многовековую историю в России. Показательно в этом отношении дело по обвинению священника села Ново-Иковской церкви Курганского уезда Артемия Юрченко в разных проступках. Здесь уже крестьяне просят Его Преосвященство в сентябре 1917 г. об отставке священника, обвиняя его в следующих проступках: "Он всюду сеет рознь и вражду между пасомыми. Он отказался приобщать Святых Тайн умирающую, заявив, что она больна холерой. …Отпел заочно младенца, хотя в этом не было никакой необходимости, т.к. их приход состоит из одного села чисто православного….Не совершал богослужение 1-го августа, когда совершался крестный ход на воду и 20 августа (воскресение), хотя был дома и никаких причин более или менее уважительных не было. Он просто издевается над прихожанами, нередко заявляя им, что намерен затворить на замок церковь на 1,2,3 месяца. Весьма грубо относится к прихожанам, и бывали случаи, когда он гнал чуть ли не в шею просителей. Способен лгать при каждом удобном случае …Совокупность всех этих недостатков и многих других ни в коем случае не подходит к нравам и обычаям нашего православного населения, а особенно теперь, в такое переживаемое время, когда верующему люду нужна горячая, теплая молитва. А священник Юрченко распускает слухи, что Петроград взят - агитация чисто погромного характера, давая возможность вспыхнуть контрреволюции, и этим самым угрожая дарованной свободе. …Все эти факты настолько оттолкнули нас от храма Божия, что мы не можем смотреть равнодушно и от души желали бы снова слышать с церковной кафедры проповедь согласно завету Христа о всепрощении, мире, любви, между нами, а посему единогласно постановив: предложить местному священнику Артемию Юрченко немедленно искать другой приход, объявив ему, что всякие насилия в данном случае неуместны и на таковые мы будем реагировать самым энергичным образом… Если же почему-либо Епархиальное Начальство не пойдет к нам навстречу, то мы примем самые репрессивные меры по отношению к священнику Юрченко. В чем и подписуемся "[5].Всего 78 подписей.

В чем же причины подобного отношения прихожан к церковнослужителям? Несомненно, большую роль в этом сыграли общественно-политические и экономические процессы, происходившие в пореформенной России и затронувшие все слои общества того времени. Также определенную роль сыграло и девиантное поведение духовных лиц.

Эта девиантность заключалась не только в должностных правонарушениях, рассматриваемых следственной комиссией ТДК, но и в уголовных преступлениях, подсудных уголовному и гражданскому судам. Остановимся на этом подробнее. В качестве примера можно привести следующие должностные правонарушения.

1) 1862 г. Священник Романовской церкви Шмаковской и Усть-Суерской волостей Никон Радионов обвинялся в том, что "брал за браки от 10 до 16 руб. серебром, а в доходный реестр записывал от 3 до 3 руб. 50 коп."[6].

2) 1891 г. Священник Троицкой церкви Мокроусовского и Ялуторовского округов Протопопов обвинялся в том, что "строго запретил трапезникам в первых числах сентября показывать какую-либо прибыль от продажи церковных вещей" [7].

3) 1892 г. Священнику Чередовского прихода Тарского округа Аевской волости Афиногену Пантелееву вменялось в вину вымогательство за венчание крестьянина Алексея Васильева с девицей Маврой Зензиной. За венчание священник потребовал 32 руб. наличными деньгами, 5 пудов пшеницы, 3 пуда солоду и на 2 руб. рыбы. Не имея в наличности выпрошенных Пантелеевым денег, отец жениха вынужден был продать 100 пудов ржи по 30 коп., тогда как цена на эту рожь в то время была 50 коп. Но даже и после выполненных условий, священник чуть было не сорвал венчание в назначенный день, когда потребовал с венчающихся в церкви еще 3 руб. Васильев вынужден был занять деньги у приглашенных на свадьбу. По возвращении домой, не имея денег, чтобы возвратить долг, крестьянин продал корову, стоящую 10 руб., за 3 руб. [8].

4) 1896 г. Русаковский священник Петр Тверитин "поступил неблагородно и не совсем честно" при служебном переводе в церковь села Смирновского при сдаче церковного имущества с прежнего места службы "не сдал школьных денег, коих следует получить с него 111 руб. 6 коп. (60 руб. жалование учительницы за текущее полугодие и 51 руб. 6 коп. остаточных от прошлого учебного года сумм), не сдал и попечительские деньги, полученные по заявлению попечителя и старосты от продажи хлеба и уехал к новому месту своего служения" [9].

Священнослужители совершали не только должностные проступки, но и уголовные преступления.

В ГАКО есть дело, в котором ряд духовных лиц подозревались в совершении уголовного преступления: "Дело о диаконе Иконникове и причетниках Кокшарском и Попове, заподозренных в краже денег у старосты Усть- Суерской церкви Рыбина".

Суть дела такова. 28 декабря 1869 г. церковный староста Никита Рыбин приехал в село Чимеевское к исполняющему должность Благочинного Курганского ведомства священнику Алексею Лебедеву для сдачи денег от продажи свеч в Усть - Суерской церкви на сумму 228 руб. 11 коп. Но священник принимать деньги сразу отказался и просил старосту его подождать, т.к. он отправлялся на требу. Ожидание показалось скучным, поэтому Рыбин пошел в гости в сопровождении Семена Попова, "лишенного священнического сана за разные противузаконные дела". За ночь "погостили" у дьякона Иконникова, затем у дьячка Кокшарского и крестьянина Михаила Соколова. Гостевание сопровождалось обильным возлиянием. Примечательно, что " ходячую сию компанию из дому в дом во всю ночь дополнял лишенный всех прав и состояния поселенец Василий Назаров". Во время пирушки Иконников и Кокшарский старались более уго-

щать вином Рыбина, отчего он сделался сильно пьян и не помнил, как очутился у ворот дома священника Лебедева уже под утро и естественно без денег. Подозрение в воровстве денег, по заявлению Рыбина, пало на дьякона Иконникова и причетника Кокшарского в силу следующих причин. Во-первых, потому что уже был случай, когда два каких - то крестьянина, гуляя также с Иконниковым и Кокшарским, потеряли деньги. Во- вторых, через несколько дней кредитный билет 100 руб. достоинства (заблаговременно с переписанными номерами Рыбиным - С.Ф.) открыт был Чимеевским волостным правлением у солдатки Ольги Кузнецовой зазорного поведения. Ольга Кузнецова приходилась родной сестрой Александру Кокшарскому.

На следствии Кузнецова заявила, что эти деньги нашла. Так как прямых доказательств совершения кражи не было, то в Курганском окружном суде Иконников и Кокшарский были оправданы, а Кузнецова посажена на восемь месяцев в тюрьму. В то же время ТДК вынесла свои решения по этому делу. Священник Алексей Лебедев за бездействие от должности Благочинного был уволен. Иконников и Кокшарский "за обнаруженное пьянство и неблагоповедение были посланы в Тобольский монастырь сроком на три месяца с наложением на них епитимии, и после отбывания срока наказания с повелением приискать себе другие приходы"[10].

Как мы видим, вышеприведенные дела свидетельствуют о том, что не у всех духовных пастырей поведение отвечало канонам православной религии. Социально-правовой порядок в любом развитом обществе складывается из двух основных составляющих: нормативно-правовой системы и морально-этических традиций и установок. Несоблюдение и нарушение этих составляющих есть выражение неадекватного или девиантного поведения личности любого звания и сословия.

От рассмотрения нарушения правовых норм лицами духовного сословия обратимся теперь к фактам отступления от нравственных норм священнослужителями. В рассмотренных нами делах такие факты тоже присутствуют: от несоблюдения своего служебного долга до подозрения в интимной связи с девицами легкого поведения.

Уже упомянутые Иконников и Кокшарский после разгульной ночи со старостой Рыбиным на призыв священника Лебедева явиться к утренней службе отвечали, что "им некогда, т.к. они изволят кушать пермени" [11].

Далее, 22 мая 1891 г. "дьякон Серебренников Троицкой церкви прихода Мокроусовского, напившись, бегал с топором по деревне за Мокроусовским крестьянином Дмитрием Рожковым из деревни Грязнова". Этот же дьякон в ноябре месяце пьяный плясал на квартире мещанина Некрасова. И опять же Серебренников "живет по несколько дней в деревне Семискульской и пьянствует с поселенцами" [12].

В июне 1903 г. в ТДК рассматривалось дело об обольщении крестьянской девицы (дочери поселенцев) А.И.Чуриковой псаломщиком Челноковской церкви Ишимского уезда Алексеем Козяшевым. На следствии ТДК, по показаниям

свидетелей, выяснилось, что Анна Чурикова распутничает с 15 лет, с 1900 г. жила в публичном доме города Ишима. Хотя Чурикова по ходу следствия указывала, что следователь священник Овечкин допрашивал только свидетелей со стороны Козяшева, с которыми он днем и ночью пьет "вотку". Тем не менее, ТДК по окончании следствия вынесла решение: "Псаломщика Козяшева по оговору в любовной связи его с крестьянской девицею, как не сознавшегося, и ни кем не уличенного в означенном преступлении, считать оправданным" [13]. Чурикова была предана четырехлетней епитимии при своей приходской церкви. Интересно отношение псаломщика к Чуриковой после вынесения решения ТДК. По словам Чуриковой, Козяшев "над ней насмехается и оскорбляет прилюдно, ставит ей "шиши" и говорит: "если ребенок от меня, не угодно ли ей другого" [14].

Несомненно, что происходившие в России экономические и общественно-политические процессы оказывали заметное влияние и на духовенство во многих областях его жизни, в том числе и на религиозное мировоззрение священнослужителей. В архивных документах указываются и факты отступничества священнослужителей от христианской веры. Обратимся к делу псаломщика села Пьянковского Курганского уезда Дмитрия Задорина за 1905-1906 гг. Псаломщик обвинялся в распространении противохристианского учения. Любопытны показания свидетелей на следствии. Процитируем некоторые из них. Крестьянин Александр Бажуков: "… Задорин, сидя за столом, и будучи, как и все мы, выпимши, начал материться. Я заметил ему, что ругаться по матерному за хлебом и солью нехорошо. Бог за это накажет. Задорин мне ответил: "Какой еще там бог. Ничего нет". Потом в дальнейшем разговоре, когда речь зашла об иконах, Задорин говорил, что почитать иконы не следует… "Вы иконы сами малюете (Бажуков - маляр и иконописец). Вы иконы делаете, все равно, как делаете ребят".

Офицерская вдова Мария Тимкина: "Задорин говорил: "Человек пропадает как скотина. Выйдет из него пар, и он сдохнет. Никакой души нет у человека. Нет поэтому и никакого страшного суда. Это все выдумки".

Крестьянин Степан Гребенщиков: "Задорин так отозвался о святых мощах: "Взяли, вырвали кусок мяса или костей да ему и кланяются. Или навыдумывали новых святых чудотворцев вроде Серафима Саровского и других, а они такие же обыкновенные люди, как и мы".

Священник Вениамин Кротков: "Псаломщик Задорин и ранее вел себя не благочинно в храме Божием за богослужениями: разговаривал, смеялся и даже читал газеты во время чтения часов. Резко я его за это не обличал, стесняясь тем, что и сам вышел из псаломщиков…"

Священник Василий Арзамасов: "В виду современного крайне тревожного настроения умов народонаселения подобная неправославная проповедь со стороны православного псаломщика может в одних крестьянах усилить народные волнения и беспорядки, в других ослабить и даже вовсе поколебать веру в сии догматы православной церкви, принимая во внимание совершенное возбужденное состояние крестьян, из коих многие же слышали подобную же болтовню еврея-агитатора в г. Кургане. Я заключаю это из того, что сват Задорина кресть-

янин Петр Гребенщиков уже порывает связи с церковью, и я его уже не замечал в оной очень давно"[15].

По делу Задорина ТДК вынесла решение: покрыть судебные издержки и наложить на него шестимесячную епитимию в Тюменском Троицком монастыре с последующим предложением перевести на должность псаломщика в северные уезды Тобольской губернии. Если же Задорин будет упорствовать в своих противохристианских взглядах, то передать его гражданскому суду [16].

В заключение статьи можно сделать следующие выводы. Модернизационные процессы в России во второй половине XIX века повлияли на все слои общества, затронули все сферы его жизнедеятельности. Особенно сильно модернизация повлияла на консервативные слои населения: духовенство и крестьянство, несмотря на их обычную сословную закрытость. Россия в указанный период далеко продвинулась по пути секуляризации общественной жизни и ее нельзя было вернуть к прежним церковным нормам путем прямолинейных административных запретов. Происходило разрушение традиционных ценностей и институтов. Это, в свою очередь, вызывало изменение в поведении представителей различных сословий, в частности священнослужителей.

В то же время крестьянство с большим упорством стремилось сохранить эти устои и институты и в этом случае обращалось за помощью к церкви. Но духовенство очень часто уже было не в состоянии помочь крестьянству. В результате утрачивалось толерантное отношение мирского общества к церковным институтам и их служителям. Девиантное поведение духовных лиц в определенной мере вызывало в обществе сомнение в церкви как в религиозно-государственном учреждении и, более того, сомнение в истинности самих религиозных православных догматов.

Список литературы

1.Полунов Л.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е - первая половина 1890-х годов.) // Вопросы истории. -1997. -№11.
2.История Курганской области. Т.4 / Отв. ред. Н.Ф.Емельянов. - Курган, 1998.
3.Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX - начале XX века: Дис... канд. ист. наук. - Курган, 2002.
4.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.104, л. 13-14.
5.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.154, л. 23.
6.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.197, л. 1-3
7.ГАКО, ф. И-235,оп.1,д.104,л.1.
8.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.176, л.1-2
9.Там же, л.5-6.
10.ГАКО, ф. И-235, оп.1,д.154,л.316.
11.ГАКО, ф. И-235,оп.1,д.129,л.1-77.
12.Там же, л.25.
13.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.176, л. 2.
14.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.143, л. 55.
15.Там же, л. 36.
16.ГАКО, ф. И-235, оп. 1, д.101, л. 17-24.
17.Там же, л. 52 об. - 53.

А.Г. Битюков
канд.ист.наук, доцент КГУ

ОРГАНИЗАЦИОННО - ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XVIII - XIX В.

В рассматриваемый период значительное влияние на совокупность прав, обязанностей и юридическую ответственность лица оказывала его принадлежность к определенному состоянию. Особым торговым сословием в дореволюционной России являлось купечество, окончательное законодательное оформление которого произошло в результате городской реформы 1785 г. "Жалованная грамота городам" - первый кодифицированный акт, который закрепил разделение "торгово-промышленного класса" на три гильдии. Купцы всех трех гильдий освобождались от подушной подати, а купцы 1-й и 2-й гильдий - от рекрутской повинности. Сословный статус купца в конце XVIII в. приобретался ежегодным объявлением капитала с уплатой необходимых гильдейских повинностей. Для зачисления в купцы 1-й гильдии требовалось объявить капитал от 10 до 50 тыс. руб., в купцы 2-й гильдии - от 5 до 10 тыс. руб., в купцы 3-й гильдии - от 1 до 5 тыс. руб. [1].

Правительство, постоянно повышая имущественный ценз для вступления в гильдии, в то же время стремилось наделить новыми "правами и выгодами" лиц купеческого звания. Манифестом "О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах…" от 1 января 1807 г. купцам дозволялось создавать торговые товарищества (полные и на вере), право записываться в гильдии получили только русские подданные; дворянам также было разрешено записываться в 1-ю и 2-ю гильдии; с представителей всех гильдий снималась "денежная рекрутская повинность" [2].

Дальнейшее развитие социально-правовой статус купечества получил с принятием в 1824 г. Дополнительного постановления об устройстве гильдий. Причиной издания нормативного акта послужила "неопределенность торговых постановлений, не сведенных с 1785 г. в какой либо устав", что побудило нового министра финансов графа Е.Ф.Канкрина приступить к консолидации коммерческого права. С введением нового положения в России начала действовать заимствованная из Франции патентная система обложения торговли и промыслов, сохранившаяся вплоть до 1917 г. [3]. Дееспособность купца зависела от принадлежности к гильдии и стала подтверждаться именным свидетельством на право торговли. Свидетельство выдавалось сроком на один календарный год и должно было ежегодно возобновляться, поскольку по его истечении оно утрачивало юридическую силу. В свидетельство записывались: сам купец, а также члены его семьи, что подтверждало их принадлежность к сословию.

Дополнительное постановление более тщательно, нежели "Жалованная грамота городам" 1785 г., регулировало сферы и масштабы торгово-промышлен-

ной деятельности гильдейского купечества. Мещанство и крестьянство имело право заниматься только мелочной торговлей, а занятие предпринимательством в сколько-нибудь крупных масштабах было сопряжено с причислением в одну из купеческих гильдий. "Внутренний (в пределах всей страны) и заграничный оптовый торг" разрешался как купцам 1-й гильдии, так и 2-й, с условием для последних, что их "заграничная торговля не может простираться свыше 300 тыс. руб.", а стоимость одной партии товаров - 50 тыс. руб. Торговля и промыслы купцов 3-й гильдии ограничивались пределами города и уезда. Купцам всех трех гильдий закон предоставлял право "иметь магазины, кладовые, погреба (купцам 3-й гильдии не более 3-х), заключать частные контракты, вступать в подряды и откупа. Далее отметим, что на купцов 2-й гильдии распространялось право содержать гостиницы, а особой привилегией купцов первой гильдии являлось исключительное право открывать страховые конторы и заниматься "банкирскими делами"[4].

"Общий срок для записки в гильдию" законом определялся с 1 ноября по 1 января - конец не только календарного, но и финансового года. В течение этого срока (хотя имели право в течение всего года) купцы обычно объявляли капиталы. Вступление в гильдии дозволялось только российским подданным, а именно: "городским обывателям" без различия пола, возраста, звания и промысла, а также лицам "всех свободных состояний", кроме находившихся на государственной или губернской службе дворян, служителей культа (независимо от религии), нижних воинских чинов, состоящих на действительной службе. Выдача свидетельства и приписка новых членов в общество проводилась в уездном казначействе [5].

В Своде учреждений и уставов торговых, опубликованном в 1857 г. устанавливалось, что купеческие общества имеют право отвергать прошения о вступлении в гильдии купцов и мещан, однажды из своих обществ исключенных, лишенных каких-либо личных прав, изобличенных в злонамеренном банкротстве, сосланных на поселение, а также лиц, лишенных по решению суда дворянского звания [6].

Цены на свидетельства в 1824 г. были следующие: для 1-й гильдии - 2200 руб., 2-й - 880 руб., 3-й - 220 руб. В 1827 г. гильдейские повинности низшей категории купечества были облегчены: цена на свидетельства купцов 3-й гильдии в уездных и заштатных городах понижена до 150 руб. В 1834 г. купцы 3-й гильдии г.Кургана, получая свидетельства, платили за них по 100 руб., 1838 г. - 150 руб. [7].

Купцы, за недостатком свободных денежных средств, в стремлении получить наибольший доход, иногда предпочитали вести "незаконную торговлю". Однако с целью выявления торговцев без лицензий, в городах и сельских торговых центрах осуществлялись регулярные проверки. В 1822 г. во время одного из таких рейдов в Куртамышской слободе Челябинского уезда в торговле без свидетельств были уличены курганские купцы В.Ф.Гарышев, Алексей Богашев, И.Ф.Гарышев; шадринские купцы - М.Демидов и А.Багашев. Ви-

новные подвергались "освидетельствованию" (выяснялось имя, отчество, сословная принадлежность и место записки в гильдию, проводилась оценка товаров) и штрафу в размере двойной цены торгового свидетельства купца 3-й гильдии [8].

Переломным пунктом в истории гильдейского купечества явилась реформа 1863-65 гг. 1 января 1863 г. было утверждено новое "Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов", а законом от 9 февраля 1865 г. в него были внесены некоторые уточнения. Число купеческих гильдий сокращалось до двух. Теперь 1-я гильдия объединяла купцов 1-й и 2-й прежних гильдий, а 2-я заменила 3-ю гильдию по старому положению. Купеческие свидетельства 1-й гильдии давали право вести заграничную торговлю, оптовый торг по всей империи, розничную торговлю в городе и уезде по месту приписки, владеть фабриками и заводами, заключать контракты, вступать в подряды и откупа на неограниченные суммы и т.д. Свидетельства 2-й гильдии - право на розничную торговлю в пределах города и уезда, владеть фабриками и заводами, вступать в подряды и откупа, но на суммы, не превышавшие 15 тыс. руб. [9]. Согласно Положению 1865 г. право торговли утрачивалось: при "невозобновлении" свидетельства в положенные сроки; объявлении купца несостоятельным; совершении купцом преступления, которое каралось лишением прав торговли [10].

Владельцы торгово-промышленных заведений с числом рабочих более 16, оснащенных паровыми машинами, акционерных обществ, пароходных предприятий должны были в обязательном порядке приобретать гильдейские купеческие свидетельства.

Во второй половине XIX в. купцам 1-й гильдии запрещалось вести розничную торговлю в других городах без взятия свидетельств купцов 2-й гильдии. Положение 1884 г. "О более равномерном обложении торговли и промышленности" установило правила, по которым общественные банки, общества взаимного кредита, поземельные банки, городские кредитные общества "сообразно сумме действительного капитала их" обязаны были брать промысловые свидетельства и платить пошлины (капитал свыше 50 тыс. руб. по 1-й гильдии, от 10-50 тыс. руб. по 2-й гильдии). Договоры на подряды и поставки, заключаемые купцами 2-й гильдии, не должны были простираться на суммы, превышавшие 30 тыс. руб. [11].

Таким образом, предпринимательская деятельность в дореволюционной России в значительной мере была ограничена различного рода бюрократическими препонами, а сама эта деятельность подвергалась строгой законодательной регламентации.

Купеческое предпринимательство в Южном Зауралье в конце XVIII - XIX вв. носило индивидуальный и семейно - клановый характер. Купечество с начала XIX в. занимает прочное положение в городах Южного Зауралья. Обобщение обширных статистических сведений о числе выданных гильдейских купеческих свидетельств позволяет систематизировать данные в следующие таблицы:

Таблица 1

Шадринское купечество в первой половине XIX в.

гильдия	1802	1815	1826	1838	1842	1845	1854	1859	1862
1	-	1	1	3	2	3	-	3	3
2	1	-	1	2	5	4	12	7	8
3	14	4	14	21	49	48	58	70	130
Всего	15	5	16	26	56	55	70	80	141

Составлена по: ГАГШ, ф.474, оп.1, д.34, л.5, д.61, л.30-31, д.102, л.6; РГИА, ф.18,оп.4, д.3, л.41, д.589, л.46; ГАГШ, ф.474, оп.1, д.15, л.2-4, д.721,л.196, д.120, л.5, д.942, 35.

Таблица 2.

Курганское купечество в первой половине XIX в.

гильдия	1799	1816	1834	1840	1844	1851	1862
1	-	-	-	-	-	-	-
2	1	-	-	-	2	3	6
3	21	6	19	15	20	34	67
Всего	22	6	19	15	22	37	73

Составлена по: ГАКО, ф.8, оп.1, д.3, л.188, д.27, л.41, д.54, л.2-3; Тобольские губернские ведомости. 1862. №11; Емельянов Н.Ф. Город Курган. Курган, 1992. С. 58-60.

Таблица 3.

Далматовское купечество в первой половине XIX в.

гильдия	1804	1807	1823	1826	1838	1847	1857
1	-	-	-	-	-	-	-
2	-	-	1	-	-	2	3
3	2	3	1	5	2	7	32
Всего	2	3	2	5	2	7	32

Составлено по: ГАГШ, ф. 474, оп.1, д.43, л.4, д.143, л.7-8; РГИА, ф. 18, оп.4, д.331, л.42, д.589, л.46; ГАГШ, ф.474, оп.1, д.572, л.1-44; Хрестоматия по истории Курганской области...С. 200.

Купечество Южного Зауралья в XIX в. представляло собой зажиточную верхушку городского населения, оно играло ведущую роль в экономической и политической жизни зауральских городов. Главной особенностью Шадринска являлось большое количество "временных купцов", в сущности, не являвшихся его постоянными жителями. В 1876 г. купцами в Шадринске было закуплено два свидетельства по 1-й гильдии, 88 - по 2-й. Во второй половине XIX в. по богатству и положению в городе выделялись купец 2-й гильдии Ф.А.Соснин, купеческая вдова П.С.Мокеева, Г.А.Мокеев, Е.П.Чечкенев, купцы-единоверцы Юкляевские, купцы Ушаковы и др. /12/. В 70-80-е гг. XIX в. курганское купечество по количественным показателям обходит шадринское. В посемейном списке курганских

купцов, составленном в 1877 г., мы находим 97 капиталов (5 купцов 1-й гильдии, 92 - 2-й). Среди них - Ф.В.Шишкин, вплоть до своей смерти 10 февраля 1881 г. бывший лидером местного купечества, наиболее известный и состоятельный купец Д.И.Смолин, семья Меньщиковых (6 душ мужского пола), В.И.Карпов, семья Васильевых, Кочешевы, Харламовы, В.Ф.Шветов, И.С.Ушаков и др. [13].

Купец организовывал торговлю, выдавая доверенности купеческим сыновьям, приказчикам, позволявшим им вести дела от его имени. Заключение договоров поручения было очень распространенным явлением в конце XVIII -XIX вв. Зауральские купцы предоставляли своим торговым агентам очень большую свободу действий. Приказчикам купцов 1-й гильдии дозволялось покупать и продавать товары по всей империи, взыскивать по документам долги у разных лиц, подавать прошения от имени хозяина, заслушивать решения разных инстанций, подавать апелляции от их имени, по всем коммерческим делам "хозяйственно руководствоваться где и как надобность востребуется". Доверенность оформлялась в обязательной письменной форме и регистрировалась в окружном (уездном) казначействе в особой книге [14].

Поскольку данная сделка носила фидуциарный характер, она расторгалась в одностороннем порядке. В периодической печати XIX в. нередко встречаются такие объявления: "от тобольского 3-й гильдии купца К.С. Гасилова объявляется, что данную им 16 июля 1860 г. сыну своему Семену Гасилову доверенность по торговым делам он уничтожает, с тем, чтобы Семен Гасилов не имел право делать никаких займов за счет его, Клима Гасилова, и чтобы кто состоит должником, долги выплачивал не сыну его Семену, а лично ему…"[15].

Доверенность позволяла торговать на правах той гильдии, в которой состоял купец, срок ее заканчивался в конце года с обязательным финансовым отчетом. Согласно этому документу, ответственность по обязательствам членов семейства, сделанным на основании доверенности, нес сам купец, поскольку договора и контракты заключались на его имя. Сын или дочь, достигшие совершеннолетия, имели право взять на свое имя купеческое свидетельство и выписаться из свидетельства отца, тем самым обретя полную финансовую самостоятельность. В целом купеческая семья представляла собой незарегистрированную торговую фирму, отношения внутри которой носили лично-доверительный характер.

Свод законов Российской империи (Т.XI) предусматривал четыре вида юридических лиц, только три из которых могли стать основой для организации купеческих компаний: полное товарищество; товарищество на вере; компания на акциях (члены которой отвечали только сделанными вкладами в виде акций); трудовая артель, которая образовывалась для производства определенной работы или промысла из лиц, которые своим трудом выполняли эту работу за их общий счет и связывались круговой порукой [16]. В полном товариществе все товарищи несли солидарную ответственность за действия друг друга, каждый имел право предпринимать всякие действия, обязательные для товарищества. В товариществе на вере вкладчики участвовали в деле лишь своим вкладом и несли ответственность по долгам товарищества лишь в размере своего вклада. Ве-

дение дел возлагалось на одного из членов товарищества, который назывался товарищем - распорядителем [17].

Для создания товарищества требовалось составить учредительный договор, который подлежал обязательной регистрации в городской управе. Юридическое лицо, созданное его учредителями (участниками) для осуществления торгово-промышленной деятельности, должно было приобрести свидетельство на право торговли по соответствующей купеческой гильдии, которое оформлялось на его учредителей (участников). Члены - распорядители торгового дома, взяв одно свидетельство, пользовались всеми правами и преимуществами, предоставленными купечеству.

В первой половине XIX в. капиталистическая эволюция российской провинции приводит к тому, что усложняются формы организации торгового капитала в Южном Зауралье. Этот процесс получил свое начало в Шадринске и выразился в стремлении представителей купечества создавать торговые дома в форме "полных товариществ", участники которых несли ответственность по их обязательствам всем своим имуществом. В феврале 1840 г. почетная гражданка г.Шадринска, 1-й гильдии купечествующая вдова и коммерции советница Любовь Петровна Фетисова и 1-й гильдии купец Виктор Иванович Фетисов пожелали составить полное товарищество под фирмой братьев Фетисовых. Торговый дом должен был существовать на следующих условиях: совместное управление, уставной капитал 260 тыс. руб. сер. (по 130 тыс. руб. сер. доля каждого), взаимная финансовая ответственность партнеров, равная доля в доходах каждого, предполагалось учредить две конторы - одну в Шадринске, другую - в Санкт-Петербурге [18].

В 1858 г. шадринский 2-й гильдии купец, потомственный гражданин З.И.Черепанов по соглашению с сыном Петром открыл в городе торговый дом "на полном товариществе" под фирмой "Зот Черепанов с сыном". З.И.Черепанов выделил сына из общего капитала, предоставив ему долю 33333 руб. 33 коп. сер., а затем принял в фирму уже как равноправного партнера, внеся от собственного имени 66666 руб. 67 коп. сер. (100000 руб. сер. основного капитала). В юридическую основу фирмы был положен подписанный обеими сторонами договор, предусматривавший: открытие в Шадринске общей торговой конторы, совместная торговля по одному свидетельству, взаимная ответственность, ведение торговых книг по правилам "двойной бухгалтерии", которые ежегодно к 1 ноября должны быть утверждены общими подписями, взаимное согласие при заключении сделок и контрактов (т.е. согласие другого как бы заранее предполагалось, за исключением "значительных торговых предприятий"), третья часть прибыли или убытков "относилась" на капитал Петра Черепанова, остальная - на капитал З.И.-Черепанова. В случае смерти кого - либо из товарищей договор утрачивал силу. Договор об открытии торгового дома был засвидетельствован у шадринского частного маклера, а все купечество, с которым имели дела партнеры, было извещено циркулярными письмами /19/.

Возникновение торговых фирм в форме полных товариществ в середине XIX

в. свидетельствует, что торговый капитал в Южном Зауралье достиг достаточной степени зрелости. В 1880-х гг. процесс образования в Шадринске торговых домов набирает обороты, купечество консолидируется. Наличие капитала, стремление вести с успехом коммерческие дела часто толкали купцов к вступлению в совместную фирму. В 1882 г. возникает товарищество "Василий Щекин и К", образованное шадринскими купцами В.Щекиным и П.Поповым (2000 руб. "наскладочного капитала"). В середине 80-х гг. они открыли в городе лавку с мануфактурным товаром (годовой оборот от 8000 до 10000 руб.). В 1884 г. шадринские 2-й гильдии купцы К.М.Адриянов и А.А.Лещев открыли фирму "Александр Лещев и К" с капиталом в 2000 руб. Причем небольшую сумму внес купец Адриянов - 1500 руб., а всю заботу о развитии торгового дела взял на себя А.А.Лещев. В доме Лещева они открыли ссудную кассу с годовым оборотом 20000 руб. В домах обоих купцов размещались склады товаров, откуда компаньоны вели сбыт зернового хлеба. В 1888 г. купец А.Лещев вступил в компанию уже с купеческой вдовой А.Т.Жиряковой - торговый дом "Александр Лещев и Афанасия Жирякова" [20].

В Кургане к концу XIX в. возникли товарищество "Балакшин и Ванюков" (договор об учреждении товарищества засвидетельствован в Курганской Городской Управе 13 марта 1891 г.), всеми делами которого в начале XIX в. управлял на основании доверенности купеческий сын А.А.Балакшин, торговый дом братьев Бакиновых. 1 января 1906 г. в Кургане купеческими сыновьями Федором и Константином Марковичами Дунаевыми было учреждено полное товарищество под фирмой "Торговый Дом М.М. Дунаев и Сыновья" "для производства торговли мануфактурными и иными товарами, а равно для ведения всякого рода промышленных дел". В договоре об образовании торгового дома братья указали, что управление и распоряжение делами торгового дома принадлежит каждому их них "в равной части и степени", все бумаги могут подписываться только ими обоими [21].

Функционирование торгового капитала в Южном Зауралье в конце XVIII - XIX вв. почти целиком и полностью опиралось на усилия частных лиц, принадлежность которых к купеческому сословию, подтвержденная именным свидетельством на право торговли, обусловливала их право на занятие торгово - промышленной деятельностью. Лишь в отдельных случаях нехватка наличных средств, стремление расширить или укрепить торговое дело толкнули зауральское купечество к созданию "полных товариществ ". Торговые фирмы образовывались в основном внутри городских купеческих корпораций, где коммерческие связи, взаимное доверие, финансовая взаимозависимость, были особенно отлажены, а чаще даже носили клановый характер. Не случайно в 1898 г. курганский 1-й гильдии купец и потомственный почетный гражданин Д.И.Смолин завещал своим наследникам "не раздроблять накопленного капитала", а определившиеся равные части … сложить вместе в один кампанейский капитал и образовать торговый дом или товарищество …под фирмою "Дмитрия Ивановича Смолина наследники", для управления делами которого избрать из своей среды дирек-

цию" [22].

Список литературы
1. Российское законодательство X-XX вв. -М., 1984. -Т. 4. -С. 81-91.
2. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России с приложение материалов по торгово-промышленной статистике. -СПб., 1893. -С. 105 - 109.
3. Исторический очерк обложения торговли и промыслов… С.109-112.
4. ГАГШ, ф. 474, оп.1, д. 153, л. 3-6.
5. Свод учреждений и уставов торговых. ПСЗ. 1857. Т.II. Ч.2. С.4 - 7.
6. Свод учреждений и уставов торговых. ПСЗ. 1857. Т.II. Ч.2. С.7-8.
7. Исторический очерк обложения торговли и промыслов… С. 133; ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 17, л. 22, д. 27, л. 1 - 20.
8. ГАЧО, ф. И-1, оп. 1, д. 600, л. 4 - 7.
9. Тобольские губернские ведомости. - 1865. - № 13.
10. Там же.
11. Тобольские губернские ведомости. - 1884. - № 35.
12. Шадринская старина:Краеведческая хрестоматия. - Шадринск, 1997. С. 121; ГАГШ, ф. 473, оп. 1, д. 681, л. 88-124; Адрес - календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1893 г. - Пермь, 1896. - С. 8-9.
13. ГАКО, ф. 9, оп. 1, д.18, л. 1-38.
14. ГАГШ, ф. 474, оп. 1, д. 213, л. 4-7.
15. Тобольские губернские ведомости. - 1861. - № 38.
16. История государства и права России / Под ред. С.А. Чибиряева. -М., 1998. - С. 189.
17. Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда. -Т. IV. -С. - Петербург, 1905. - С. 76.
18. ГАГШ, ф. 473, оп. 1, д. 2135, л. 34.
19. ГАГШ, ф. 474, оп. 1, д. 380, л. 32-35, д. 780, л. 2-4.
20. ГАГШ, ф. 473, оп. 1, д. 681, л. 88-124, д. 828, л. 9.
21. ГАКО, ф. 175, оп. 2, д. 431, л. 1, 55 - 56; Календарь Тобольской губернии на 1895 г. - Тобольск, 1894. - С. 133 - 146.
22. ГАКО, ф. 288, оп. 1, д. 2, л. 41-43.

О.В. Кишкин,
ст. преподаватель КГУ

ПОРЕФОРМЕННЫЕ 1861 г. СЕЛЬСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ (политико-правовой и социально-психологический анализ)

В зависимости от сложности задач и территориального масштаба органы государственного управления подразделяются на несколько уровней. Уровень, находящийся в основании пирамиды власти, принято называть местным управлением. В свою очередь, в местных органах управления могут находиться относительно самоуправляющиеся звенья, причем степень их самоуправления в конкретных исторических условиях различна. В рассматриваемый в работе период эти органы назывались сельским общественным управлением. Вопрос о природе и организации власти в этих звеньях в современной науке является дискуссионным. Ю.А. Дмитриев считает, что существует две теории организации орга-

нов местного самоуправления - государственная и общественная, ссылаясь при этом на Коркунова Н.М. "В настоящий момент, как это следует из ст. 12 Конституции РФ, мы вновь вступаем в период возрастающего влияния общественной теории местного самоуправления, относящей к негосударственной структуре его органы. Однако дело не только в формальной принадлежности местного самоуправления к той или иной системе органов власти, но и в содержании их деятельности". Ссылаясь на ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления, Дмитриев далее пишет: Как видим из приведенного определения, местное самоуправление имеет принципиально иную природу и назначение, чем органы государственной власти, и больше тяготеет к гражданскому обществу. Следовательно, и его органы не являются субъектами государственной власти, а входят в группу субъектов политической власти".

Полагаем, что сделанный вывод несколько упрощает проблему, также как и вывод В.С. Шевцова о том, что государственная власть "не интегрируется с какими-либо другими общественными властепроявлениями, а потому понятие "государственная власть" не включает в себя какие-либо негосударственные формы управления" не бесспорен, так как политическая власть может переходить, как показывает история, из одной формы в другую. "Государственная власть должна быть сосредоточена в одном центре, который принимает необходимые решения и в качестве правительства следит за проведением их в жизнь. Если этот центр сам по себе прочен вследствие уважения к нему народов, то государственная власть может без какого-либо опасения и боязни соперничества свободно предоставить ведению подчиненных ей систем и институтов значительную долю тех отношений, которые складываются в обществе, и контроль над тем, чтобы они соответствовали законам; тогда каждое сословие, каждый город, каждая деревня и т.д. смогут свободно совершать и осуществлять все то, что находится в сфере их непосредственной деятельности".

В истории имеются примеры множества форм организации местного управления, крайними проявлениями которых были с одной стороны всякого рода "коммуны", а с другой стороны организация управления "лагерного типа". По существу это были формы проявления асимметричности отношений власти. Те или иные возникшие и (или) установленные органы местного управления, занимают различное положение в механизме осуществления политической власти. Исследуя порядок организации, функции, полномочия органов сельского общественного управления мы ставим цель установить, какие из них являются административно-судебными, определить их социальное значение и политическую роль в государстве.

В соответствии с законом сельское общественное управление составляли: 1) сельский сход; 2) сельский староста. Сельские общества, если найдут это необходимым, могли иметь: особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных полевых сторожей, сельских писарей и т.п. Сельский сход состоял из: крестьян-домохозяев сельского общества, за исключением крестьян, состоявших под следствием и судом за преступления и проступки,

влекшие за собой лишения всех особых прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных, а также отданных под надзор по решению судебных мест; сельских должностных лиц.

Ведению сельских сходов подлежали: увольнение из общества и прием в общество, выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостные сходы; разрешение семейных разделов; назначение опекунов и попечителей; дела, касающиеся общего пользования мирскою землею; назначение сборов на мирские расходы; учет должностных лиц, сельским обществом избранных и назначение им жалования или иного за службу вознаграждения; назначения ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода вспомашествований, то есть дела внутреннего управления в крестьянском обществе. Кроме того, сельские сходы решали внешние вопросы: ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, обучении грамоте, принесение жалоб. С этой целью назначали выборных и выдавали доверенности на хождение по делам общественным. Сельские сходы также решали дела об обязанностях перед государством: раскладку всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских натуральных повинностей, денежных сборов, вели счета по указанным повинностям и сборам. Таким образом, сельские сходы хотя и обладают широкими полномочиями, действовали на основании закона, но не были выборными органами и не имели судебных полномочий, поэтому не могут быть отнесены к судебно-административным органам. Также не могут быть отнесены к судебно-административным органам должностные лица, назначаемые обществом, так как они наделялись узким кругом полномочий в интересах общества, их существование зависело от усмотрения общества. Из выборных обществом должностных лиц только должность старосты существовала на основании закона. Староста занимал первое место на сельском сходе. Исключения составляли случаи, когда сходы собирались: для учета должностных лиц; для рассмотрения на этих лиц жалоб.

Обязанности сельского старосты разделялись следующим образом:

1. По делам общественным: созывал и распускал сельский сход и охранял должный на нем порядок; предлагал на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз сельского общества; приводил в исполнение решения сельского схода, волостного управления; наблюдал за целостностью меж и межевых знаков на землях, в пользовании крестьян находившихся или принадлежавших им на праве собственности; понуждал к исполнению договоров между крестьянами, когда договоры не оспаривались крестьянами; заведовал в порядке, установленном обществом, мирскими суммами, надзирал за целостностью запасного общественного хлеба; по просьбам крестьян о выдаче им установленных билетов и паспортов на отлучки или увольнения из общества давал волостному старшине удостоверения в том, что к увольнению препятствий нет.

2. Сельский староста исполнял государственные управленческие функции: наблюдал за исправным содержанием дорог, мостов, перевозов на землях сельского общества; наблюдал за своевременным составлением ревизских сказок; контролировал исполнение крестьянами податей и всякого рода повинностей

как казенных, земских, так и мирских.

3. По делам полицейского ведомства сельский староста в пределах общества осуществлял следующие меры: задерживал бродяг, беглых и военных дезертиров и предоставлял их земской полиции; в случае совершения преступления делал предварительное дознание, задерживал виновных и охранял следы до прибытия полиции или судебного следователя; принимал необходимые меры для охраны порядка и безопасности от преступных действий, а также выполнял все законные требования судебного следователя, земской полиции, сельского старосты по всем делам полицейского ведомства.

4. Принимал административные меры по сохранению лесов, посевов хлеба, а также в чрезвычайных ситуациях и при общественных бедствиях.

5. Осуществлял судебную функцию: старосте предоставлялось право за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственным, подвергать виновных наказанию в виде ареста или общественных работ сроком до двух дней либо штрафу до одного рубля.

Должность сельского старосты отвечает понятию административно-судебного органа по следующим признакам:

1. Создана на основании общего закона от 19 февраля 1861 г. "Общее положение о крестьянах".
2. Является выборной.
3. Включает в себя широкие административные полномочия и некоторые судебные.
4. Входит в систему государственного управления.
5. По своему положению это орган местного самоуправления.
6. Решает задачи местного значения.
7. Необходимое звено в проведении государственной политики.
8. Призвана служить интересам самодержавной власти.

Волостное управление состояло из: 1) волостной сход; 2) волостной старшина с волостным правлением; 3) волостной крестьянский суд.

Волостной сход составлялся из крестьян, избираемых от каждого селения, волости принадлежащего, по одному от каждых десяти дворов, из сельских и волостных должностных лиц: волостного старшины; сельских старост; помощников старшины; сборщиков податей и заседателей волостных правлений в тех обществах и волостях, которые признают нужными иметь особых сборщиков и заседателей; судей волостных судов.

Ведению волостного схода подлежали:

1) выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда;
2) постановления о всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел целой волости;
3) меры общественного призрения, учреждение волостных училищ, распоряжение по волостным запасным магазинам;
4) принесение жалоб и просьб по делам волости через особых выборных;
5) назначение и раскладка мировых сборов и повинностей, относящихся к

целой волости;

6) проверка действий и учет должностных лиц, волостью избираемых;

7) проверка рекрутских списков и раскладки рекрутской повинности.

Таким образом, волостные сходы не обладали судебными полномочиями, а следовательно, не являлись административно-судебными органами.

Волостной старшина имел следующие полномочия:

1. В качестве участника волостного схода занимал первое место на нем: созывал и распускал волостной сход и охранял должный на нем порядок; предлагал на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз волостного общества; участвовал в сельском сходе при учете сельского старосты или принесении на него жалобы.

2. Действовал как высшее должностное лицо в волости по отношению к другим должностным лицам, следил за тем, чтобы сельские старосты и другие должностные лица в точности исполняли свои обязанности.

3. Волостной старшина по делам общественным обязан был в пределах волостного управления: приводить в исполнение решения волостного схода; наблюдать за исправным отбыванием обществами всякого рода казенных и земских повинностей, как денежной, так и натуральной, рекрутской; заведовал волостными мирскими суммами и волостным мирским имуществом, отвечал за их сохранность и правильное употребление; лицам, приписанным к волости, выдавал свидетельства, билеты на отлучки, паспорта при выбытии; надзирал за порядком в училищах, больницах, богадельнях и всякого рода общественных заведениях, если они учреждены волостных обществом на свой счет; наблюдал за исправным содержанием в волости дорог, мостов, перевозов.

4. По делам полицейским волостной старшина в пределах ведомства волостного управления обязан был: объявлять, по предписаниям земской полиции, законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением между крестьянами подложных и вредных для общественного спокойствия слухов; охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имуществ от преступных действий, а также принимать первоначальные меры для восстановления нарушенной тишины, порядка и безопасности; задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и предавать их полицейскому начальству; доносить земской полиции о самовольно отлучившихся из волости и о преступлениях и беспорядках, случившихся в волости; наблюдать за точным исполнением правил о прописке, увольнении и перечислении крестьян одного общества в другое и доносить об этом земской полиции для уведомления уездного казначейства и казенной палаты; предупреждать и пресекать преступления и проступки, принимать полицейские меры для открытия и задержания виновных и передавать их на дальнейшее рассмотрение начальства. Кроме указанных обязанностей старшина распоряжается в чрезвычайных ситуациях и при общественных бедствиях; наблюдал за исполнением приговоров мирового суда.

5. За маловажные полицейские проступки, совершенные лицами подведомственными, он мог подвергать виновных взысканию в виде ареста и обществен-

ных работ, штрафу до одного рубля.

6. Волостной старшина возглавлял волостное правление, в которое входили все сельские старосты или помощники старшины и сборщики податей, где были особые сборщики. Волостному сходу по его усмотрению предоставлялось право избирать для присутствия в волостном правлении одного или двух особых заседателей, которые могли заменять в правлении сельских старост.

Правление единогласно или большинством голосов присутствовавших на заседании решало следующие дела:

1) производство из волостных сумм всякого рода денежных расходов, утвержденных волостным сходом;

2) продажу частного крестьянского имущества по взысканиям казны или частного лица, кроме тех случаев, которые возлагаются на общую полицию;

3) определение и увольнение волостных должностных лиц по найму.

Старшина по всем другим делам его ведомства только советуется с правлением, но распоряжается по своему усмотрению, под личную свою ответственность.

В волостном правлении заводились:

1) книга приказов, в которой записывались: приказания, объявленные старшиною правления или отдельным должностным лицом; решения, принятые правлением единогласно или по большинству голосов;

2) книга решений волостных и третейских судов;

3) книга сделок и договоров, в которую вносились по желанию договаривающихся сторон всякого рода сделки и обязательства (на суммы не свыше трехсот рублей). Записи, внесенные в эту книгу, имели в случае спора силу судебного доказательства.

Старшина контролировал ведение книг. Само заполнение книг возлагалось на волостного писаря, который обязан был верно и точно отражать принятые решения. В случае подлога документов писарь подвергался уголовному суду.

Изложенная компетенция волостного старшины позволяет сделать вывод, что эта должность связана с осуществлением административной и судебной функции. Можно отметить, что в соответствии с законом судебные полномочия старшины и сельского старосты по исполнению судебных решений не совпадают: приговоры волостного суда как по спорам и тяжбам, так и по проступкам приводились в исполнение сельскими старостами или, когда волость состояла из одного сельского общества, помощником волостного старшины под наблюдением старшины и за общею их ответственностью. По общему правилу старшина наблюдал за исполнением приговоров волостного суда, в том числе и за его оформлением, что на практике приводило к расширению его полномочий в судебной сфере.

Важным органом местного управления был волостной суд. Положению волостного суда, его значению, практике деятельности в 19 веке уделялось достаточно внимания в работах Леонтьева А.А., Никонова С.П., Ярушкина Е.И., а также в воспоминаниях и заметках. Огромное значение по этому вопросу име-

ют Труды комиссий по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий), Т. I-VII. СПб., 1873-1874.

Что касается современных исследований по данному вопросу, то их очень мало, интересны по этой теме работы Тарабановой Т.А.

Весь этот богатый материал позволяет взглянуть на волостные суды как многофункциональный орган. Является ли данный орган административно-судебным? С точки зрения его функций такой взгляд вполне допустим. Однако с точки зрения его правового определения и правовой регламентации его деятельности волостной суд - это судебный орган. В деятельности судов прослеживаются процессуальные стадии: 1) подача жалоб и споров; 2) предварительное выяснение обстоятельств дела; 3) вызов свидетелей и тяжущихся не заседание суда; 4) судоговорение (опрос тяжущихся и свидетелей), обязательная процедура примирения сторон; 5) постановление решения судьями и его оглашение; 6) приведения решения в исполнение; 7) обжалование постановления волостных судов.

Суды стремились всесторонне рассмотреть дело, назначали наказание с учетом личности "смотря по человеку", то есть учитывали репутацию крестьянина (умеет ли он вести хозяйство, не был ли замечен в предосудительных поступках ранее, не имеет ли задолженностей по платежам, не пьянствует ли и так далее). В некоторых судах часть дел велась через поверенных. Поверенными в волостных судах большею частью были бывшие чиновники, выключенные из службы или оставшиеся за штатом. Они, как правило, заботились о своих интересах ("Труды…" Т. II. С. 46.) Поэтому не "прижились" в крестьянских судах, которые понимали существо дел, находили разумное, справедливое решение.

В законе были определены подведомственность и подсудность дел волостному суду. Волостной суд решал окончательно все споры между крестьянами ценою до ста рублей включительно как о недвижимом, так и о движимом имуществе в пределах крестьянского надела, по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а равно дела по возмещению за убытки и ущерб, крестьянскому имуществу причиненные.

Волостным судам были подсудны все дела, без ограничения ценою иска, между крестьянами и иными лицами, если они договорились о рассмотрении их дел волостным судом.

Волостные суды рассматривали маловажные проступки, совершенные в пределах волости, участниками которых (обвиняемыми и потерпевшими) были крестьяне. Он имел право назначить наказание в виде обязательных работ до шести дней, подвергнуть аресту до семи дней, штрафу до трех рублей и наказанию розгами до двадцати ударов.

Если в совершении проступка участвовали крестьяне различных волостей, то дело рассматривалось по месту совершения проступка.

Потерпевшие из других сословий имели право обращения в волостной суд либо в иной орган в соответствии с законом.

Если отнесение сельских старост и волостных старшин к административно-судебным органам вполне обосновано, то отнесение к ним волостных судов с точки зрения их правового положения и закрепления в законе их функций, на наш взгляд, неправильно, однако, с точки зрения практической деятельности волостных судов, не лишено некоторых оснований. Так, Тарабанова Т.А. делает вывод, что систематизация решений волостных судов позволяет говорить, что сословные крестьянские суды выполняли гражданско-правовую, административно-фискальную и нотариальную функции в жизни крестьянского мира.

Данный вывод подтверждается, в частности, тем, что волостные суды параллельно с аналогичной деятельностью волостных правлений заверяли духовные завещания крестьян, договоры о торговых сделках, расписки о займе денег и другие документы. Взыскание податей, наказание крестьян за невыполнение распоряжений местной администрации объясняется тем, что волостная администрация сумела подчинить суд и использовала его как подспорье для выполнения своих обязанностей, в том числе и фискальных.

Такое расширение компетенции волостного суда осуществлялось, с одной стороны, по аналогии с уездным судом, наделенным некоторым административным функциям, а с другой стороны, исходя из обычного крестьянского права, которое влияло на порядок формирования и деятельности волостных судов. Применение обычного права в свою очередь обуславливалось некоторыми пробелами в законодательстве. В законе не была четко оговорена процедура подачи исков, поэтому между волостным судом и истцом вставал волостной старшина. Закон не определял порядок предварительного дознания по делу, волостные старшины излагали суть жалобы волостному суду. Да и сами выборы волостных судей, возможность назначения им вознаграждения за судейство фактически подпадали под контроль волостной администрации в силу того положения закона, что волостному старшине вменялось в обязанность управление сходом крестьян, на котором проходили выборы.

Из вышеизложенного следует вывод, что на практике полномочия волостного старшины в судебной сфере были шире, чем это определено в законе, а также вывод о том, что волостные суды можно назвать судебно-административными органами, но не административно-судебными, потому что их судебная компетенция значительно превышает административную. Однако по букве закона этот судебные органы, а должности волостного старшины и сельского старосты не определяются ни как судебные, ни как административные. Их правовое положение мы определяем, исходя из закрепленных в законе прав и обязанностей, как административно-судебные органы. Во-первых, как административные по наиболее широким полномочиям. И во вторых, как судебные по меньшим полномочиям в их деятельности.

Законом определен правовой статус служащих по выбору. Служащим по выборам предоставлялись следующие льготы: 1) все назначаемые по выбору должностные лица на время их службы освобождались лично от всяких натуральных повинностей; 2) волостной старшина на время службы освобождался с

семейством от рекрутской обязанности; 3) волостной старшина, беспорочно прослуживший два трехлетия, освобождался лично навсегда от исполнения рекрутской повинности, а по истечении трех трехлетий беспорочной службы льготы распространялись по его выбору на одного из сыновей, или родственников, или воспитанников; 4)волостной старшина, сельский староста освобождались от телесного наказания; 5) получали жалование за службу.

В отношении должностных лиц устанавливалась ответственность:

1) за маловажные проступки по службе волостные старшины и сельские старосты подвергались денежному штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней;

2) жалобы от обществ и крестьян на волостных старшин рассматривал мировой суд;

3) волостные старшины, сельские старосты и помощники старшин в случае неисправного отправления ими должностей или замеченных с их стороны злоупотреблений окончательно удалялись от должности не иначе как по постановлению уездного мирового суда. Постановление съезда об окончательном отрешении от должности волостных старшин представлялось на утверждение начальника губернии.

Таким образом, волостной старшина и сельский староста, как и исправник, являлись сословными выборными органами уездного управления, входили в систему публичного управления, обладали правовым статусом согласно которому они осуществляли как административные, так и судебные полномочия.

Отличия были в том, что:

1. Исправник осуществлял свои полномочия на территории уезда, волостной старшина на территории волости, сельский староста на территории сельского общества.

2. Исправник выбирался дворянами, а волостной старшина и сельский староста - крестьянами.

3. Исправник имел значительно больше льгот и преимуществ по своему положению (классного чиновника), чем волостной старшина или сельский староста.

4. В волости , состоящей из одного села, была только должность волостного старшины.

Реформа местного управления имела огромное социально-политическое значение. Если в структуре феодального хозяйства Российской империи до 19 февраля 1861 г. помещичья вотчина и сельская соседская община составляли два неразрывных звена, то освобождение крестьян и повсеместное учреждение сельского общественного управления разорвали эту цепь: образовали унифицированную форму местного административно-судебного управления. Проведенная крестьянская реформа дала мощный импульс развитию местного самоуправления в империи.

Унификация сельского общественного управления полностью не устранила различия, существовавшие в общинах различных регионов России, однако при-

дала ей новое значение и качество. В российской науке, изучающей послереформенный период крестьянского самоуправления, обращается внимание не только на сословный характер управления, но и на территориальный. Поставлен вопрос о социальной роли различных учреждений местного управления.

Мы рассматриваем проблему местного управления комплексно во взаимодействии четырех систем: правовой, сословной, территориальной, общинной. В выборах сельских старост и волостных старшин имели право участвовать крестьяне-домохозяева сельского общества и крестьяне собственники, проживающие на территории волости (села). Сельские старосты, волостные старшины осуществляли управление в отношении всех крестьян, проживающих на подведомственных им территориях, кроме того, они могли осуществлять полицейские полномочия в отношении других сословий (соответственно на территории села или волости), в отличии от волостных судов не имели права судить за правонарушения, совершенные на территории волости лицами других сословий, а осуществляли правосудие, в пределах компетенции, только в отношении крестьянского сословия. Должность сельского старосты и волостного старшины совпадали, если волость состояла из одного села. Руководил сельским сходом волостной старшина, если учитывался сельский староста или приносилась на него жалоба, и наоборот, руководил волостным сходом один из сельских старост, если учитывался волостной старшина и приносилась на него жалоба.

По различным делам сельские старосты и волостные старшины подчинялись, соответственно делу, различным вышестоящим органам: полицейским, финансовым, хозяйственным, судебным.

Таким образом, правовой статус сельских старост и волостных старшин делал указанные органы субъектами различных административных отношений и интересов. Под субъектом права понимается участник общественных отношений, которого юридическая норма наделяет правами и обязанностями. Это понятие включает в себя 2 критерия: 1) социальный - участник в качестве обособленного, способного вырабатывать и осуществлять единую волю, персонифицировать субъекта; 2) юридический - признание правовыми нормами способности быть носителем прав и обязанностей, участвовать в правоотношениях.

Спецификой административных отношений является неравенство сторон. Возможно признание объектами административного права и хозяйственных ведомств. В науке существуют различные подходы к классификации субъектов административного права. Все субъекты права, в зависимости от того, чью волю они выражают, в чьих интересах и от чьего имени действуют, кто выступает в правоотношениях, С.Ф. Кечекьян подразделял на 2 типа: индивидуальные и комплексные. Из предложенной классификации возникает вопрос: чью волю исполняли и в чьих интересах действовали сельский староста и волостной старшина?

Понятие административно-судебного органа позволяет подойти системно к формированию интересов их деятельности. Законодательство обязывало действовать старост и старшин в интересах государства, но в силу того, что эти должности были сословно выборные, то не возможно было достичь того, чтобы

у этих лиц сформировался центральный интерес в сфере выполнения своих служебных обязанностей, так как они выполняли только первую функцию "референтной группы" крестьянской общины, а включение их в систему государственного управления меняло их психологию и делало почти невозможным отказаться от сопутствующих должностному положению возможностей действовать и в своих личных интересах. Взаимосвязь должностей сельского старосты и волостного старшины привели к корпоративности на уровне сельского общественного управления, в чем и проявилась особенность административно-судебных органов: сельского старосты и волостного старшины по сравнению с другими уездными административно-судебными органами.

Список литературы

1.Kelly H.H. Two function of Reference groups. In: G.E. Swanson, T.M. Newcomb and E.L. Hartly (eds.) Readings in Sosial Psychology. N. Y.,1952.
2.А.С. Макаренко. Соч. В 7 т. - М., 1957. -Т. 4. -С. 463.
3.Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России, XVIII - начало XIX в. - М., 1984. Гл. 3.
4.Александров В.А. Сельская община в России (XVII - начало XIX в.). - М., 1976. -С. 69-78.
5.Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. - М., 1982. -С. 138-139.
6.Алехин А.П., Кармолицких А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учебник. - М., 1996. -С. 42-45.
7.Введение в муниципальное право. - М., 1993. - С. 7.
8.Волостной суд в пореформенной России // Некоторые проблемы современной науки. - Ярославль, 1992. -С. 16-17.
9.Волостной суд в пореформенной России. Социально-экономические и политические проблемы крестьянства Северо-Запада РСФСР XIX-XX вв. -Новгород, 1991. с. 61-62.
10.Гегель. Политические произведения. - М., 1978. - С.82.
11.Дмитриев Ю.А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества //Государство и право 1994 г. № 7. - С. 31-32.
12.Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). - М., 2003. - С. 316.
13.Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1864-1914)// Исторические записки. -Т. 107. - М., -1982. -С. 226-303.
14.История крестьянства в Европе: В 3 т. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. -М.: Наука, 1986. -С. 339.;
15.Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. - М., 1958. -С. 91-92.
16.Козлов Ю.М. Предмет советского административного права. - М., 1967. -С. 31-32.
17.Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть Особенная. - 6-е изд. - СПб., 1909. - С. 488-501.
18.Кротков В. Волостные суды (заметки провинциального адвоката) // Отечественные записки. -1873. -№ 5. -С. 1-24; № 7. -С. 1-26. Назарьев В.Н. Современная глушь из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. -1872. -Кн. 2. -С. 604-636. Мимоходов Л. Письма крестьянина. Волостной суд //Гражданин. -1871. -№21. А.Ш. Подлинные воспоминания бывшего крепостного. (Быль) // Русское богатство. -1883. - № 5/6. -С. 340-342.
19.Крутецкий В.А. Психология. - М., 1986. -С. 52.
20.Лаптев Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). - М., 1998. -С. 93.
21.Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. - М.: Юрист, 1997. - С. 45. См. также Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. - М., 1982. - С. 354.

22.Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. - М.: Наука, 1989. -С. 61-141;
23.Мицкевич А.В. Субъекты советского права. - М., 1963. -С. 35; Советское административное право /Под ред. П.Т. Василенкова. - М., 1981. с. 73-75;
24.Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. - М., 1963. -С. 101.
25.Петров Г.И. Советское административное право. Часть общая. - Л., 1960. -С. 101-102;
26.Психология /Под ред. К.Н. Корнилова, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова. - М., 1948. -С. 396.
27.Словарь по этике. - М., 1983. -С. 107-108;
28.Тарабанова Т.А. Волостной суд в России в первое пореформенное десятилетие. Автореф. дис. канд.ист. наук -М., 1993. 23 с.
29.Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн. I. - М.: Чарли, 1996. -С. 327-425.
30.Торговые сделки крестьян в волостном суде // Аграрный рынок и его историческое развитие. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. -М., 1991. -С. 163-165.
31.Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1-4. - СПб., 1873-1874.
32.Шевцов В.С. Политическая власть в системе политической организации советского общества // Международные отношения, политика и личность. - М., 1976. - С. 40.
33.Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. - СПб., 1987. -Т. 4 - С. 42, 48, 67.
34.Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. - СПб., 1897. Т. 3, Т. 4; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. с. 401-419.

В.М. Щур
канд.ист.наук, КГУ

УСТАНОВЛЕНИЕ СОЛЯНОЙ МОНОПОЛИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII В.

К началу XVIII в. позиции царского правительства на Южном Урале и в Зауралье, несмотря на целый век пребывания этих территорий в составе России, были довольно слабыми. Основное население здесь состояло из башкир, вольного казачества и крестьянства, немногочисленных групп так называемых "инородцев". Башкирские племена находились фактически в состоянии независимости. Вмешательство русских властей в их внутреннюю жизнь было минимальным. Даже ясак собирался местной племенной верхушкой самостоятельно. Башкиры постоянно организовывали нападения как на русские поселения, так и на кочевья соседних казахских жузов, вступали в стычки с калмыками, принимали к себе на жительство беглых мусульман из Поволжья. Проводником российского влияния в крае являлось христианское население острогов и слобод, в массовом порядке возникших в течение XVII века на берегах рек. Однако даже православное казачество на этих отдаленных рубежах чувствовало себя достаточно свободно, чтобы не подчиняться многим требованиям государства в тех случаях, когда это противоречило его (казачества) интересам.

Местное население беспрепятственно пользовалось природными богатствами тех мест, в том числе самостоятельно добывало соль. Соль в те времена являлась одним из важнейших продуктов. Обеспечение ею было вопросом не только

экономики, но и политики. Прибыль от добычи и продажи соли в XVII - первой половине XVIII вв. стала одним из важнейших источников дохода башкирского населения, прежде всего, его правящей верхушки. На мало контролируемых в XVII - начале XVIII вв. русским правительством территориях, занятых башкирскими племенами, располагалось огромное количество годных к добыче соли водоемов. Башкиры издавна пользовались этим природным сокровищем, даже из таких озер, как Илецкое и Эбеляй. Правительство Петра I для лучшего пополнения казны объявило торговлю солью государственной монополией. Этот шаг вызвал разорение части купечества и привел к увеличению расходов русского населения. В то же время ввести реальный контроль за добычей и продажей соли башкирами русские власти не могли. Между обеими сторонами началась борьба, целью которой для правительства являлось безусловное пресечение контрабандных, с точки зрения государства, способов обогащения части башкирского общества, из-за чего казна терпела серьезный убыток. С точки зрения башкир, свободное пользование соляными месторождениями и распоряжение конечным продуктом являлось их исконным правом, как жителей тех местностей и индикатором их политического, правового и экономического положения в составе Российской Империи. Сразу поставить под контроль соляные потоки в Башкирии царизм не мог. Слишком призрачной была власть царя во многих ее районах, отсутствовали настоящие границы и таможенные заставы, которые могли преградить пути "контрабандистам". С другой стороны, во время Северной войны дополнительно испытывать этот народ на лояльность Петр I не мог. Соляные привилегии башкир ограничивались постепенно, законодательно, по мере созревания военно-политических предпосылок и завершились их отменой в 1754 г. после массового строительства крепостей на границах Оренбургского края и подавления мощных восстаний.

Размеры нелегальной продажи соли башкирами в первые десятилетия XVIII в. постоянно росли и государственные органы не могли уже игнорировать значение этого факта для доходов казны. При Петре II силам, недовольным установленными запретами, удалось на короткое время добиться отмены соляной монополии. В новых условиях башкиры автоматически становились конкурентами уже русским купцам. Поэтому даже либеральный "Устав соли" от 31 декабря 1727 г., отдававший ее "в вольную торговлю", особо предписывал Казанскому губернатору и Уфимскому воеводе "накрепко смотреть", чтобы ее продажа осуществлялась "с платежом пошлин" и оказывать противодействие "в тайных провозах" [1]. Подобный либерализм в условиях дефицита доходов казны не мог существовать долго. Для людей легче и выгоднее было обходить таможни известными местным жителям тропами, чем связываться с громоздкой бюрократической машиной, теряя и время, и прибыли. В итоге 10 августа 1731 г. по указу Анны Иоанновны произошло восстановление монополии и было приказано населению страны покупать соль из казны. Перекрыть налаженные контрабандные пути, по которым мимо бюджета утекали солидные доходы ни местные, ни центральная администрации не могли. Незаконный промысел на Южном Урале

и в прилегающих регионах носил интернациональный характер и даже Сенат вынужден был признать низкую эффективность предпринимаемых мер, так как "бывают от башкирцев и калмыков и казаков в Уфимской, в Казанской и в прочие тамошних городов в уезды тайные провозы и продают всяких чинов людям мимо казны" [2].

В тех случаях, когда правительство располагало хотя бы минимально осуществимыми возможностями по контролю над соляными "потоками", оно пыталось не упустить имевшейся возможности. Подобный надзор оно было более-менее в состоянии обеспечить над русским населением, являвшимся как раз главным потребителем основного в те времена консерванта. Поэтому главную опасность для правительства представляли контрабандисты-башкиры. Не имея возможности послать на территории обитания башкирских племен контролеров из числа офицеров, как это было сделано в других районах Европейской России, Сенат сохранял у них право свободного пользования месторождениями, указав, чтобы "в башкирских жилищах тех застав не ставить и довольствоваться им тою солью между собою по прежним указам" [3]. Таким образом, регулярно подтверждая права башкир на свободную добычу соли, центральные власти параллельно вводили законодательные ограничения на права по распоряжению ею. Такая позиция возможно обусловливалась еще и тем обстоятельством, что организовать в регионе добычу своими силами такого количества этого продукта, которое бы полностью покрыло потребности в нем местного населения, власти не могли. Производство должно было расти и не важно, кто бы это сделал. Реализацию же готового продукта потребителям упускать было нельзя. Не случайно поэтому в законе от 12.05.1732 г. башкирам указывалось, что они имеют право продажи соли в других районах страны только в казну. Причем обращает на себя внимание интересный момент. Понимая, что башкирских старшин, привыкших к немалым доходам от контрабанды, силовыми методами и грозными окриками не заставишь выполнять вышеприведенное положение указа, Сенат разрешал местным чиновникам действовать экономическими методами, повышая привлекательность государства как торгового партнера и оптового покупателя. В упомянутом указе четко говорилось не только о незамедлительной приемке соли, привезенной башкирами, в казну, но и было рекомендовано о "ценах определенному к тому смотрению офицеру чинить с ними договор", а "деньги выдавать **без задержания**" [4]. Цены устанавливались властями один раз и надолго могли отпугнуть поставщиков-башкир, рассчитывавших на получение максимальной и быстрой прибыли, и руководство Империи разрешало в таком случае правила игры по законам свободного рынка. Этот факт, кстати, подтверждает мысль о том, что многие башкиры и, прежде всего, их правящая верхушка, уже в XVIII в. прекрасно разбирались в сути рыночных отношений и понимали смысл реальной стоимости того или иного товара, складывавшейся в результате баланса между спросом и предложением.

В ходе развернувшегося в 1730-х гг. массового строительства укрепленных пограничных линий на юге Урала и в прилегающих зонах правительство не упус-

кало из виду и проблему дальнейшего ограничения поступления на рынок контрабандной башкирской соли. Доходы казны от монополии торговли консервантом являлись источником финансирования при сооружении укреплений, застав, а последние, в свою очередь, повышали эффективность действий местной администрации по пресечению нелегальных торговых путей. Однонаправленность действия этих двух процессов, приводивших постепенно к росту российского присутствия в регионе, означала ликвидацию фактического полунезависимого положения башкирских племен, поэтому неудивительным было их яростное сопротивление, вылившееся в серию многочисленных восстаний, проходивших с 1735 по 1741 гг. Не желая еще сильнее обострять конфликт и не располагая в тот период достаточными силами, царизм вынужден был закреплять соляные привилегии башкир. В указе от 10.01.1736 подтверждалась возможность "башкирцам солью только самим... довольствоваться и торговать в их башкирских жилищах, а русским людям продавать не велено" [5]. Общие меры правительства в Башкирии по усилению государственного контроля в сфере этой выгодной монополии выражались, таким образом, в ряде законодательных установлений, строительстве застав и таможен, расширении прав местных чиновников, повышении экономической привлекательности казны как торгового партнера, определении дорог, по которым можно было легально везти добытый продукт, укреплении российской власти в крае. Постепенно эти меры стали давать результат. Так, в 1744 г. губернатор И.И.Неплюев рапортовал в Сенат, что некоторые башкиры дали согласие возить Илецкую соль к Уфе по цене 10 коп. за пуд, причем только в течение текущей осени обязались поставить 3000 пудов [6]. Естественно, на сотрудничество с властями шли не все контрабандисты, а наиболее лояльная часть "верных башкирцев", поэтому действительные масштабы промысла только на Илецком озере были в несколько раз выше.

Для башкир Исетской провинции, расположенной за Уралом, основными местами добычи продукта являлись оз. Эбеляй, а также Сорочье, Пименово, Гашково, Кривово [7]. Объемы нелегальной добычи соли на продажу здесь также были велики, если учитывать быстрый рост населения русских дистриктов и крепостей и неповоротливость государственной машины, обязанной в случае установления монополии обеспечивать необходимые потребности людей.
Однако в случае с Исетской провинцией положение осложнялось тем, что из вышеперечисленных водоемов, только на Эбеляе соль садилась в достаточном количестве для добычи ежегодно, а на других озерах природные факторы, например, частые дожди, могли привести к временному прекращению естественного процесса и тогда государственная добыча консерванта на них становилась невозможной. Озеро Эбеляй же находилось в непосредственной близости от киргиз-кайсаков, которые часто наведывались на его берега с грабительскими целями, также прерывая поставки соли. В таких условиях русское население провинции терпело серьезный в ней недостаток, а башкирская нелегальная продажа помогала преодолеть дефицит. Русские крестьяне, таким образом, все больше переходили к употреблению контрабандной соли и видели в башкирах доста-

точно надежных партнеров, которые к тому же поставки осуществляли по более низким ценам. Таким образом, развитие нелегальной торговли поощряли и заинтересованные покупатели, и неповоротливость государственных органов, бывших часто не в состоянии предложить потребителям более выгодных условий, а главное - не стремившихся самим же соблюдать установленные законом правила.

Для исправления недостатков с 1746 г. в Оренбургской губернии начинает создаваться государственная сеть запасных соляных магазинов для формирования резервов на случай перебоев в снабжении [8].

С другой стороны, правительство решило точно определиться с объемами добываемой башкирами соли. Вследствие того, что никто из представителей русских властей точно не знал, сколько же людей проживает в башкирских волостях, этот продукт добывался ими безучетно. Однако в число жителей входили не только вотчинники и башкиры-припущенники, но и "инородцы" разного происхождения, обязанные покупать соль из казны. Потом вся эта масса соли, в том числе лишней, под прикрытием необходимости собственного пропитания, распределялась правящей верхушкой так, как ей было выгодно. Для выявления точных потребностей башкирского населения была сделана ставка на местных старшин. Сенатским указом от 7 мая 1753 г. было предписано разрешать башкирам добычу соли только при наличии справки от волостного старшины с указанием величины необходимых потребностей. На контрольных пунктах в Оренбурге и Троицке предполагалось добытый продукт перевешивать и сравнивать со старшинской справкой. В случае наличия больших объемов у перевозчика лишнюю соль предписывалось забрать в казну, но с выплатой вознаграждения [9]. Изначально эта мера была обречена на провал, так как выписывать сопроводительные документы поручили людям, кровно заинтересованным в "левых" прибылях. Пользуясь смутным представлением русских о численности коренного населения в волости, старшина мог выписать справку на то количество людей, которое ему заблагорассудится и получить дополнительную соль на законном основании. Дальнейшая поставка ее крестьянам и в крепости уже было делом давно знакомым. Кстати, русское правительство и не возлагало особых надежд на честность башкирских правителей. В условиях середины XVIII в., когда уже имелись мощные инструменты влияния в руках администрации в виде крепостей, застав, регулярных и иррегулярных воинских формирований, началась подготовка к радикальному переустройству финансово-фискальных отношений царизма и башкир. Уже в указе от 7 мая 1753 г. оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву была дана задача немедленно начать подготовку к ликвидации соляных привилегий башкир, с которой он справился так внешне блестяще, что даже уговорил отдельных местных правителей к созданию письма с просьбой о замене ясака покупкой соли из казны [10].

Это, кстати, незамедлительно было сделано указом от 16 марта 1754 г. [11]. Замена ясака на приобретение соли давала казне многочисленные преимущества. Во-первых, доходы от продажи консерванта резко возросли благодаря про-

даже его как в башкирских волостях, так и от сокращения контрабандного потребления соли русскими поселянами. Во-вторых, появилась возможность навести определенный порядок в налогообложении башкирского населения. Численность башкир была неизвестна и поэтому общий размер ясака представлял из себя скорее гипотетическую, нежели соответствующую реальности цифру. К тому же сбор его осуществлялся местными старшинами и являл из себя образец беззакония, когда приближенные к "лучшим людям" могли получать льготы в уплате ясака, а простые общинники облагались по завышенной ставке. Добавить сюда надо также официально существовавшие налоговые льготы и привилегии, которыми пользовались многочисленные тарханы, весьма нелояльно показывавшие себя по отношению к русским властям в периоды восстаний и перед ними. Теперь все они уравнялись в обязанности покупать соль, а значит, в определенной степени устанавливалась социальная справедливость, хотя бы в фискальном отношении. В-третьих, государству уже не требовалось содержать соляное комиссарство в Мензелинске и многочисленные заставы на дорогах, что также привело к сокращению расходов бюджета и пополнению освободившимися людьми гарнизонов приграничных крепостей, постоянно испытывавших недостаток в подготовленных кадрах. В-четвертых, поступление доходов стало носить более прозрачный и единообразный характер. Указ 1754 г. ознаменовал дальнейшее укрепление российской власти на южных степных рубежах, способствовал унификации общего правового положения башкир с остальными народами и сословиями Империи. Подчинение башкир требованиям Указа, правда после подавления восстания 1755 г., являлось с их стороны признанием права Российского государства управлять ими. Вместе с тем, этот законодательный акт имел и негативные последствия. Лишившись одновременно таких важных источников доходов, как неконтролируемый сбор ясака и контрабандная соль, старшинская верхушка резко активизировалась. Ее ответом на Указ стало восстание 1755 г., на которое феодалы подговорили соплеменников, пугая их возможностью потери земли в результате снятия ясака. Однако этот повод изначально носил провокационный и лживый характер, так как в том же указе четко говорилось, что "им (башкирам.-В.Щ.) теми землями по-прежнему владеть как ныне владеют" [12]. Царское правительство в результате и в XVIII в., и в первой половине XIX в. четко придерживалось записанной в законе формулировки, однозначно признавая вотчинные права башкир. Со времени принятия Указа 1754 г. закончилось двусмысленное правовое положение соляных месторождений в Оренбургской губернии. До него они формально, особенно большие озера, типа Илецкого, находились в собственности государства, объявившего соляную монополию, но с другой стороны, башкиры продолжали считать их своим владением и имели возможность неограниченно пользоваться их ресурсами. Указ окончательно переводил озера, способные давать пищевую соль, в государственное распоряжение.

В то же время государству так и не удалось сделать монополию всеобщей. Многочисленные озера сдавались в аренду разным арендаторам, обязанным

платить акцизные сборы с добытого объема, башкиры продолжали нелегально добывать продукт. Сговор тех и других на фоне неразумной ценовой политики государства и в XIX в. способствовал росту нелегального теневого промысла и приводил к убыткам казны. В 1811 г. цена за пуд этого продукта была повышена до 60 коп. [13]. Для увеличения собственных доходов государство видело один путь - новые надбавки к цене. Результат был прямо противоположным. Он выражался в падении масштабов официальной торговли солью и в расцвете теневого рынка. Арендаторы показывали низкие объемы добычи и соответственно платили небольшие акцизы. Так, с 1839 по 1865 гг. со всех соляных озер Челябинского уезда общая сумма акцизных сборов достигла всего 50 тыс. руб., в то время как по оценке экспертов, только одно Сорочье озеро близ Вишняково позволяло в добрый год добыть соль на эту сумму акциза в течение одного только сезона [14].

Таким образом, первая половина XVIII в. стала для башкир периодом борьбы с государством за право контроля над доходами от продажи соли русским и другим народам страны, вынужденным нести дополнительные расходы из-за государственной монополии. Казна вела планомерное наступление на соответствующие привилегии башкир, сообразуясь при этом с реальными возможностями администрации по наведению порядка в указанной отрасли. Ключевым моментом в борьбе стало строительство укрепленных границ Оренбургского края и множества заградительных от контрабандистов застав. Основные месторождения соли и пути ее доставки с 40-х годов XVIII в. начали контролироваться правительством. Это создало предпосылки для отмены соляных привилегий, уравнивания положения башкир в плане отношения к государственной монополии с другими народами. Наступление на соляные привилегии башкир всегда воспринималось последними очень болезненно и являлось в XVIII в. одной из основных причин всех восстаний. Лишив башкирскую старшину в начале второй половины XVIII в. многих серьезных источников доходов, царизм вынудил ее принять правила игры, предложенные русскими властями и сделать вывод о необходимости сотрудничества с ними. В то же время неразумная ценовая политика правительства стимулировала нелегальную добычу и контрабанду одного из важнейших продуктов питания, справиться с которыми властям силовыми приказными мерами оказалось невозможным. Поэтому даже в XIX в., несмотря на многочисленные запреты и опасность наказания, соляные доходы давали средства к существованию как многим местным феодалам, так и простым общинникам. В условиях кризиса скотоводческой экономики XIX в. это был еще один нелегальный, с точки зрения закона того времени, канал заработка.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. I. T.VII. №5219. С.918 // Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. №18. С.40. (Далее - ЗРИБ).
2. ПСЗ РИ. I. T.VIII. №6955. С.629-630 // ЗРИБ. №19. С.40-41.
3. ПСЗ РИ. I. T.VIII. №6053. С.815 // ЗРИБ. №20. С.41.
4. Там же.
5. ПСЗ РИ. I. T.IX. №6862. С.714 // ЗРИБ. №21. С.42.

6. ПСЗ РИ. I. Т.XII. №9067. С.264 // ЗРИБ. №22. С.42.
7. ПСЗ РИ. I. Т.XII. - №9310. С.579-581 // ЗРИБ. №23. С.43-44.
8. Там же.
9. ПСЗ РИ. I. Т.XIII. №10097. С.829-836 // ЗРИБ. №26. С.47.
10.Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т.IV. Ч.2. №485. С.425-426.
11.ПСЗ РИ. I. Т.XIV. №10198. С.42-44 // ЗРИБ. №27. С.52-53.
12.Там же.
13.ПСЗ РИ. I. Т.XXXI. №24830. С.872-873 // ЗРИБ. №69. С.293.
14.Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг. Уфа, 1868. Отдел №2. С.11-14.

И.П. Харламов
ст. преподаватель, КГУ

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ЦЕННОСТИ ПРАВА

В условиях переходного периода 90-х годов XX века до настоящего времени в теории государства и права актуальное развитие получила ценность права. В советской научной юридической литературе эта проблема равно как и понятие отсутствовала [1].

Ценность права определенным образом связана в учебных курсах с правосознанием. В.А. Четвернин подчеркивает, что "связь теории права и теории государства осуществляется в основном через философию права". Исследователь противопоставляет - "теория права и государства как учебная дисциплина является синтетической в отношении к научному теоретическому знанию о праве и государстве" [2].

С этим нельзя согласиться, методы изучения естественно различны, но истина как философская категория всегда объективно одна. Содержание трех государственно-правовых наук: философии права, общего учения о государстве и юридической догматики весьма условно. В этом В.А. Четвернин фактически противоречит сам себе (см. вышеуказанный вывод).

Вопреки философам и ученым, считающим основной идеей права "солидарность", "свободу" или "волю господствующего класса", предлагается считать главной целью права порядок и социальную стабильность. Право - это способ стабилизации и воспроизводства общественных отношений, по мнению О.Э. Лейста (с преимущественным учетом интересов социальных групп, способных определять содержание права) [3]. А если неспособных, в силу юридической неграмотности (даже у юристов нередко разные мнения по вопросам применения норм права) или нежелания части населения именно определять содержание права? На наш взгляд, это слишком "выглаженное абсолютизированное утверждение".

Возникает вопрос: обладает ли ценностью также государства и право, или указанная категория применительно только к праву?

Марксистско-ленинская трактовка: право - это система общеобязательных

социальных норм, охраняемых силой государства [4].

В указанном контексте ценность права связана с двумя критериями: общеобязательностью и "охраняемой силой государства", таким образом, при первичности государства над правом в этом случае ценность права основана прежде всего на применении категории "силы власти" (?!). Обратим внимание, что данная формулировка не принимает во внимание уровень сознательности общества, граждан.

Весь вопрос объема ценности, по нашему мнению, основан на двух факторах: 1) количественном и 2) качественном.

С точки зрения динамики развития государства направленность ценности права для общества подразделяется на два уровня, в содержание которых входят вышеуказанные критерии - положительный и негативный.

В первом случае, законные интересы субъектов государства и членов общества в большей степени совпадают (в истории развития цивилизации, особенно современного мира, нет примеров полного совпадения), поскольку в любом государственном образовании имеется и оппозиция (законная и незаконная).

Здесь ценность права возрастает, и наоборот, когда имеется противостояние общественных и государственных интересов, в субъектном понимании, ценность права уменьшается.

В условиях переходного периода борьбы за власть практическая ценность права не действует, здесь правомернее и обоснованнее говорить о теоретической ценности (вооруженные перевороты, восстания, революции, заговоры, мятежи) при условии смены политического режима власти и(или) формы государственного правления.

Значит, категория ценности права имеет динамическую подвижную структуру применения и реализации.

По нашему мнению, труда юристов здесь недостаточно, необходима практическая помощь филологов высшей квалификации, специалистов по стилистике языка, переводчиков с качественным знанием, по крайней мере, теории государства и права.

При нерешенности этой задачи даже специалисту порой трудно понять и тем более применить на практике казуистику содержания определенных правовых норм.

Категория ценности в праве действует по видам: должностные лица и граждане, соответственно юридические и физические лица.

Основоположник социологического и психологического направления в отечественном правоведении Н.М. Коркунов подчеркивал относительность права. Одно и то же разграничение интересов в зависимости от субъективного отношения может быть признаваемо то правым, справедливым, то неправым, несправедливым.

Но законы в научном смысле не зависят от того, знают ли их люди или нет [5].

В большей степени, мы считаем, право позитивно для любого политического режима власти (от имени "всего народа" или его отсутствия в законе), в этом случае в истории часто политический режим власти постепенно заменяется ре-

жимом личной власти с реверсивными приемами, методами ценности и приемами внутренней борьбы за власть (например: Цезарь, Гитлер, Сталин, Мао-Цзе-Дун, Саддам Хусейн и др.)

В обстановке массового террора, отсутствия должного противодействия этому со стороны правящей власти практическая ценность права резко падает…

В то же время законодательное закрепление (основных законов) в переходные исторические периоды более концентрировано работает на категорию "ценность права". Чем содержательнее прописана конструкция конституционной нормы, тем выше критерии ценности права и наоборот, в случае противоречивости, преобладания абстрактного подхода в юридической технике предметнее возникают проблемы и вопросы доработки и изменения.

Если наполеоновские кодификации явили собой пример долгожительства и относительной стабильности (это в первую очередь относится к гражданскому кодексу 1804 г.), то о французском конституционном законодательстве этого сказать нельзя [6].

Ценность права напрямую связана с уровнем правосознания и правовой культуры в обществе, государстве.

Определенным парадоксом в развитии мировой цивилизации, государства и права являются законодательные факты определенного запрета субъектам правоотношений совершать малопонятные с позиции разумного человека, не говоря уже о теории права, действия, так у ряда народов встречаем в качестве преступного акта наступление на тень другого человека и т.п. [7].

Значит, по мере развития человеческой цивилизации (в общем аспекте рассуждений) ценность права есть категория неустойчивая и противоречивая, с момента возникновения первых государственных образований до современных государств.

Именно через призму категории "ценность" в праве реализовывались и утопические проекты построения "государств всеобщего благоденствия" и.п.

На современном уровне противостояния российского государства полемика происходит не о равных возможностях для всех (проблема равенства), на очереди идея "равенства стартовых возможностей" (либерально образцовая) [8].

Самый проблемный вопрос-соотношение: норма права > злоупотребление правом > практическая ценность права.

Считаем, что у большинства граждан соотношение категории - справедливость - законность умозаключением намного ближе в ценности реализации права, чем что-либо другое.

В данном случае - правовая презумпция: кто использует свое право, не ущемляет ничьих прав [9].

С учетом недостаточной правовой культуры и правосознания граждан и происходит разрыв теоретической и практической ценности права, несмотря на формальное действие органов власти, управления и правовой системы.

Ценности права для гражданина есть в определенном смысле категория автономная, субъективная.

Так, психологические аспекты злоупотребления правом выражаются в психическом отношении субъекта к реализации права в противоречии с его назначением, в результате чего причиняется вред личности, обществу, государству [10].

Интересна постановка вопроса: имеют ли утопические идеи, реализованные чаще всего частично, ценностное содержание? Считаем, что да, но больше всего номинально либо декларативно. Особенно это имеет место при известной искусственной дальнейшей нереализации нормативного акта.

Так, явно преувеличен вывод А.И. Герцена: "Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно так же поступает правительство" [11].

В части реализации структуры ценности права важное место, по нашему мнению, отводится характеру делопроизводства в России XIX века. Например, в юридической документации - "канцелярская отписка" только по документам губернского правления составляла ежегодно 119 тысяч различных журналов протоколов, рапортов, отношений и т.д. [12].

Классический пример истории России (период императора Николая I: Министерство юстиции предоставляло отчет, несмотря на борьбу (?!) с бюрократией в 1842 году не закончено примерно 33 млн дел (??!!), по меньшей мере на 30 млн листах [13].

Сложный постулат Гоббса: в указанном аспекте темы, порицая законы ненужные и непонятные (?!), он обосновывал принцип гражданского общества - "гражданам разрешено все, что не запрещено законом" [14]. Дальнейшее распространение этого в истории очевидно. Однако постоянной проблемой становится и разное понимание ценности права.

Список литературы

1.Юридическая энциклопедия / Гл. редактор А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия. 1984.
2.Четвернин В.А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. -М.: Дело, 1997. -С. 8.
3.Лейст О.А. Сущность права. Проблемы теории и философии права. -М.: Зерцало, 2002. -С. 38-39.
4.Юридическая энциклопедия / Гл. редактор А.Я. Сухарев. -М.: Советская энциклопедия. -С. 272.
5.Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914 (9-е издание). С. 74-75.
6.См. вступительную статью проф. Туманова В.А. Французская республика. Конституция и законодательные акты. -М.: Прогресс, 1988. С. 9.
7.Питирим Сорокин. Человек, цивилизация, общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. -С. 62.
8.Согрин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы. -М.: Мир, 1997. -С. 22-23.
9.Малиновский А.А. Злоупотребление правом. -М., 2002. -С. 7.
10.Там же. С. 49.
11.Еремян В.В. Муниципальная история России. -М.: Академический проект, 2003. -С. 427.
12.Там же. С. 399.
13.Там же. С. 408.
14.Гоббс Томас. Сочинения в двух томах. -Т. 2. -М., 1991. -С. 171.

РАЗДЕЛ 2
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

М. Н. Чирухин
ст. преподаватель КГУ

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА)

Не будет преувеличением сказать, что одной из наиболее острых проблем современной российской правовой системы является конкуренция норм, содержащихся в источниках одного иерархического уровня - федеральных законах. Практически в любой отрасли Российского права можно найти пример, когда один и тот же круг правоотношений оказывается урегулированным различными нормами федеральных законов. Вопрос о том, каким законом следует руководствоваться в определенной правовой ситуации, в этой связи представляется актуальным не столько с сугубо теоретической, сколько с практической точки зрения.

Не ставя перед собой глобальную задачу охарактеризовать все аспекты названной проблемы, автор настоящей статьи задался целью на примере практики применения налогового и гражданского права показать, насколько остро эта проблема затрудняет становление правового государства в России. Дело в том, что отсутствие ясности правовых норм существенным образом сдерживает развитие правовой культуры, ибо порой приходится сталкиваться с тем, что отдельно взятый человек, тот, кого принято называть "субъект правоотношения", не обремененный профессиональным юридическим образованием, испытывает, столкнувшись с проблемой конкуренции законов, чувство, близкое к отчаянию, что неизбежно ведет к укреплению тенденции правоотрицания в Российском обществе ("закон, что дышло - куда повернул, туда и вышло").

Выбор этих двух отраслей является не случайным. Налоговое право традиционно находится в публично-правовом полюсе правовой системы, в то время как гражданское право наиболее полно воплощает в себе характерные черты частноправового метода регулирования. Помимо этого, попытки законодателя превентивно пресечь конкуренцию норм федеральных законов в указанных отраслях носят несколько различный характер. Тем не менее, возникающие в связи с поставленной проблемой сложности одинаково присущи данным отраслям, что позволяет экстраполировать выводы, сделанные автором, на российскую правовую систему в целом.

Казалось бы, решению проблемы конкуренции норм должны способствовать выработанные юридической наукой правила толкования норм права, уста-

новление теоретиками правил иерархической соподчиненности норм. Некоторые исследователи в связи с этим предлагают выделить в российской правовой системе комплексное образование - федеральное коллизионное право. Базовыми его правилами являются применения:

1) акта, изданного позднее;

2) приоритета кодифицированного акта;

3) приоритета специальной нормы перед общей;

4) нормативно установленного приоритета;

5) отраслевого приоритета, в основу которого положено определение принадлежности конкретных отношений к данной отрасли права.

Однако, как показывает практика правоприменения, данные правила могут быть рассмотрены лишь как желаемый результат деятельности законодателя, а не как констатируемый, явствующий из реального положения дел итог.

При рассмотрении поставленной проблемы исходным пунктом наших размышлений будет является то, что Конституционный суд Российской Федерации в ряде судебных актов констатировал: "В ст. 76 Конституции Российской Федерации не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае - федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции Российской Федерации не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой. Правильный же выбор на основе установления и исследования фактических обстоятельств и истолкование норм, подлежащих применению в конкретном деле, относятся не к ведению Конституционного Суда РФ, а к ведению судов общей юрисдикции и арбитражных судов".

Таким образом, вопрос о тех критериях, которыми должны руководствоваться суды при выборе конкурирующих норм источников одного уровня, не содержатся ни в Конституции РФ, ни в Федеральном Конституционном законе. Разъяснений, или "правоположений", которые могли бы послужить выработке данных критериев, не содержат также и Постановления Пленумов Верховного суда и Высшего Арбитражного суда. В итоге мы сталкиваемся с тем, что решение данного вопроса предоставлено целиком и полностью на судебное усмотрение.

Проблема единообразного применения закона в России приобретает особую значимость, так как одним из особенностей ее федеративного устройства является сравнительно большое количество субъектов федерации. Не требует доказывания то, что различия в практике применения законодательства в разных арбитражных судах округов, в частности, приводит к тому, что в рамках Российской Федерации образовались совершенно различные подходы к решению одних и тех же типичных спорных ситуаций (скажем, о нарушении налоговыми органами требований ст. 101 Налогового Кодекса РФ или о взыскании убытков за непредставление компенсации по предоставлению льгот, предусмотренных законодательством в ФАС Северо-Западного округа и ФАС Уральского округа).

Подчиняясь логике настоящего очерка, следует рассмотреть те примеры судебной практики, которые позволяют развить тезис о том, что отсутствие крите-

риев приоритета конкурирующих норм одного иерархического уровня приводит к еще большему разрыву в толковании права.

В гражданском праве

Законодатель, предвидя неизбежность возникновения конкуренции норм различных федеральных законов, предпринял попытку "смягчить", если не предотвратить последствия этого явления. В результате возникли нормы п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса и п.1. ст. 1 Налогового Кодекса.

По п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса в состав гражданского законодательства помимо самого кодекса входят принятые в соответствии с ним иные федеральные законы. Слова "в соответствии с ним" мы будем понимать не только как законы, прямо названные в Гражданском кодексе, но и вытекающие по содержанию из его норм и институтов (скажем, Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ "О финансовой аренде (лизинге)"). Но это лишь одна сторона проблемы. Вторая и, очевидно, главная сводится к соотношению содержания норм Кодекса и правил тех законов, которые приняты в соответствии с ним. Как полагает В.С. Якушев, Гражданский кодекс формально допускает принятие законов, правила которых могут и не соответствовать его нормам. Иначе говоря, известная юридическая формула "специальный закон отменяет действие общего закона" действует не только в рамках собственно ГК, но в пределах всего гражданского законодательства (этот вывод вытекает из ч. 1 п. 2 ст. 3 ГК), что создает возможность более гибкого регулирования на уровне закона тех или иных отношений. В подтверждение данного тезиса можно привести также Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 32/02:

Некоммерческая организация "Негосударственный пенсионный фонд "Лукойл-Гарант" обратилась с иском о ликвидации закрытого акционерного общества "Московская независимая вещательная корпорация" (далее - акционерное общество) на основании статьи 35 Федерального закона "Об акционерных обществах" (далее - Закон об акционерных обществах).

Решением Арбитражного суда города Москвы исковое требование удовлетворено. Постановлением апелляционной инстанции решение оставлено без изменения.

Федеральный арбитражный суд Московского округа постановлением указанные судебные акты отменил, дело передал на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Президиум ВАС РФ постановление кассационной инстанции отменил, оставив в силе принятые до этого судебные акты.

В постановлении суда кассационной инстанции имелась ссылка на пункт 3 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому акционерам не предоставлено право на предъявление иска о ликвидации юридического лица по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 61 Кодекса, а в данном случае иск предъявлен акционером, владеющим акциями общества - ответчика.

Оценивая указанный довод кассационной инстанции, Президиум ВАС РФ, в частности, указал, что статья 61 Кодекса устанавливает общие основания и поря-

док ликвидации юридических лиц. Пункт 3 статьи 96 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что правовое положение акционерного общества и права и обязанности акционеров определяются в соответствии с настоящим Кодексом и законом об акционерных обществах.

Поскольку Закон об акционерных обществах в редакции, действовавшей на момент предъявления иска и вынесения решения по делу, наделял акционеров соответствующим правом, истец имел основания для предъявления данного иска, а суд первой инстанции обоснованно удовлетворил его требования.

В данном случае мы можем наблюдать, что суд применил нормы специального закона, придав ему приоритетное значение по сравнению с общим. Нельзя, однако, не сделать замечание относительно того, что другое правило коллизионного права - приоритет кодифицированного источника -применено не было. В связи с этим встает вопрос, насколько справедливо с точки зрения права отступление в специальном гражданско-правовом законе от общих правил Гражданского кодекса. Ряд цивилистов высказывают мнение об абсолютном примате Кодекса.

Указанная тенденция, в частности, проявилась и в судебной практике по применению ст. 13 и 25 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ "О финансовой аренде (лизинге)", действовавшего до принятия Закона в новой редакции от 29 января 2002 г. Речь идет о праве лизингодателя на бесспорное изъятие предмета лизинга, причем недиспозитивная (т.е. сторонами не может быть предусмотрена иная) формулировка Закона о лизинге не предполагала возможности отказаться от такого права. В ряде случаев суды исходили из того, что положение противоречило принципиальной норме п.2 ст.450 ГК РФ о судебном порядке расторжения договора.

Немаловажным представляется вопрос о соотношении Гражданского кодекса и гражданско-правовых норм, которые содержатся в принятых не в соответствии с ним законах других отраслей права. В рамках гражданского законодательства самим Кодексом допускается отступление от содержащихся в нем правил в законах, принимаемых в соответствии с ним. И именно из этого исходит судебная практика. Анализ практики применения гражданско-правовых норм в законах других отраслей права показывает, что правила ч.2 п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса о том, что они не могут противоречить Кодексу, по существу декларативны.

Показательным является Постановление Федерального Арбитражного суда Центрального округа от 23 мая 2000 г. № А14-7259-99/12/174: ООО "Электроника-ВЗПП" обратилось в Арбитражный суд Воронежской области с жалобой на действия судебного пристава-исполнителя о наложении ареста и изъятии имущества.

Определением Арбитражного суда Воронежской области от 11.01.2000 г. в удовлетворении жалобы отказано. Постановлением апелляционной инстанции того же суда от 22.03.2000 г. определение суда оставлено без изменения.

Должник - ООО "Электроника - ВЗПП" - обратился с кассационной жалобой, в которой просил отменить постановление апелляционной инстанции и удовлетворить его жалобу.

В обоснование жалобы заявитель указал, что судебный пристав-исполнитель наложил арест и произвел изъятие имущества, принадлежащего ООО "Электроника-ВЗПП" и находящегося в залоге по договору залога, чем нарушил ст.49 Закона "Об исполнительном производстве" и ст.ст.349-350 ГК РФ, которыми предусмотрен определенный порядок обращения взыскания на заложенное имущество.

Оставляя судебные акты без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения, суд указал, что в ходе исполнительного производства судебным приставом-исполнителем были произведены опись и арест недвижимого имущества, а также опись и арест движимого имущества - товаров в обороте, находящихся в залоге по договору залога.

Арест и опись указанного недвижимого и движимого имущества, а также изъятие части движимого имущества по акту изъятия были произведены в связи с отсутствием у должника денежных средств и иного имущества, на которое могло быть обращено взыскание для удовлетворения требований взыскателя.

Заявитель жалобы, ссылаясь на ст.349 ГК РФ, полагал, что обращение взыскания на заложенное движимое имущество возможно только по решению суда.

Между тем, указанной нормой регулируются гражданско-правовые отношения между сторонами-участниками сделки. Статья 49 ФЗ "Об исполнительном производстве" предоставляет судебному приставу-исполнителю право обращения взыскания на заложенное имущество при недостаточности у должника иного имущества для полного удовлетворения предъявленных ему требований, не обеспеченных залогом.

Таким образом, судебный пристав-исполнитель правомерно на основании ст.49 Закона произвел изъятие имущества. Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции не нашел оснований к отмене судебных актов.

Итак, правила отраслевого приоритета в данном случае оказалось неприменимыми. Более того, встала проблема конкуренции не только норм, но и отраслей права, поскольку в рассмотренном споре приоритет был отдан публично-правовой норме. Нормативная ссылка при этом судом не дана и не могла быть дана в силу отсутствия таковой нормы в российском законодательстве. Между тем, многие ученые полагают применение данного приоритета правильным.

В свете этого необходимо не согласиться с доводами тех ученых, которые доказывают абсолютный примат Кодекса. Данные ученые говорят об особой роли, которая отведена Гражданскому кодексу в нашей правовой системе, который не только обеспечивает единство гражданского законодательства, но и формирует гражданское право как отрасль в структуре российского права, подчиняя тем самым содержание гражданско-правовых норм, находящихся в иных федеральных законах, правилам кодекса через закрепленное в ч. 2 п. 2 ст. 3 ГК правило. Желание законодателя придать таковую значимость нормам Кодекса не совпадает с волей правоприменителя подчинить юридическое содержание нормы публично-правовым интересам государства. Таким образом, единой логики, которой должно руководствоваться, установить не удается.

Уже только краткий анализ правоприменительной практики показывает, что ни одно из приводимых в юридической литературе правил устранения коллизий в праве между федеральными законами, не может быть реализовано в силу того, что в конкуренцию вступают уже не сами нормы, а правила определения приоритета нормы.

В налоговом праве

Несколько иную попытку предотвратить конкуренцию норм федеральных законов предпринял законодатель в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Как и в Гражданском кодексе, ст. 1 Налогового кодекса Российской Федерации говорит, что законодательство о налогах и сборах состоит из самого кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах. Фраза "в соответствии с ним" означает, что любые налоговые законы, даже федеральные, не говоря уже о региональных, должны соответствовать Налоговому кодексу. Примеров того, как настоящее правило нарушается самим законодателем, предостаточно.

Согласно положению Кодекса, установленные в начале финансового года налоги могут быть изменены и дополнены новыми налогами лишь по истечении этого года в начале нового финансового года. Данное положение, согласно Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 51-ФЗ "О приостановлении действия п. 1 ст. 5 части первой Налогового кодекса РФ", вступало в силу только 1 января 2000 года. Это обусловлено тем, что многие субъекты Федерации "не успели" скорректировать налоговую политику в отношении новых налогов налога с продаж и единого налога на вмененный доход до наступления 1999 года. Внести же необходимые корректировки после начала нового финансового года (после 1 января 1999 года), учитывая указанное положение пункта 1 статьи 5 НК РФ, было бы уже невозможно. Поэтому действие пункта 1 статьи 5 НК РФ в отношении 1999 года Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 51-ФЗ было приостановлено. В течение 1999 года действовало общее правило вступления в силу актов налогового законодательства в течении10 дней после официального опубликования.

Второй пример. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 36-ФЗ "О внесении изменений в Закон РФ "О налоге на добавленную стоимость" в нарушение требований пункта 1 статьи 5 Налогового кодекса РФ вступал в силу до его официального опубликования. Причем это следовало из текста самого Закона. При этом и Налоговый кодекс, и Закон № 36-ФЗ - федеральные законы, имеющие равную юридическую силу. Вновь приходится столкнуться с тем, что политические, но не юридические соображения (в данном случае, принцип "приоритета казны"), являются основанием для определения правил поведения субъектов правоотношений.

В отличие от Гражданского кодекса, Налоговый кодекс устанавливает в ст. 6 те конкретные признаки, которые свидетельствуют о несоответствии нормативного акта о налогах и сборах Кодексу. Он не является исчерпывающим, (в подп.9 п.1 ст.6 указывается, что нормативный правовой акт может быть признан не соответствующим Кодексу, если он каким-либо иным образом противоречит общим

началам и (или) буквальному смыслу положений Налогового кодекса РФ).

Одновременно с этим в п.3 ст.6 Налогового кодекса РФ устанавливается, что нормативный акт признается не соответствующим Кодексу исключительно в судебном порядке (если иное не предусмотрено Налоговым кодексом РФ). Однако несмотря на нормативно закрепленный принцип судебного признания нормативного акта о налогах и сборах не соответствующим Налоговому кодексу РФ, практически реализовать эту норму крайне затруднительно, прежде всего, в силу того, что опять-таки не ясна сама возможность признания федерального закона о налогах и сборах не соответствующим НК РФ, являющемуся по своему статусу ровно таким же федеральным законом. Юридические механизмы решения вопроса о возможности признания нормативных актов одного уровня не соответствующими друг другу, не выработаны.

Как отметил Конституционный суд Российской Федерации, суд при рассмотрении конкретного дела может не применить федеральный закон, но не может признать его недействительность (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П "По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации"). Этот вывод подтверждается и ст.239.8 ГПК РСФСР, согласно которой нормативный акт или его отдельная часть с момента вступления в законную силу решения суда о признании его либо отдельной его части незаконными считаются недействующими.

Поэтому не исключено, что один суд, либо судебная инстанция, не применит налоговый закон, сочтя его противоречащим Конституции, другой суд (инстанция), напротив, его применит к тем же самым или сходным правоотношениям.

Из изложенного следует, что анализ норм Налогового кодекса свидетельствуют о том, что даже при явном противоречии актов федерального законодательства общим началам и (или) буквальному смыслу положений Кодекса налогоплательщики должны следовать исключительно решению судебного органа по данному вопросу, а не собственному видению проблемы.

Между тем, одним из основных признаков правового государства является непосредственность действия прав человека - возможность реализации своих прав и законных интересов без воли, согласия на то какого - либо государственного органа. В этом плане складывающуюся ситуацию вряд ли можно признать терпимой.

Итоги

Подводя итоги данного очерка, следует еще раз тезисно обозначить возникающие в процессе правоприменения проблемы:

1. Российская правовая система испытывает серьезную проблему конкуренции правовых норм, содержащихся в источниках одного иерархического уровня (прежде всего, федеральных законов).

2. Попытки законодателя нормативно закрепить правила применения норм в зависимости от юридической силы на сегодняшний момент нельзя признать удачными.

3. Проблема конкуренции норм в корреспонденции с предыдущей пробле-

мой перерастает в проблему конкуренции принципов толкования коллизионных норм в силу отсутствия их нормативного закрепления.

4. Конституционный суд Российской Федерации фактически слагает с себя ответственность за восполнение правового вакуума, возникшего по вышеназванной причине, указывая на необходимость выбора коллизионной нормы судом общей юрисдикции, либо арбитражным судом в каждом конкретном споре (правовой ситуации).

5. В силу отсутствия нормативно закрепленных критериев выбора коллизионной нормы практика судов в различных субъектах Российской Федерации зачастую развивается в разных направлениях.

6. Все изложенное делает Российскую правовую систему нестабильной и подрывает основу законности в Российской Федерации.

Подведенные итоги неутешительны. Обостряется рассмотренная проблема тем, что для устранения ее основ необходимо будет прибегнуть к болезненной и весьма растянутой во времени процедуре - внесении поправок в действующую Конституцию России.

Совершенно недопустимо, на мой взгляд, пытаться разрешить данную проблему принятием, скажем, совместного постановления Пленумов Верховного суда России и Высшего Арбитражного суда Российской Федерации по данному вопросу, в силу неопределенности данного вида квазиисточника Российского права. При всей значимости тех правоположений, которые в них содержатся, нельзя не признать отсутствие их правовой обязательности, устойчивости, их временного характера.

Принимая во внимание то, что Конституция Российской Федерации не предполагает возможности установления иерархии нормативных источников одного уровня (федеральных законов), необходимо разрешить этот вопрос в следующем порядке.

На первом этапе дополнить статью 76 Конституции частью 7 следующего содержания: "В случае противоречия между федеральными законами, либо иными и нормативными правовыми актами одного уровня действуют правила толкования указанных противоречий, определенные Федеральным конституционным законом".

На втором этапе необходимо разработать и принять Федеральный конституционный закон "О правилах толкования коллизионных правовых норм в Российской Федерации".

Полагаю, что только при подобном развитии событий будет шанс избежать возрастания негативных тенденций в правовой культуре российских граждан, конкуренции ветвей власти. Тогда Россия сделает большой шаг к правому государству.

Список литературы

1.Брагинский М.И. Общие положения Гражданского кодекса //Хозяйство и право. -1995. - № 1. -С. 14-15; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. -М., 1997. -С. 37 и след.; Хаскельберг Б.Л. Ответственность перевозчика

за несохранность груза по российскому законодательству //Рос. юрид. журнал. -1998. -№4. -С. 61 и след.
2.Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. -М., 1997. -С. 41.
3.Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. -М. 1997.
4.Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм: Методические материалы ВЮЗИ. -М., 1948.
5.Гурвич М.А. Судебные решения (теоретические проблемы). -М., 1976. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. -Свердловск, 1973.
6.Ершов В. Восполнение судом пробелов в трудовом законодательстве // Советская юстиция. -1993. -№ 24 и др.
7.Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правопримениня. -М., 2002. -С. 153-154.
8.Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1999 г. N 182-О "По запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности". // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. -2000. -№ 2.
9.Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П "По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций", а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц" // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. -2001. -№ 5.
10.Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации"// Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. -1998. -№3 и др.
11.Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12 августа 2002 г. № А56-5746/02 и Постановление ФАС Уральского округа от 10 июня 2002 г. № Ф09-1136/02АК
12.Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В.Д. Карповича. -М., 2002.
13.Стенограмму выступления А.В. Брызгалина на семинаре "Общеправовые положения налоговой системы"//www.cnfp.ru.pub/ststy/stenogr/stenogr1
14.Федоренко Н.В., Пипник Т.Д. О некоторых проблемах правового регулирования лизинга. // Законодательство. -1999. -№ 12.
15.Якушев В.С. Гражданский кодекс Российской Федерации и гражданское законодательство // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. -М., 2001. -С. 16-22.
16.Якушев В.С. Гражданский кодекс Российской Федерации и гражданское законодательство // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. -М., 2001. -С. 20.
17.Ярков В.В. Комментарий к Федеральному закону "Об исполнительном производстве" (постатейный) и к Федеральному закону "О судебных приставах". -М., 2001. -С. 199.

Т.Ю. Майборода
доцент КГУ

ЗАВЕЩАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА В РОССИЙСКОМ И В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

Институт наследования является одним из основных институтов гражданского права любого государства. Наследование в широком смысле означает переход после смерти лица его имущественных прав и обязанностей к другому лицу двумя способами: наследованием по закону и по завещанию. В узком смысле под наследованием понимается естественное правопреемство имущественных прав и обязанностей лицами, которые состояли с наследодателем в определенных родственных отношениях.

Наследование по завещанию ЯВЛЯЕТСЯ ПРИОРЕТЕТНЫМ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАСЛЕДОВАНИЮ ПО ЗАКОНУ. Наследование по закону применяется только в случае, когда отсутствует завещание или имеется вступившее в законную силу решение суда о признании завещания недействительным. Этот порядок имеет многовековую историческую традицию, он был разработан еще в Древнем Риме, а затем воспринят законодательствами многих государств.

Правовые акты, регулирующие наследственные отношения, в каждом государстве имеют свои особенности. В некоторых государствах нормы, регулирующие наследственные отношения, помимо гражданских кодексов, законов о наследстве, содержатся в специальных книгах, которые являются инструментом регулирования наследственных отношений (Германия, Швейцария). Само завещание в России и других странах совпадает, но поскольку завещание-это односторонняя сделка, то порядок заключения этой сделки в разных странах весьма различен.

Большое значение в разных странах, несмотря на разнообразие регулирования аналогичных наследственных отношений, придается соблюдению формы завещания, по которому можно установить действительную волю наследодателя. На первый взгляд, достаточно соблюдение определенных формальных требований, делающих возможность приобретения в собственность материальных благ. Для законодательства большинства стран характерны четыре основные формы завещания:

1.Собственноручное завещание - завещание, целиком написанное завещателем, датированное им и содержащее его подпись.

Представляется, что это весьма удобная и простая форма составления завещания, однако при удостоверении завещания нотариусом или другим должностным лицом, обладающим правом удостоверять завещания (согласно порядку удостоверения завещания в России), когда нотариус лично проверяет подлинность волеизъявления завещателя и, кроме того, оставляет один экземпляр себя на хранение, вероятность утраты завещания, как и составление его под влиянием третьих лиц, практически исключается.

В Израиле, согласно статье 19 Закона о наследстве, во Франции в силу статьи 970 ГК Франции, наследодатель должен ставить подпись и дату в конце каждого листа завещания. Однако статья 25 Закона о наследстве Израиля устанавливает что, если в завещании будет отсутствовать подпись и дата, то, несмотря на это, суд имеет право, при определенных обстоятельствах, признать такое завещание действительным, но при условии, что у суда не возникнет сомнений по поводу подлинности данного завещания и по поводу того, что в нем изложено истинное волеизъявление завещателя.

В Испании собственноручная форма завещания называется олографической. Олографическое завещание подлежит регистрации у судьи первой инстанции по последнему месту жительства завещателя или по его месту смерти в течение пяти лет со дня смерти. При отсутствии такой регистрации завещание недействительно.

В отличие от законодательства вышеназванных стран закон 1959 года "О Гражданском кодексе Венгерской Республики" предусматривает завещание, написанное другим лицом или наследодателем, но на пишущей машинке и подписанное им в присутствии двух свидетелей.

В стране традиций - в Англии - форма завещаний остается неизменной с 1837 года: завещание должно быть письменным, подписано завещателем и удостоверено не менее чем двумя свидетелями в присутствии завещателя.

2. Следующий вид завещания - завещание в виде публичного акта, такое завещание совершается в соответствии с установленной законом процедурой при участии официального должностного лица, как правило, нотариуса.

В соответствии с Гражданским кодексом и Законом о нотариате Венгерской Республики публичным является завещание, совершенное перед нотариусом или судом.

В Испании такая форма именуется открытой формой и означает выражение завещателем своей последней воли в присутствии лиц, которые должны засвидетельствовать акт, узнав о содержании завещания (статья 679 ГК Испании).

Публичное завещание предусмотрено и законодательством Италии. Его должен принять нотариус в присутствии двух свидетелей: наследодатель изъявляет свою волю нотариусу, а нотариус составляет и записывает распоряжения наследодателя. В отличие от собственноручных завещаний, здесь уже имеется гарантия подлинности воли завещателя. Сохранность же завещания, в свою очередь, гарантируется возможностью оставить его на хранение нотариусу или иному должностному лицу.

3. Тайное завещание - составленное наследодателем и переданное в запечатанном виде на хранение нотариусу, как правило, в присутствии свидетелей. Однако представляется, что будучи составленным самим завещателем, без помощи компетентного должностного лица, такое завещание может содержать как противозаконные распоряжения, так и формулировки, допускающее двойное толкование.

4. Устное завещание является действительным при наступлении определенных

обстоятельств, при обязательном присутствии свидетелей. Так, например, согласно статье 23 Закона о наследстве Израиля, такое завещание будут действительным если завещатель находится при смерти или когда завещатель считает, что он находится в чрезвычайных условиях, которые явно угрожают его жизни. Данный факт фиксируется протоколом и храниться у определенного законом лица.

В Российской Федерации в отношении формы завещания с принятием третьей части ГК произошли существенные изменения. Помимо распространенных нотариально удостоверенных и приравненных к ним завещаний, законодатель предусмотрел возможность составления закрытых завещаний и завещаний, составленных в чрезвычайных обстоятельствах.

Особенность закрытых завещаний состоит в том, что завещатель, совершая завещание, не представляет нотариусу возможность ознакомиться с его содержанием. Для действительности такого завещания требуется собственноручное написание и подпись завещателя. Закрытые завещания удостоверению не подлежат, в подтверждение завещания выдается документ нотариусом. Передача нотариусу запечатанного конверта происходит в присутствии двух свидетелей, которые ставят на конверте свои подписи. "Тайна" воли завещателя явно позаимствована из мировой практики, обеспечивающей запрет на ознакомление с содержанием завещания, включая нотариуса. Такая форма завещания в отдельных странах имеет различное название: законодательством ФРГ, Польши, Болгарии оно определено как собственноручное завещание, в Венгрии - письменное личное, в Италии - секретное, во Франции - тайное, в Испании - закрытое.

Завещание в чрезвычайных обстоятельствах представляет собой изложении воли гражданина в отношении своего имущества в простой письменной форме собственноручно в присутствии двух свидетелей. Вместе с тем, законодателем не конкретизируется понятие и перечень чрезвычайных обстоятельств, так что представляется возможным применение аналогии права и судебной практики в этой области. В зарубежных странах практика применения завещания "в чрезвычайных обстоятельствах" несколько иная. В Польше подобное завещание называется специальным и существует в устной форме, достаточно устно выразить свою волю в присутствии не менее трех свидетелей. В Испании устное завещание допускается только в период боевых действий. Согласно Германскому гражданскому уложению, упрощенный порядок составления завещания предусмотрен для лица, находящегося в местности, с которой вследствие чрезвычайных обстоятельств, прервано сообщение, либо находящегося в плавании на немецком судне.

Не менее важным и новым является установление Гражданским кодексом РФ возможности написания завещания со слов завещателя нотариусом: до его подписания завещателем оно должно быть полностью прочитано завещателем в присутствии нотариуса, данная норма также установлена во Франции, ФРГ, Италии, Испании. Если завещатель не в состоянии лично прочитать завещание, его текст оглашается вслух нотариусом, о чем на завещании делается соответствующая надпись с указанием причин, по которым завещатель не смог лично прочитать завещание. Хотелось бы отметить, что законодатель разрешает использова-

ние при написании или записи завещания электронно-вычислительной машины, пишущей машинки и др.

Возраст, с которого гражданин имеет право составить завещание, различен, в зависимости от страны, гражданином которой является завещатель.

Так, в Англии сохранилась норма, в соответствии с которой моряки могут составлять завещание с 14-ти лет, в таком же возрасте допускается составление завещание гражданами Испании; Словении и Черногории - с 15-ти, во Франции, ФРГ, Сербии и Хорватии с 16-ти, в Швейцарии - с 18-ти.

По общему правилу в России завещание может быть совершенно дееспособным гражданином, т.е. при достижении 18-летнего возраста, при вступлении в брак до достижения восемнадцати лет, а также признании эмансипированным в установленном законом порядке.

Что касается содержания завещания, то в этом вопросе четко определяются различия между законодательством зарубежных стран и России. В соответствии с гражданским кодексом России в состав наследства не входят личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Вместе с тем, западное наследственное право допускает возможность включить в содержание завещания не только распоряжения, решающие судьбу имущества, но и, например, признание своего отцовства в отношении внебрачного сына, назначение несовершеннолетнему опекуна (ФРГ).

Таким образом, исходя из смысла данных законодательных норм, регулирующих наследственные правоотношения, у российского наследственного права и у наследственного права зарубежных стран имеются как общие черты, так и различия. Институт завещания, регулирование которого, как следует из изложенного выше, представляет собой достаточно непростой механизм, включающий различные понятия, категории. Вместе с тем, законодательство России более демократично раскрывает свободу завещания. Расположение норм о наследовании по завещанию в Гражданском кодексе РФ впереди правил по наследованию явно свидетельствует о желании законодателя поднять роль и значимость завещания для российского гражданина, повысить правовую грамотность, а также закрепление воли в определении судьбы своей собственности.

В. А. Меркулов
ст.преподаватель КГУ

ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Для общего успеха экономической реформы в стране жилищная реформа имеет ключевое значение. Осуществление жилищной реформы, направленной на решение жилищной проблемы в России, требует создания современной правовой базы.

Действующий ЖК РСФСР 1983 года не способствует развитию жилищной ре-

формы, поскольку противоречит действующему законодательству, в т.ч. и Гражданскому Кодексу РФ. В этой связи необходимо принятие ЖК РФ. Однако, несмотря на то, что проект ЖК РФ был опубликован еще 1994 году, его принятие неоправданно задерживается, что не может не сказаться на проводимой реформе.

Согласно ч.1 ст.40 Конституции РФ каждый имеет право на жилище. Однако это положение не следует рассматривать как обязанность государства предоставлять всем категориям гражданам на безвозмездной основе жилые помещения.

Россия провозгласила себя социальным государством и взяла на себя обязанность по обеспечению жилищем только тех граждан, которые в силу ограниченных возможностей не могут сделать это самостоятельно. Этот аспект нашел отражение в ч.3 ст.40 Конституции РФ, из которой следует, что малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Основной закон закрепил, что категория "иные граждане" должна устанавливаться Федеральными Законами и Законами субъектов Федерации. Поэтому целесообразно в ЖК РФ очертить круг граждан, которые имели бы основания для реализации подобного права. К ним прежде всего должны относиться инвалиды первой и второй группы, многодетные семьи, а также лица, имеющие особые заслуги перед отечеством, такие как ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны. При этом следует исходить из того, что малоимущие и "иные граждане" должны быть признаны нуждающимся в установленном законом порядке.

Думается, что уместно будет закрепить в ЖК РФ положение о том, что право на бесплатное получения жилья может быть реализовано только один раз. Это поможет исключить злоупотребления подобным правом со стороны отдельных граждан.

Действующий ЖК РСФСР (ст.90,99) предусматривает административное выселение из жилых помещений. Следует отметить, что данные нормы распространяют свое действие только на жилые помещения, расположенные в домах государственного и муниципального жилищного фонда. Ст. 90, 99 ЖК РСФСР были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 5 февраля 1993 г. N 2-П "По делу о проверке конституционности правоприменительной практики, связанной с судебным порядком рассмотрения споров о предоставлении жилых помещений; о проверке конституционности административного порядка выселения граждан из самоуправно занятых жилых помещений с санкции прокурора; о проверке конституционности отказа в возбуждении уголовного дела" признал не соответствующей Конституции РФ правоприменительную практику выселения граждан из самоуправно занятых жилых помещений в административном порядке только с санкции прокурора, без возможности последующего обращения в суд.

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 года "О практике применения судами жилищного законодательства" лица,

самоуправно занявшие жилые помещения в домах жилищно-строительных кооперативов либо в принадлежащих гражданам на праве собственности, а также самовольно вселившиеся в нежилые дома и помещения, подлежат выселению в судебном порядке. Поскольку в РФ признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, а также каждому гарантируется защита его прав и свобод, следует считать недопустимым включение в ЖК РФ положений об административном выселении лиц, самоуправно занявших жилые помещения.

Согласно ст.1 Закона РФ от 4 июля 1991 г. N 1541-1 "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации" приватизация жилых помещений - бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, а для граждан Российской Федерации, забронировавших занимаемые жилые помещения, - по месту бронирования жилых помещений.

Почти 13 лет действует Закон о приватизации, и с экономической точки зрения государство не в силах постоянно безвозмездно передавать в собственность граждан государственное и муниципальное жилье. (В развитых странах бесплатная приватизация занимала от 2 до 4-х лет). Думается, что данное право следует сохранить за гражданами, которым жилое помещение было предоставлено согласно нормам ЖК РСФСР.

Ст.15.5 Закона РФ от 24 декабря 1992 г. N 4218-1 "Об основах федеральной жилищной политики" предусматривает ответственность граждан за оплату жилья и коммунальных услуг. В случае, если оплата жилья по договору социального найма жилого помещения не осуществляется в течение шести месяцев, наниматель и проживающие с ним члены семьи подлежат выселению в судебном порядке с предоставлением им жилого помещения, отвечающего санитарным и техническим требованиям, в пределах норм площади общежития.

Однако при применении данной нормы встают как минимум три проблемы. Во-первых, следует ли применять данную норму в случае если наниматель и члены его семьи оказался в тяжелых жизненных ситуациях (болезнь, несчастный случай, причинения гражданину ущерба в результате противоправных действий других лиц, задержка заработной платы и т.д.). Ответ на этот вопрос следует дать отрицательный, поскольку в этом случае отсутствует вина нанимателя.

Во-вторых, если у неплательщика имеются несовершеннолетние дети. В этом случае, при выселении нанимателя и членов его семьи, в т.ч. несовершеннолетних детей, будут ущемлены жилищные права последних, что является недопустимым.

В-третьих, куда подлежит переселению наниматель и члены его семьи. Обращаясь в суд с подобным иском, необходимо указывать жилое помещение, куда подлежит переселению наниматель и члены его семьи. Видимо, законодатель имел ввиду наличие специального жилищного фонда, предназначенного в т.ч. и для подобных ситуаций. Однако либо подобный жилищный фонд отсутствует, либо в бюджете нет денежных средств на его возведение. (На 1 января 2004 года

в судах Курганской области не рассматривалось ни одного дела по выселению нанимателя и членов его семьи из жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, в связи с отсутствием оплаты жилья и коммунальных услуг на срок свыше шести месяцев).

Несмотря на все трудности, в ЖК РФ необходимо закрепить положение ст.15.5 Закона "Об основах федеральной жилищной политики", но с более корректной формулировкой.

И.П. Харламов
ст. преподаватель КГУ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И ДОГОВОРА ПОДРЯДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Несмотря на демократические свободы в условиях перехода к рыночным отношениям в РФ, до настоящего времени проблемой является динамика снижения экономических показателей отраслей народного хозяйства, уровня жизни большинства населения.

В результате реформ возникла структурная бедность - постоянное состояние значительной части населения, это социальная проблема, не связанная с личными качествами и трудовыми усилиями людей [1].

Вместе с другими экономически важными отраслями народного хозяйства строительство, включая подрядные работы заказчикам, в том числе и государственным, бюджетным юридическим лицам, не говоря о частнопредпринимательской деятельности, вносит существенный вклад в устойчивость дальнейшего проведения реформ.

Действительно, строить в Российской Федерации необходимо, несмотря на резкое снижение в соотношении темпов выполнения строительно-подрядных работ[2].

Правовая основа - юридически обоснованные и законные договора подряда. В прежнем гражданском кодексе РСФСР это регулировалось ст. 350-367 (подряд), ст. 368-372 (подряд на капитальное строительство).

Отличия плановой экономики от рыночной существенно повлияли на диспозицию норм права, так в ст. 371 ГК РСФСР устанавливалось, что сумма неустойки (пени), уплаченная подрядчиком за нарушение сроков выполнения отдельных работ, возвращается подрядчику в случае окончания всех работ по объекту к установленному договором конечному сроку. Обратим внимание на обязательный возврат неустойки, в окончании указанной статьи абстрактно записано "к установленному договором конечному сроку". Если это новый по согласованию сторон срок, тогда все логично, если же к прежнему сроку, в случае окончания всех работ, тогда возникает вопрос: реально ли это?

На практике это практически невозможно, поскольку невыполнение части

работ по подряду немедленно "тормозило" итоговый срок сдачи объекта.

В действующем гражданском кодексе РФ (ч. II, ст. 702-726, подряд) законодатель своеобразно подошел к обязательственным правоотношениям сторон (ст. 717 ГК РФ) и предусматривает отказ заказчика от исполнения договора подряда. Если иное не предусмотрено договором подряда, заказчик может в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора.

Заказчик также обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за всю выполненную работу. Таким образом, обязательные условия этой нормы исходят:

1. По нормативу высшей юридической силы - односторонний отказ заказчика, при условии если иное не предусмотрено договором, т.е. когда в условиях подряда указано на юридическую невозможность досрочного расторжения…
2. Обязанность уплаты части цены (весь вопрос, как ее считать на практике при наличии локальных смет, неустойчивости ценообразования рыночных строительных материалов и т.п.).
3. Получение извещения подрядчиком от заказчика об от отказе от работ, естественно, в письменной форме, зарегистрированной в надлежащем порядке, как возможное доказательство на случай спора сторон.

Вместе с тем, законодатель из всего раздела договор подряда ввел только один раз в норме ГК РФ конкретные санкции (ст. 756): сроки обнаружения ненадлежащего качества строительных материалов, применением ст. 724, п. 1-5, ст. 724, п. 2,4, при определенном сроке обнаружения недостатков - пять лет. Правда, не указано, с какого времени отсчета применять этот срок. Возможные варианты: с даты заключения сделки сторонами, с момента отказа от дальнейшего исполнения договора подряда. Проблемным является, по нашему мнению, на практике п. 4, ст. 724 "Сроки обнаружения ненадлежащего качества результатов работы".

В случае практического и юридического спора сторон длительное время занимают экспертные проверки и выводы по так называемому ненадлежащему качеству выполненных работ, а это дополнительные сроки, при несогласии другой стороны, повторные экспертизы и т.п.

Законодатель не включил отдельно в норму права строительного подряда обязанность по компенсации дополнительных убытков за счет средств сторон или стороны.

В гражданском праве применяется понятие "договор-соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей" (ст. 420 ГК РФ). В то же время обязательство - это определенное действие, которое одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора), а последний имеет право требовать от должника исполнения обязанности. Такими действиями может быть… выполнение работы… (в контексте данной статьи). Значит, юридически по содержанию правоотношений

договор подряда - это обязательство, письменное, двух или многостороннее… Но тогда, по содержанию ст.310 ГК РФ, не допускается односторонний отказ от исполнения обязательства, за исключением случаев, предусмотренных законом, в то же время… односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и одностороннее изменение условий такого обязательства (?!) допускается также в случаях, предусмотренных договором, если иное не вытекает из закона или существа обязательства. Коллизия при стилистическом повторении и противоречие окончания ст. 310 очевидна.

Известно, что в условиях рыночной экономики стабильное ценообразование отсутствует, часто хозяйственные споры сторон возникают по вопросам оплаты предварительной (по локальным сметам), т.е. до полного завершения всего объема строительного подряда.

Является ли это существенным условием для юридически обоснованного расторжения договора подряда в строительстве?

В силу ст. 450 "Основания изменения и расторжения договора" рассмотрим п. 3: "В случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законом или соглашением сторон, договор считается соответственно расторгнутым или измененным". Но по ст. 451 изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельства (п.4) из обычаев делового оборота или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Проблематично применяется на практике ст. 453 п. 2: "При расторжении договора обязательства сторон прекращаются", содержание императивное по юридической конструкции, но в то же время в подрядных правоотношениях сторон применяется как исключительная мера консервация строительства, в ст. 752 ГК РФ указана возможность приостановления работ…, однако нельзя сделать прямой вывод в этом случае - применима ст. 453 п. 2 или нет. Здесь по нашему мнению необходимо существенное дополнение в норму права. Не указаны в содержании статьи правовые гарантии в отношении субподрядчиков при консервации строительного объекта.

При расторжении договора в судебном порядке обязательным условием является соблюдение сторонами процедуры досудебного урегулирования спора. Это детально законом не регламентировано [3] и отмечается многими цивилистами.

Диспозиция ст. 452 п. 2 установила, что стороны вправе предъявлять в суд требование о расторжении договора только после получения отказа другой стороны на предложение расторгнуть договор либо после неполучения ответа в срок, указанный в предложении или установленный законом или договором, а при его отсутствии в тридцатидневный срок.

Но одно дело, когда убытки реальные, фиксированные определенной ценой, например, вещи, недвижимости, и совершенно другое, когда объект строительный, незавершенный в связи с расторжением договора подряда одной сторо-

ной. В последнем случае реальный ущерб может нарастать в течение тех же 30 дней юридического ожидания отзыва на претензию. Считаем, что есть юридическая целесообразность применения в практике договорных подрядных правоотношений сторон, так называемого правила "молчаливого акцепта" применяемого в развитых экономических странах: когда при направленной оферте другой стороне в течение тех же 30 дней нет ответа, то сделка юридически считается оформленной… По крайней мере, к этой договорной правовой дисциплине надо стремиться в процессе невыполненного подрядной организацией обязательства.

Юристы подчеркивают " …право подрядчика отказаться от договора" [4]. Но тогда возникают реальные трудности "долгостроя", поскольку еще в советское время бригады наемных работников по договору строительного подряда с заказчиком нередко исполняли наиболее высокооплачиваемые строительные работы (по утвержденным расценкам плановой экономики). Обычно это фундамент, стены… более мелкие работы были невыгодны и строительные работы прекращались… Кто же будет доделывать то, что мало оплачивалось по видам строительных работ после этого?! Отсюда и незавершенные "строительные объекты", которые нередко годами амортизировались раньше, чем их продолжал достраивать впоследствии другой подрядчик. К сожалению, нынешний ГК РФ не предусматривает обязательность выполнения подрядчиком всего объема согласованных строительных работ. Таким образом, подобный вышеуказанный подход вновь повторяется на практике с реальными отрицательными последствиями.

Значит, действующее гражданское законодательство (ГК РФ) не поддерживает экономически и юридически полную договорную дисциплину сторон в строительном подряде.

Дополнительно отметим, что в советское время на практике применялись так называемые типовые договора строительного подряда.

Аналогично дано содержание новеллы и по заключению сторонами государственного контракта на строительный подряд.

По содержанию "выполнение определенных работ по заданию заказчика" (ГК РСФСР 1964 г.) в действующем гражданском кодексе, как подчеркивают составители справочника юриста, признается сутью подряда не сами работы, а "достижение результата работ" (по смыслу ст. 702 п. 1 ГК РФ) (5)

Авторы не совсем точно акцентируют свой вывод, поскольку речь в статье идет о том, чтобы "сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его".

На наш взгляд, неудачный стиль изложения не позволяет однозначно применить диспозицию нормы, поскольку обобщенное смысловое понятие "результат" может быть как положительным так и частично отрицательным (недоделки по различным причинам или низкое качество выполненной работы…). Но тогда получается известное несоответствие по юридической конституции статьи в этой части, поскольку ГК РФ предусматривает одностороннее прекращение договора подряда.

Введение в гражданско-правовой оборот термина "иждивение подрядчика"

при выполнении работы его силами, средствами, материалами считаем неудачным по абстрактному толкованию нормы права.

Гражданское законодательство РФ не конкретизирует и не раскрывает содержания понятия "его силами".

Если это штатные работники, например, подрядовой организации - строительной юридической проблемы нет. Но если временно принятые по неподрядному договору, а на основании другого гражданского договора? Считаем, что в этой части реализация нормы права вступает в коллизию.

По общему правилу, если исходить из определения подряда в новом гражданском кодексе не как работы вообще, а как результата работы, с того момента, когда принял ее от подрядчика, заказчик становится собственником вещи. Это юридически обоснованно. Но когда в силу объективных причин заказчик проплатил не всю согласованную сторонами сумму сразу, а впоследствии, например: по частям, как будет решаться вопрос, на практике связанный с риском случайной гибели, порчи вещи, недвижимости и т.п.? Возможна ли в этом случае солидарная ответственность сторон или нет с учетом особенностей договора подряда?

Объективность выводов будет зависеть от того, в какой момент заказчик становится собственником самого предмета подряда [6].

Нельзя согласиться с выводом авторов, что "по смыслу ст. 709 ГК РФ цена работы не является существенным условием договора", по мнению юристов - это связано с применением в определенных случаях отсылочной нормы - ст. 424 п. 3 ГК РФ: "в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая по сравнимым обстоятельствам обычно взимается за аналогичные товары работы или услуги".

Как частный случай, по нашему мнению, суд при рассмотрении подобных споров сторон и при наличии разногласий обязан использовать экспертизу, но в данном случае - это также проблема по критерию цены, особенно в условиях инфляционной экономики РФ.

Таким образом, авторы справочника делают неверное толкование диспозиции указанной статьи и пункта, поскольку сама по себе отсылка к другой статье еще не является основанием, что цена работы не является существенным условием договора.

В коллективном исследовании "Договорное право" [7] исследователи обращают внимание на первоначальные юридические действия: когда стороны заключают договор, они должны согласовать его условия, которые определяют права и обязанности контрагентов.

Однако, наряду с этим, в силу заключенного ими договора они оказываются связанными такими правами и обязанностями, которые предусмотрены в законе. В казуистике изложения указанного содержания тогда необходимо установить разницу между понятием в содержании примененного исследователями термина "права и обязанности… закона" и "условиями договора". Юридически

условия договора - это тоже права и обязанности сторон, точнее, определенная часть, поскольку надо учитывать еще и предмет договора, дополнительные условия… Разница, на наш взгляд, по фиксированному уровню реализации вышестоящего нормативного акта (закона) применительно к договору.

Далее авторы исследования продолжают: в частности, имеются в виду такие права и обязанности, которые предусмотрены нормами, включенными в общую часть ГК, в общую часть обязательного права, в главы, посвященные соответствующему договору… при установлении определенных границ обязательности закона.

По нашему мнению, исследователи необоснованно сужают юридическую основу, подчеркивая: "в заключение следует отметить, что договор в его качестве сделки порождает определенные права и обязанности сторон".

Вызывает недоумение: почему только качество сделки, когда во внимание не принимается количественная сторона (объем и др. составляющие договора)? В отношении "порождает определенные права и обязанности" следует возразить: только при полном юридическом выполнении требований норм действующего законодательства РФ, в частности ГК РФ и др. подзаконных нормативных актов и при условии, что отсутствуют коллизии в этом случае. Сложнее в этом рассмотрении вопроса говорить о пробелах в законодательстве, поскольку абстрактно-конкретное содержание (свобода договора) по существу дает неограниченное правовое поле применения [8].

Нельзя в полном объеме согласиться с авторами М.И. Брагинским и В.В. Витрянским, которые вводят в оборот необоснованную терминологию: "безусловным элементом служит весь массив императивных гражданско-правовых норм" [9].

По выводам исследователей, следует добавить, что при отсутствии других указаний в конкретном договоре стороны признаются согласившимися подчинить свои отношения нормам диспозитивным, а также квазинормативным регуляторам в виде деловых обыкновений, сложившейся между сторонами практики.

Но ведь в указанном контексте уже имеется противоречие, ибо "указание" в договоре не может быть выше вышестоящей императивной нормы.

Массовое развитие предпринимательства в РФ (90-е годы XX века) естественно исходило из договорных правоотношений сторон. На практике весьма проблематично и, к сожалению, не на надлежащем уровне юридической техники, не говоря уже о противоречивых отдельных пунктах содержания проходила реализация.

Так, в целях получения более высокого дохода нарушались требования гражданского законодательства, появилось немалое количество фиктивных, мнимых, незаконных сделок, в том числе и по вопросам строительного подряда.

Парадоксом является, что в условиях правового государства (ст. 1 Конституции РФ) нарастают ничтожные сделки [10].

По нашему мнению, это отрицательное явление в немалой степени зависит от отсутствия правового всеобуча для предпринимателей со стороны официальных государственных органов, разовые попытки которого предпринимались

юристами в первые годы перестроечного процесса в России.

Фактический пробел этого как частичное решение проблемы "заполняют" массовые тиражи "образцов форм договоров"…

При исследовании юридического содержания следует обратить внимание на почти полное отсутствие по тексту прилагаемых договоров ссылки на конкретные нормативные акты, особенно статьи гражданского кодекса РФ. Кроме того, в отдельных пунктах и статьях имеются противоречия по контексту содержания и даже несоответствие отдельным нормам федерального законодательства.

В сборнике типовых договоров [11] (автор Т.А. Стяжкина) при анализе раздела договора подряда, строительного подряда, в предложенных для использования на практике образцах ссылка на норматив дана только в 2-х случаях.

В частности, в тексте одного из образцов договора подряда дана искаженная односторонняя запись - в п. 2.3 заказчик вправе в любое время до сдачи ему результатов работы отказаться от исполнения настоящего договора… Но ведь в той же ст. 717 ГК РФ ч. 2 говорится в другом смысле, если иное не предусмотрено договором подряда… Далее "об уплате части и установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора".

Даже в этой "части" противоречия весьма существенны.

Трудно понять юридическую логику п. 2.3 этого же образца договора: "…заказчик вправе в любое время (!) даже когда никого нет (?!!) проверять ход и качество работы, выполняемой подрядчиком, не вмешиваясь в его деятельность (?!)" Но ведь проверка-это фактически тоже определенное вмешательство…

Существенно то обстоятельство, что во всех предложенных образцах договоров не прописана совсем ответственность за соблюдение техники безопасности, противопожарной безопасности т.д. [12].

Предложенный в сборнике типовой договор подряда на строительство, заключаемого между заказчиком и строительной подрядной организацией, утвержденный Распоряжением первого зам. премьера правительства Москвы от 26.08.1993 года №1603-РЗП [13], также не включает вышестоящую ссылку на действующий гражданский кодекс РФ, нет ни одной нормы по тексту, отсутствуют по содержанию договора ссылки на составление сметы, в том числе локальные и строительные нормы и правила (СНиПы). В тексте не указаны правовые основания деятельности подрядчика (правоустанавливающие документы, лицензия и т.д.)

По заголовку "типовой" договор имеется превышение полномочий компетенции утвердившего его руководителя (подробнее см. статья Харламова И.П. в сборнике [14]).

В этой части сравнения в указанном выше сборнике юридически обоснован заголовок "Примерная форма договора строительного подряда" (приложение №3 к инструкции утвержденной приказом Министра обороны РФ от 21 апреля 1997 года, №150) [15].

Содержание п. 3.6 типового договора (см. выше) не соответствует действующему законодательству РФ, поскольку предусматривается "нести ответствен-

ность перед заказчиком за надлежащее исполнение работ по настоящему договору привлеченными субподрядчиками, за координацию их деятельности".

Но в данном тексте договора (см. преамбулу и др. разделы) о правах и обязанностях субподрядчиков вообще ничего не говорится, возможно ли требовать то, чего совсем нет?!

При условии введения в текст данного договора третьего лица или лиц (субподрядчик) это было бы правомерно, или, как вариант, ссылка на другой заключенный сторонами (подрядчик - субподрядчик) договор, при условии записи единого хозяйственного правового направления деятельности. Кроме того, неясно, что вкладывает автор типового договора в понятие "координация". Данная постановка вопроса в заключении пункта 3.6 не имеет юридической значимости и соответственно обоснования (доказательства) на случай арбитражного спора сторон [16].

В журнале "Хозяйство и право" (№10 за 2003 г.) доктор юридических наук И. Фаршатов обращает внимание на несоответствие в условиях инфляции объективно в силу ст. 746 ГК РФ и ст. 709 ГК РФ нормативно применяемых в договоре строительного подряда понятий "смета" и "договорная цена".

Автор статьи подчеркивает: смета "не превращается" в договорную цену, она остается сметной стоимостью всего объема предстоящих подготовительных, строительных, строительно-монтажных, иных работ на основе проектно-сметной документации.

Подрядчик и заказчик при заключении договора устанавливают договорную цену с ориентиром, как правило, на смету, итоги подрядных торгов и изменения цен на материалы, оборудование, услуги.

Очевидно, что редакция ст. 746 ГК РФ, устанавливающая оплату работ "в размере, предусмотренном сметой…", не соответствует сложившейся практике определения стоимости работ по строительному подряду, подчеркивает И. Фаршатов.

Здесь при объективности проблемы следует возразить, что в содержании основной сметы возможно юридическое действие заранее согласованных сторонами локальных смет, содержание которых в суммарном итоге и корректирует выполнение объема подрядных работ.

Кроме того, в разделе "условия договора" возможно указать сумму на оплату (подрядчику) при условии полного выполнения локальных смет (неотъемлемой части указанного договора), естественно, согласованного сторонами.

Нельзя согласиться с выводом автора, что "противоречит рыночной системе определения стоимости работ по подряду" и редакция ст. 709 ГК РФ [17].

В этом случае надо не брать во внимание другие нормативные акты (ведомственные), кстати сам же автор статьи указывает на них [18].

Другой вопрос, что часть из них не действует, значит надо вводить и своевременно другие обоснованные рекомендации (местные, ведомственные нормативы).

По нашему мнению, нельзя признать полностью юридически обоснованным вывод, что "отказ судом в оплате из-за отсутствия договора (речь идет об

арбитражном решении, где суд не принял во внимание наличие вместо указанного договора - административного акта) является необоснованным и непоследовательным" [19].

По содержанию ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из актов госорганов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве возникновения правоотношений.

Доводы И. Фаршатова не вполне убедительны, поскольку местное самоуправление (издание нормативных актов) регулируется муниципальным и административным правом, но не гражданским, хозяйственным.

Основание возникновения правоотношений - это еще не само содержание правоотношений.

Мнение автора, реализованное на практике по арбитражному спору общества с ограниченной ответственностью с администрацией города, "удовлетворенное" по основаниям И. Фаршатова, приведет к коллизии указанных норм права и необоснованной подмене.

Незнание закона, как известно, и в этом арбитражном примере не освобождает от ответственности.

Общепризнанно, что практически все нормативные акты носят комплексный характер, т.е. содержат нормы, регулирующие отношения, входящие в предмет различным отраслей права. Справедливо отмечается по нормативным актам, где используются нормы различных отраслей.

В таком случае определить их отраслевую принадлежность невозможно, но установить правовую природу отдельной нормы путем анализа ее возможностей регулирования… не представляет значительной сложности [20].

Необходима качественная разработка вышеуказанных, по нашему мнению, комплексных нормативных актов, в том числе применительно к деятельности органов местного самоуправления.

Подводя некоторые итоги, в целом необходимо признать актуальной проблему совершенствования отдельных статей ГК РФ в отношении договора подряда.

Список литературы

1.См.: Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2001 г. -М.: Алгоритм, 2001.
2.Там же, с. 254-271.
3.Андреев С.Е., Сивачева И.А., Федотова А.И.. Договор (заключение, изменение, расторжение): Учебно-практическое пособие. - М.: Проспект, 1997, -С. 85.
4.Там же, с. 143.
5.Гусев О.Б., Завидов Б.Д., Слюсаренко М.И. Справочник юриста. Противоречия законодательства. - М.: Экзамен, 2002. -С. 206.
6.Там же, с. 209.
7.Брагинский М.Н., Витрянский В.В. Договорное право (общие положения). Кн.1. -М.: Статут, 2001.
8.Гражданский кодекс РФ Ч. I, (см. ст. 421 ГК РФ) -М.: Юридическая литература, 1995.
9.Брагинский М.Н., Витрянский В.В.. Договорное право (общие положения) К.-1. -М.: Статут 2001. -С. 19-20.
10.Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ.-1996. -№3. -С. 102.
11.Сборник типовых договоров (автор Т.А. Стяжкина). - Изд. 2-е, перераб. и доп. -М.:

Экзамен. 2002.
12.Там же, с. 245-246.
13.Там же, с.253.
14.Харламов И.П. Проблемные вопросы договорных правоотношений. //Юридическая наука и практика: вопросы теории и истории. -Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2002.-С.41.
15.Сборник типовых договоров (автор Т.А. Стяжкина). Изд. 2-е перераб. и доп. -М.: Экзамен,2002, -С. 287.
16.Там же, с. 254.
17.Хозяйство и право. -2003. - № 10. -С. 31.
18.Там же, с. 32.
19.Там же, с. 36-37.
20.См. Гражданское право: Учебник /Под редакцией А.Г. Калпина, А.И. Масляева.-М., 1997. Ч.I. -С. 11.; Гражданское право: Учебник /Под ред. Е.А. Суханова. - М., 1998. -С. 62.

Е.М. Сибиряев,
зам. начальника отдела юридической экспертизы
и федерального регистра Управления Министерства юстиции РФ
по Курганской области

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАБОТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МИНЮСТА РОССИИ

Одной из основных задач государства федеративного типа является поиск и реализация необходимого соотношения независимости субъектов федерации (реализации их конституционных полномочий) и их же ограничения в целях обеспечения единства федерации в целом.

Трудно представить более значимый для единства федерации и более субъективный для его оценки общественный институт, чем право. В настоящее время, по данным Минюста России, в Российской Федерации действует около 133 тысяч нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, из которых более 1800 актов не соответствуют федеральному законодательству. Представляется очевидным, что различное правовое регулирование наиболее важных сфер общественных отношений в пределах одного государства способно привести к деструктивным процессам, а накопление критического уровня подобных актов может привести к угрозе целостности самой Российской Федерации.

В соответствии с действующим законодательством, одним из федеральных органов государственной власти, уполномоченным осуществлять контроль за обеспечением единства правового пространства Российской Федерации, является Минюст России.

Наработанная практика территориальных органов Минюста России позволяет выделить три основных фактора, обусловливающих развитие негативных тенденций в нормотворческом процессе субъектов Российской Федерации:

первым и, пожалуй, определяющим фактором является несовершенство

федерального законодательства, в том числе и Конституции Российской Федерации, выражающееся в недостаточно четком, а зачастую и содержащим внутренние противоречия, разделении предметов исключительного ведения федерации и предметов совместного ведения федерации и ее субъектов. К указанной проблеме можно отнести и значительный объем устаревших, но продолжающих действовать федеральных нормативных правовых актов, определяющих компетенцию органов государственной власти субъектов федерации.

При проведении юридической экспертизы регионального нормативного правового акта эксперт достаточно часто сталкивается с ситуацией, при которой соотношение общих и специальных норм федерального законодательства фактически подменяет прописанные в Конституции Российской Федерации вопросы исключительного ведения федерации вопросами совместного ведения федерации и ее субъектов. Особенно ярко такие ситуации отслеживаются при экспертизе региональных нормативных правовых актов, комплексно регулирующих сразу несколько сфер общественных отношений, часть из которых отнесена к исключительной компетенции федерации, а часть - к совместному ведению.

Так, например, при проведении юридической экспертизы регионального нормативного правового акта, регулирующего деятельность федеральных органов государственной власти на территории действия режима пограничных зон, мы отмечаем, что вопросы деятельности федеральных органов государственной власти отнесены Конституцией Российской Федерации к исключительному ведению федерации, а вопросы установления режима пограничных зон отнесены к совместному ведению федерации и ее субъектов. Если дополнить данное условие, во-первых, положениями Закона Российской Федерации от 01.04.1993 г. № 4730-1 "О государственной границе Российской Федерации", определившего, что субъектный состав, на который распространяется действие режима пограничных зон, устанавливается органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, а, во-вторых, достаточно широким перечнем федеральных актов, определяющих полномочия федеральных органов государственной власти, нетрудно представить сложность работы эксперта и неоднозначность правовых позиций по решению указанного вопроса.

Решение указанной проблемы заключается в тщательной ревизии системы федеральных нормативных правовых актов с целью исключения существующих правовых коллизий, а также установления жесткой системы разделения предметов исключительного ведения федерации и предметов совместного ведения федерации и ее субъектов;

вторым подобным фактором является стремление ряда субъектов Российской Федерации к распространению собственного правового регулирования на предметы исключительного ведения либо федерации, либо органов местного самоуправления. В целях соблюдения справедливости следует отметить, что в настоящее время, во-первых, подобное "умышленное" нарушение федерального законодательства выявляется не у всех субъектов Российской Федерации, а, во-вторых, выявленные нарушения очень редко носят откровенно антиконсти-

туционный характер и, как правило, связаны с рядом экономических, политических и социальных причин, присущих конкретному региону.

В подобном случае, когда противоречие регионального нормативного правового акта федеральному законодательству очевидно и спор о праве фактически отсутствует, территориальные органы Минюста России при отсутствии поддержки со стороны органов прокуратуры не имеют средств влияния на орган государственной власти субъекта Российской Федерации, допустивший принятие не соответствующего федеральному законодательству регионального нормативного правового акта. В сложившейся ситуации органы государственной власти субъекта Российской Федерации, не заинтересованные в исправлении ситуации, могут приводить региональный нормативный правовой акт в соответствие с федеральным законодательством в течение нескольких лет (и это не преувеличение), а территориальный орган Минюста России даже не может оспорить указанный акт в суде, поскольку не наделен подобными полномочиями.

В целом, рассматривая данную проблему, несомненно, позитивным решением было бы наделение территориальных органов Минюста России полномочиями по обращению в суд по оспариванию региональных нормативных правовых актов.

Определенного внимания требуют и случаи, когда принятие региональных нормативных правовых актов по предметам исключительного ведения федерации либо ведения органов местного самоуправления, вызвано не "парадом суверенитетов", а отсутствием какого-либо урегулирования общественных отношений на федеральном либо муниципальном уровне. Несмотря на принципиальные различия в мотивации принятия подобных региональных нормативных правовых актов, а основным мотивом в данном случае выступает, как правило, необходимость хоть какого-либо урегулирования общественных отношений, противоправная природа данных региональных актов не позволяет рассматривать их как исключение либо временную необходимость, так как подобная негативная практика недопустима в условиях правового государства, к построению которого мы стремимся.

Представляется очевидным, что в подобном случае органы государственной власти субъектов Российской Федерации не должны подменять полномочия федерации либо органов местного самоуправления, а обязаны приложить свои усилия для инициирования нормотворческого процесса на соответствующем уровне;

и, наконец, **третьим** фактором следует назвать отсутствие на территории Российской Федерации, а в ряде случаев и на территории конкретных субъектов федерации, единого методологического подхода органов государственной власти к процессу нормотворчества. Отсутствие указанного подхода приводит к тому, что, находясь в рамках одной национальной правовой системы, в силу целого ряда причин, в том числе и вследствие непрофессионализма участников нормотворческого процесса, органы государственной власти субъектов федерации используют различные правила юридической техники при построении норм права и их кодификации.

Нарушение правил юридической техники, неоднозначное использование юридических и иных терминов приводит не только к неоднозначности толкования конкретного регионального нормативного правового акта и зачастую, вследствие указанных нарушений, к признанию регионального нормативного правового акта не соответствующим федеральному законодательству, но и к усложнению системы законодательства субъекта федерации в целом.

Разрешить указанную проблему возможно путем подготовки и принятия на федеральном уровне рамочного нормативного правового акта, предпочтительно в форме федерального закона, определяющего само понятие нормативного правового акта, предъявляемые к нему требования, основные принципы и стадии нормотворческого процесса в субъектах Российской Федерации. Необходимо отметить, что, начиная с 1996 года, соответствующие проекты федеральных законов трижды поступали на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации, но до настоящего времени подобный акт так и не был принят.

А. Ю. Емельянова
Научный руководитель - ассистент А. А. Грибанова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДОЧЕРНЕГО И ЗАВИСИМОГО ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Появление в российском законодательстве правовых конструкций дочернего и зависимого хозяйственных обществ является результатом поиска путей наиболее эффективного управления капиталами. Эта задача представляется поистине актуальной в условиях процессов интеграции предприятий и организаций, концентрации финансового капитала и промышленного потенциала, происходящих в экономике России. Юридическая доктрина выделяет дочерние и зависимые общества с целью отследить факт возникновения экономической зависимости, проявляющейся в возможности основного хозяйственного общества (товарищества) влиять на волеизъявление дочернего (зависимого) хозяйственного общества. Во избежание нарушений прав и законных интересов обществ и их участников, находящихся в меньшинстве при принятии решений, правовое положение дочернего и зависимого обществ нуждается в чёткой детерминации на законодательном уровне.

Общие положения о дочерних и зависимых обществах содержатся в Гражданском Кодексе РФ, по смыслу статей которого предполагалось, что эти нормы будут более конкретно развиты в законах о хозяйственных обществах. Однако формулировки вышеуказанных законов практически повторяют положения ГК РФ, вследствие чего исследуемые субъекты хозяйственных отношений не получают должного правового регулирования. В этой связи считаем целесообразным рассмотрение наиболее спорных моментов правовой детерминации статуса дочернего и зависимого обществ.

П. 1 ст. 105 ГК РФ определяет, что хозяйственное общество признаётся дочер-

ним, если другое (основное) общество или товарищество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключённым между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом. Тогда как зависимое хозяйственное общество, согласно п. 1 ст. 106 ГК РФ, определяется по формальному критерию - принадлежности более 20% голосующих акций акционерного общества или 20% уставного капитала общества с ограниченной ответственностью другому (преобладающему) обществу.

В соответствии с действующим законодательством, стороной, осуществляющей контроль над дочерним или зависимым обществом, может быть как хозяйственное общество, так и товарищество. Однако, если в качестве лица, контролирующего хозяйственное общество, выступает не хозяйственное общество или товарищество, то это не означает, что такое лицо не имеет возможности определять решения хозяйственного общества, а означает только, что предпринимательское объединение с иным составом субъектов не регулируется законодательством. В подобной ситуации невозможно в должной мере защитить права дочернего общества. Поэтому в целях совершенствования правового регулирования отношений экономической субординации юридических лиц необходимо учитывать наряду с прямым участием и косвенное участие определённых лиц в уставном капитале общества через подконтрольных им участников (акционеров).

Преобладающая доля участия в уставном капитале хозяйственного общества является легально сформулированным признаком дочернего хозяйственного общества. Но этот признак понятийно не определён в законодательстве, что вызвало появление многих теоретических юридических трактовок данного положения. Преобладающая доля участия в уставном капитале дочернего общества - это такая доля участия основного общества, при которой решение органов управления дочернего общества заведомо не может быть принято, если голоса основного общества поданы против соответствующего решения. Дочернее общество обязано принимать решения, необходимые основному обществу. Понятие "преобладающая доля участия в уставном капитале" применительно к акционерному обществу идентично понятию контрольный пакет акций, то бишь совокупность голосующих акций общества, позволяющая определять принимаемые общим собранием решения. Практика свидетельствует, что для определяющего влияния на решения, принимаемые дочерним хозяйственным обществом, не всегда требуется наличие более половины всех акций. Так, при наличии привилегированных акций в количестве до 25% уставного капитала контрольный пакет акций мог составлять лишь 38% голосующих акций общества. Как это ни прискорбно, но в действующем законодательстве цифровое выражение преобладающей доли в уставном капитале сформулировано нечётко, что предоставляет возможность самостоятельно на практике разрешать вопросы правовой квалификации тех или иных спорных ситуаций.

Многими авторами выделяется проблема неопределённости в законе переч-

ня решений, возможность влияния на которые позволяет говорить о возникновении статуса основного общества на основании участия в капитале. По смыслу закона, даже если акционер имеет возможность влиять на одно решение общества, он уже может быть признан основным обществом по отношению к данному обществу. Тогда как наличие 20% уставного капитала позволяет влиять на принятие далеко не всех решений дочернего (зависимого) общества.

Считается, что понятие зависимого общества важно, ибо закон обязывает преобладающее общество незамедлительно публиковать сведения о приобретении 20% уставного капитала иного общества. Выделение зависимого общества только по данному критерию нецелесообразно, так как обязанность публиковать сведения о приобретении акций можно предусмотреть, не определяя понятия зависимого общества.

Зависимые общества нередко взаимно участвуют в уставных капиталах друг друга, при том доли их участия не обязательно должны быть равными. Тогда как одинаковые размеры долей в уставном капитале препятствуют возникновению одностороннего влияния одного общества на другое. Пределы взаимного участия в уставных капиталах друг друга и число голосов, которыми одно из таких обществ может пользоваться на общем собрании участников другого общества, должны быть определены только законом. Имеющиеся же в действующем законодательстве нормы, касающиеся крупных сделок и заинтересованности в совершении сделок (гл. X, XI Закона об акционерных обществах и ст. 45, 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), смысловой привязки к институту дочерних и зависимых обществ не получили.

В отличие от зависимого общества, дочернее общество, помимо преобладающей доли участия в уставном капитале, может возникнуть и на основании договора между основным хозяйственным обществом и дочерним. Теоретически это могут быть любые, не противоречащие закону договоры. С этим можно было бы согласиться, но к такому типу зависимости, условно называемому "договорной зависимостью", можно будет отнести практически все договоры общества, содержащие обязательства его контрагентов. Отсутствие законодательно закреплённой грани неизбежно будет приводить к правонарушениям, в том числе в сфере антимонопольного законодательства. В этой связи представляется необходимым дополнить диспозиции статей законодательных актов, содержащих положения о дочерних обществах, перечнем юридических критериев условий "договорной зависимости", при которой отношения "основное общество - дочернее" могут возникнуть.

Законодатель закрепляет также и третий признак дочерней зависимости, так называемую фактическую зависимость, когда основное общество имеет право "иным образом" определять решения, принимаемые дочерним обществом. Действующее законодательство не даёт необходимого уточнения "иной возможности лица определять решения другого хозяйственного общества", что не позволяет отграничить связь дочерней зависимости юридических лиц от многочисленных правоотношений, складывающихся в процессе хозяйственной дея-

тельности юридических лиц и возникающих в её ходе отношений "кредитор - должник".

В заключение следует отметить, что, несмотря на законодательное закрепление определения дочернего и зависимого обществ, их взаимодействия с основным обществом, данные положения требуют дальнейшего совершенствования по пути их детализации и коррекции формулировок.

Е.А. Петрушина,
канд.юр.наук, доцент, КГУ

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРАВ ЖЕНЩИН

Взаимодействие конституционного и международного права не может не иметь своих особенностей.

В наше время усиливается влияние международного права и на конституционное право. Оно со значительной полнотой определяет содержание центральных положений конституционного права, а именно норм о правах человека. Соответствующая роль международного права находит признание в конституциях, многие из которых устанавливают, что права человека определяются в соответствии с международным правом.

Как подчеркивает Г.И.Тункин, международные нормы о правах человека рассчитаны на то, что они будут осуществляться через внутреннее право отдельных государств, с учетом их социально-экономического строя [25]. Именно нормы внутригосударственного права, и прежде всего конституционного права как его основополагающей и ведущей отрасли, непосредственно регулируют субъективные права и обязанности граждан.

Соответственно тому, как конституционное право регулирует внутриполитические и внешнеполитические отношения государства (факт, подтвержденный законодательством и научной литературой) [22], имплементация международных норм о правах человека охватывает деятельность государства, ее механизмы в обеих этих сферах общественных отношений, в ходе которой государство создает как международные, так и внутригосударственные гарантии уважения прав человека.

Конституционное право, служащее средством имплементации международных норм о правах человека на уровне основных (конституционных) прав и свобод личности, осуществляет свою функцию с учетом закономерностей, взаимосвязей и взаимодействий систем международного и внутригосударственного права. Если внутригосударственное право регулирует внутренние общественные отношения по поводу свободы и ответственности личности, непосредственно определяя права и обязанности граждан, то конституционное право регулирует взаимоотношения личности и государства, устанавливая ее основные пра-

ва и обязанности, которые находятся в органическом единстве [2]. Основные права и обязанности личности служат юридическим фундаментом ее правового положения в государстве. Отсюда становится ясным, что уровень конституционной имплементации международных норм о правах человека является достаточно точным показателем действительной степени реализации этих норм в национально-правовой системе государства [1]. Здесь автор не может согласиться с Витруком Н.В., поскольку считает, что закрепление в Конституции общепризнанных прав и свобод человека далеко не всегда отражает на практике их полное и безоговорочное исполнение.

Пожалуй, автор скорее согласится с Лукашуком И.И., считающим, что конституционная имплементация международных норм о правах человека в условиях различных общественных систем не только имеет различный характер, но и приводит к различным практическим результатам [21].

В данной статье будут проанализированы конституции государств Европы, стран СНГ, Балтии, ряда американских государств, рассмотрено, как закреплены права женщин в основном законе самых разных стран, принадлежащих к различным правовым системам, и имеющих большое количество отличий в культуре, национальных традициях и обычаях. Начнем характеристику с наиболее развитых стран Западной Европы.

В послевоенных конституциях стран Западной Европы заметно усиление социальной ориентации. Включение в конституционные акты статей, посвященных правам граждан в социально-экономической и культурной сфере, особое внимание законодателя к регламентации основных институтов гражданского общества (Италия, Испания, Португалия, Греция и др.) явились результатом острой политической борьбы партий, представляющих интересы основных социальных групп населения. Следствием упомянутых процессов стала социальная направленность обширного блока законодательства, связанного с реализацией прав и свобод человека и обеспечением конституционных гарантий их соблюдения. Однако, не всякая "прямолинейность" дает адекватные результаты. Так, получившая распространение в первое послевоенное десятилетие доктрина "государства благоденствия", предполагающая активные властные функции государства в обеспечении гражданам достойного жизненного уровня, затем, в период экономического спада конца 70-х гг., вынудила многие правительства пересмотреть свои задачи, а также взаимоотношения между государством и обществом [13].

Что касается закрепления прав женщин в Основном законе, оказалось, что достаточно подробно и развернуто они закреплены в конституциях Федеративной Республики Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Португалии, Украины, Бразилии, Белоруссии.

В частности, помимо общих положений, закрепляющих равноправие мужчин и женщин, запрет дискриминации, Конституция ФРГ [3] содержит положение о том, что брак и семья находятся под особой защитой государства, и что уход за детьми и их воспитание является естественным правом родителей и первейшей их обязанностью. П.4 ст.6 обеспечивает каждой матери право на защиту

и поддержку общества. Внебрачным детям обеспечиваются в законодательном порядке условия для физического и умственного развития, а также гарантируется положение в обществе наравне с детьми, родившимися в браке.

Аналогичное положение содержится в Конституции Греции [4], но там есть добавления: многодетные семьи имеют право на особую заботу государства, а женщины имеют право на равную оплату за равноценную выполняемую работу.

Достаточно подробно определены права женщин, особенно в сфере семейных отношений, в Конституции Ирландии [5]. Государство признает первенствующее значение семьи в воспитании и образовании детей, и вместе с тем берет на себя обязательство обеспечить бесплатное начальное образование, поддержку и помощь частному образованию, исходя из прав, гарантированных родителям.

Надо заметить, что до внесения в Конституцию в 1995 году поправки в Ирландии вообще было запрещено расторжение брака. Теперь оно стало возможным, но лишь при ряде условий, соблюдение которых проверяется судом, и когда это соответствует следующему: 1) на день возбуждения процедуры супруги жили отдельно друг от друга в течение в общей сложности... 5 предшествующих лет; 2) нет разумных перспектив примирения супругов; 3) учтены предписания, которые суд сочтет необходимыми в отношении обстоятельств…; 4) выполнены дополнительные условия, предписанные законом.

Государство признает, что женщина ее домашней жизнью оказывает государству поддержку, без которой нельзя достигнуть общего блага, и государство должно прилагать усилия к тому, чтобы матери не были вынуждены экономической необходимостью заниматься работой в ущерб их домашним обязанностям.

В Конституции сказано, что государство обязано в своих правовых предписаниях надлежащим образом учитывать различия в способностях, физических или моральных, и в социальной функции.

Интересным моментом кажется признание Конституцией права на жизнь нерожденного: государство защищает и поддерживает своими законами это право.

В ст.45 "Основные принципы социальной политики" закреплено, что государство должно направлять свою политику на обеспечение того, чтобы:

1) граждане (все - мужчины и женщины - в равной степени имеют право на соответствующие средства существования) могли посредством своих занятий найти средства для разумного обеспечения своих домашних потребностей;

2) государство должно прилагать усилия, чтобы силами и здоровьем работников, мужчин и женщин, подростков не злоупотребляли и чтобы граждане в силу экономической необходимости не были вынуждены заниматься тем, что не подходит для их пола, возраста и силы;

3) кроме того, государство обязывается при помощи специальных мер охранять экономические интересы слабых слоев общества и, когда необходимо, участвовать в поддержке слабых, вдовых, сирот и пожилых.

В конституциях Испании, Португалии, Италии также достаточно закреплены права женщин, но главным образом это касается брачно-семейных отношений.

В Основном законе Испании [7] отражено стремление законодателя опреде-

лить механизмы реализации и гарантии провозглашаемых прав и свобод.

Содержание правового статуса личности свидетельствует как с преемственности собственного конституционного опыта и опыта иных государств, так и о расширении объема прав и свобод за счет новых для западноевропейской конституционной практики явлений (право на защиту от использования компьютерных средств во вред интересам чести, семейной и личной жизни (п.4 ст. 18), право на благоприятную окружающую среду и заботу государства об улучшении качества жизни (ст.45), на защиту прав потребителей (ст.51), права на свободу получения и передачи достоверной информации (п.1 ст.20) [8].

В Конституции Португальской Республики достаточно тщательно регламентируются права и свободы граждан. Помимо провозглашения принципа равенства всех граждан перед законом, права на одинаковое общественное достоинство, права на индивидуальность, на доброе имя и хорошую репутацию и т.п., подробно регулируются вопросы брачно-семейных отношений.

Очень интересно, что в Конституции закреплено следующее: "Материнство и отцовство представляют собой выдающиеся общественные ценности". Пожалуй, можно смело сказать, что такое положение встречается только в Конституции Португальской Республики. Также закреплено право трудящихся женщин на особую защиту во время беременности и после родов, включая освобождение от работы на соответствующий период без потери вознаграждения или каких-либо выгод.

Особенностью данной Конституции является достаточно подробное закрепление прав трудящихся женщин, в частности, равенство возможностей в выборе профессии или рода трудовой деятельности без запретов и ограничений на основании пола для доступа к любым должностям, работе и профессии. "Все трудящиеся независимо от возраста, пола... имеют право на вознаграждение, соответствующее количеству, характеру и качеству труда, при этом соблюдается принцип равной оплаты за равный труд; государство обязано обеспечить специальную охрану труда женщин в период беременности и после родов, труда несовершеннолетних, лиц с ограниченной дееспособностью, а также занятых на особо тяжелой работе или работающих в условиях, связанных с загрязнением, повышенной токсичностью, вредных для здоровья или опасных для жизни".

Конституция Итальянской Республики также в достаточной степени демократична в закреплении прав женщин: здесь присутствует принцип равенства, запрет дискриминации, моральное и юридическое равенство супругов в браке, право на равную оплату за равный с мужчиной труд, право на поддержку и социальное обеспечение.

О правах женщин вообще ничего не говорится, в частности, в Конституции Дании; в основных законах Австрии, Финляндии и Бельгии женщины вообще не выделяются и их права не акцентируются. Речь идет, например, только о праве избирать и быть избранными в качестве депутатов, направляемых в Европейский парламент от Республики Австрия, мужчин и женщин, которые к 1 января года выборов имеют полные 19 лет и обладают австрийским гражданством или

гражданством государства - члена Европейского Союза [9].

Конституции Королевства Нидерландов, Великого Герцогства Люксембург, Швеции, Финляндии содержат, как правило, основные права и свободы личности: право на равные права и свободы, свободу передвижения, право на доступ к государственной службе и на участие в выборах, право на свободное вероисповедание, свободы слова и прессы, право на объединение и проведение собраний, право на неприкосновенность личности, частной жизни, жилища и т.д. Стандартным является запрет на дискриминацию на основании убеждений, вероисповедания, политических взглядов, расы и пола и по другим причинам.

Можно сделать вывод, что во всех вышеперечисленных конституциях содержится широкий перечень прав и свобод гражданина, в основном аналогичный другим конституциям.

Что касается Конституции Французской республики [10], то она не содержит специального раздела, посвященного правовому положению личности.

В самом тексте Конституции 1958 года зафиксировано только равенство перед законом (ст. 1), свобода образования политических партий (ст.4), свобода личности (ст.66). Таким образом, большинство прав и свобод оказались за пределами собственно конституционного текста. Заслуга Конституционного совета состоит в том, что своими решениями он включил в конституционное право права и свободы, зафиксированные в Декларации 1789 года и Преамбуле Конституции 1946 года.

Обращаясь к пересмотренной в 1999 году Конституции Швейцарии, мы увидим, что на первое место в ней поставлены права и свободы швейцарских граждан, институт гражданства и социальные цели государства. В разделе 1 закрепляется фундаментальное положение об уважении и защите человеческого достоинства, а также закреплен в ст.8 второй важнейший принцип равенства, который распространяется на всех людей. Закрепление равенства между мужчиной и женщиной, согласно этой же статье, должно быть фактическим и по праву. На мой взгляд, это получило весьма своеобразное отражение в Основном законе. Во многих статьях введено дублирование одного и того же названия, должности применительно к мужчине и женщине. Например, "швейцарцы и швейцарки имеют право поселяться в любой стране" (ст.24); Конфедерация содействует укреплению связей, которые объединяют швейцарцев и швейцарок, находящихся за границей (ст.40); каждый швейцарский гражданин обязан служить в армии, а швейцарки это же могут делать на добровольной основе (ст.59) и т.д. В статьях 145, 162, 168 и 179 дважды упоминается должность Канцлера в мужском и женском роде, а в ст.31 - то же самое делается в отношении должности судьи. На мой взгляд, достаточно подробно в данной Конституции отрегулированы права семьи, детей, несовершеннолетних и других категорий населения в области социальной сферы и обязательств Конфедерации по социальному обеспечению. Конфедерация также берет на себя определенные обязанности, направленные на защиту семьи путем установления семейных пособий и страхования медицинских расходов, связанных с родами (ст. 116). Особенностью данной конститу-

ции является ст. 9, где закрепляется защита человека от злоупотреблений при зачатии с медицинской помощью и от генной инженерии. Для защиты человеческого достоинства, личности и семьи запрещена любая форма клонирования и любое вмешательство в генотипы гамет и человеческих эмбрионов; конкретно перечисляются те методы медицины, применение которых разрешается при определенных условиях.

Отметим, что подобные вопросы не регламентируются больше ни в одной конституции мира [11].

Конституция Японии установила, что "все люди должны уважаться как личности"; они должны быть равны перед законом и не могут подвергаться какой-либо "дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения". Что касается прав женщин в браке, то брак основывается на равенстве прав мужа и жены, и законы о браке должны основываться на принципе "личного достоинства и равенства полов" (ст.24). В основном Конституция содержит внушительный список традиционных прав и свобод, не акцентируя никакого внимания на каких-либо особенностях правового статуса женщин [12].

Если мы обратимся к Конституции Соединенных Штатов Америки, тс увидим, что напрямую правам женщин посвящена поправка XIX, которая предоставила женщинам право голоса. Несмотря на то, что США считается демократической страной, где в основном соблюдаются и защищаются права всех граждан, удивительным кажется тот факт, что была отклонена поправка о равенстве прав мужчин и женщин, предложенная второй сессией 92-го Конгресса 22 марта 1972 года. До этого она была одобрена Палатой представителей и принята Сенатом. Текст поправки начинается предложением: "Равенство в правах перед законом по признаку пола не может нарушаться или ограничиваться Соединенными Штатами или отдельными штатами" [13].

В целом права личности в Конституции США гарантируются Биллем о правах и другими последующими поправками, а не содержанием базового текста Основного закона. Масштаб системы конституционно-применительных нормативных актов США можно оценить только после ознакомления с многочисленными законодательными актами, а также судебными решениями, регламентирующими обеспечение прав и свобод личности. Думается, здесь вполне можно согласиться с А.А.Мишиным, утверждающим, что такая структура нормативного регулирования прав человека ничуть ни хуже любой другой конституции, где все основные права и свободы прописаны в тексте очень тщательно. Государственная практика Франции и США показывает достаточно высокий уровень обеспечения прав человека, что обеспечивается всей системой конституционно-правовых нормативных актов, и именно это является истинным критерием качества конституционного регулирования. Конституция Италии подробно перечисляет права, в том числе и экономические, но в целом итальянский гражданин не имеет большего объема прав, чем американец или француз [23].

Включенная в Конституцию Канады (Конституционный акт 1982 года), Хар-

тия прав и свобод придала закрепленным в ней правам и свободам высшую юридическую силу. В самой Хартии не затрагиваются социальные и экономические права и свободы, в ней делается упор на права и свободы личного и политического плана. Несомненным достоинством Хартии явилось запрещение дискриминации по признакам расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста, умственных и физических недостатков. Закреплен также принцип равенства всех перед законом и равная защита и покровительство со стороны закона. Никаких других положений, подчеркивающих или указывающих на особый правовой статус женщин, матерей, института семьи и брака нет [24].

Конституция Бразилии 1988 года со всеми дальнейшими поправками содержит чрезвычайно обширные разделы о правах и гарантиях. В этой Конституции закреплено равенство мужчин и женщин в правах и обязанностях. Весьма оригинальным является закрепление гарантии женщинам, содержащимся в заключении, кормить детей грудью и оставаться с ними.

Особенностью данной Конституции является подробное регулирование трудовых и социальных прав; гарантированность семейных пособий для лиц, имеющих иждивенцев, отпуск по беременности и родам 120 дней; отпуск по воспитанию ребенка, защита рынка труда для женщин по средствам специального стимулирования, запрещение любого неравенства в отношении заработной платы в осуществлении функций, или приема на работу по основаниям пола, возраста, цвета кожи или семейного положения; запрещение дискриминации любого характера в отношении заработной платы или приема на работу трудящихся, имеющих физические недостатки и т.п. Все это напоминает мини-кодекс, что совсем нечасто можно встретить в зарубежном конституционном законодательстве. Также в данной Конституции закреплена защита материнства, особенно во время беременности; уплата пенсий в случае смерти, "неважно мужчин или женщин, выплачиваемых юридическому или фактическому супругу и лицам, находящимся на иждивении" (ст.201).

Особенностью здесь является признание религиозных браков наравне с гражданскими, равноправие супругов в браке и гарантии государства оказания помощи каждой семье. Особо выделена обязанность государства образовать органы (mecanismos), имеющие целью уменьшение насилия внутри семьи [14].

Анализируя конституции государств Восточной Европы, можно увидеть, что наряду с четким провозглашением такого основополагающего принципа, как равноправие, конституции практически всех государств содержат нормы, целью которых является дополнительная поддержка некоторых групп населения.

Специальной заботой общества и государства окружены женщина, мать, дети, семья (особенно многодетная). Так, в Конституции Польши установлено, что женщина имеет равные с мужчиной права во всех областях государственной, политической, экономической, социальной и культурной жизни. Гарантиями ее равноправия являются равное с мужчиной право на труд и вознаграждение на основе принципа "равная оплата за равный труд", право на отдых, на социаль-

ное обеспечение, на учебу, на занятия публичных должностей; забота о беременной женщине, матери и ребенке; забота о бытовых проблемах, содействие работающей женщине [15].

В Конституции Болгарии записано, что "женщина-мать пользуется особой охраной со стороны государства, которое обеспечивает ей оплачиваемый отпуск до и после родов, бесплатную акушерскую помощь, облегчение труда и иную социальную помощь" [16].

Исследуя конституции стран СНГ, выделим общие черты, присущие регламентации прав и свобод человека и гражданина в странах Содружества, а также рассмотрим индивидуальные особенности, закрепленные в некоторых Основных законах.

Прежде всего, нужно отметить, что все страны Содружества ставят задачу регламентации прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Огромное влияние на развитие национального законодательства в области прав и свобод человека и гражданина имеют Устав ООН; Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.; Международные Пакты о правах человека 1966 г.; Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и др.

Новые конституции стран СНГ отражают концепцию естественногс происхождения прав человека. Подчеркивается приоритетное значение общегуманистических ценностей, естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека. Все конституции закрепляют принцип равенства. Все равны перед законом и судом. Права и свободы человека и гражданина гарантируются независимо от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, места жительства и других обстоятельств. Также запрещается дискриминация граждан по расовым, национальным признакам, а также пропаганда расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения. Граждане республик СНГ всех национальностей пользуются защитой государства на равных основаниях.

Что касается прав женщин, то они по-разному характеризуют ее правовой статус, закрепленный в конституциях. Например, в конституциях Азербайджана, Армении, Грузии существует запрет дискриминации, в частности по признаку пола; достаточно стандартно провозглашено право на семейную жизнь, поддержку семьи государством; на охрану законом прав материнства и детства. Надо сказать, что в Конституции Грузии вообще отсутствует слово "женщина", что может расцениваться, на взгляд автора, как косвенная дискриминация.

Особенностью Конституции Белоруссии является достаточно подробное регулирование права на брак, равноправие супругов в семейных отношениях, обязанность родителей воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Дети, в свою очередь, обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь. Только в данной Конституции женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в обществен-

но-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья [17].

В конституциях Казахстана и Кыргызстана также закреплены принцип равенства всех перед законом и запрет дискриминации по различным основаниям Интересную особенность имеет Конституция Кыргызстана. Во-первых, провозглашается, что человеческое достоинство в Кыргызской Республике абсолютно и неприкосновенно; основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения и признаются в качестве абсолютных, неотчуждаемых и защищаемых законом и судом. Подчеркивается, что народные обычаи и традиции, не противоречащие правам и свободам человека, поддерживаются государством. В статье 26 закреплено, что семья, отцовство, материнство и детство - предмет заботы всего общества и преимущественной охраны закона. Здесь же говорится, что уважение к старшим, забота о родных и близких являются священной традицией народа Кыргызстана.

Особенностью Конституции Молдовы является достаточно подробное регулирование института семьи, которая "является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства" [18]. Закреплен принцип добровольного заключения брака, равноправия мужчин и женщин в семье; покровительство государства семье, материнству, детству и молодежи, а также право матери и ребенка на особую помощь и защиту.

На фоне других конституций Основной закон РФ содержит достаточно скромный, стандартный перечень прав женщин. Это равенство всех перед законом и судом; запрет дискриминации по различным основаниям и конкретное указание о равных правах и свободах мужчин и женщин и равных возможностях для их реализации (ст. 19). Еще одна статья (всего!) закрепляет защиту государством материнства, детства и семьи (ст.38).

Конституции республик Таджикистан и Туркменистан традиционно провозглашают равенство всех перед законом и судом, а также равноправие мужчин и женщин, но в Конституции Туркмении добавлено, что мужчина и женщина имеют равные гражданские права и нарушение равноправия по признаку пола влечет ответственность по закону. Закрепляя, что семья, как основа общества, находится под защитой государства и каждый имеет право на создание семьи, в единственной Конституции стран Средней Азии - Таджикской -существует запрет многобрачия. Нестандартным также в этой Конституции является запрет на использование труда женщин и несовершеннолетних на тяжелых и подземных работах, а также на работах с вредными условиями труда.

Пожалуй, нужно отметить закрепленную в ст.25 Конституции Туркменистана обязанность родителей или заменяющих их лиц воспитывать детей и прививать им культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям.

Конституцию Узбекистана характеризует развернутый перечень прав и свобод человека и гражданина. Что касается прав женщин, то здесь закреплен минимум прав, провозглашающих равенство полов, и права и обязанности семьи, родителей, детей.

Наиболее подробно и полно характеризуется правовой статус женщин в Конституции Украины. В ней содержатся гарантии, посредством которых обеспечивается равенство прав женщины и мужчины, в частности, предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в общественно-политической и культурной деятельности, в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и вознаграждении за него; специальными мерами по охране труда и здоровья женщин; установлением пенсионных льгот; созданием условий, дающих женщинам возможность сочетать работу с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и иных льгот беременным женщинам и матерям. Также в Конституции существует запрет на использование труда женщин и несовершеннолетних на опасных для их здоровья работах. В отличие от многих других конституций, закреплены право каждого на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилище.

Характеризуя конституции Латвийской Республики и Эстонской Республики, можно сказать, что они содержат стандартные нормы о равенстве всех перед законом и судом, запрет дискриминации и так же стандартно провозглашают защиту семьи государством, равные права супругов в браке и о добровольность его заключения. Можно отметить интересный, на мой взгляд, момент в Конституции Эстонии - закрепление такой нормы, что семья обязана заботиться о своих членах, нуждающихся в помощи [19].

Конституция Литвы содержит аналогичные нормы, но имеет свою особенность. В ней закреплено, что государство признает и церковную регистрацию брака, кроме того, в ст.39 сказано: "Государство опекает семьи, воспитывающие детей дома, оказывает им в установленном законе порядке поддержку" [20]. Для работающих матерей законом предусматривается оплачиваемый дородовой и послеродовой отпуск, благоприятные условия труда и другие льготы.

Список литературы

1. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. -М., 1985. -С. 86.
2. Карташкин В.А, Международная защита прав человека. -М.: Международные отношения, 1976. -С.53
3. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С. 169-234.
4. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С. 169-234.
5. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.235-294.
6. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.315-356.
7. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.357-414.
8. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.509-600.
9. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.415-450.
10. Конституции государств Европейского Союза. -М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.655-686.
11. Конституция Швейцарии //Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие/ Сост. В.В.Маклаков. -3-е изд., перераб. и доп. -М.: БЕК, 2000. -С.227-274.
12. Конституция Японии //Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие/ Сост.

В.В.Маклаков.-3-е изд., перераб. и доп. -М.:БЕК, 2000. -С.381-394.
13. Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие/ Сост. В.В.Маклаков. -2-изд., исправ. и доп. -М.: БЕК, 1997. -С.465-551.
14. Конституция Бразилии //Конституции зарубежных государств. Учеб. пособие/ Сост. В.В.Маклаков. - 3-е изд., перераб и доп. -М.: БЕК, 2000. -С.405-554.
15. Конституции государств Восточной Европы. Учебное и справочное пособие/ Отв. ред. Д.А.Ковачев. -М.: Изд.группа ИНФРА-М-НОРМА, 1996. -С.30.
16. Конституции государств Восточной Европы: Учебное и справочное пособие/ Отв. Ред. Д.А.Ковачев. -М.: Изд.группа ИНФРА-М-НОРМА, 1996. -С.30.
17. Конституции стран СНГ и Балтии: Учеб. пособие/ Сост. Г.Н. Андреева. -М.: Юристъ, 1999. -С.116-161.
18. Конституции стран СНГ и Балтии: Учеб. пособие/ Сост. Г.Н. Андреева. -М.: Юристъ, 1999. -С. 303.
19. Конституции стран СНГ и Балтии: Учеб. пособие/ Сост. Г.Н. Андреева. -М.: Юристъ, 1999. -С.604.
20. Конституции стран СНГ и Балтии: Учеб. пособие/ Сост. Г.Н. Андреева. -М.: Юристъ, 1999. -С. 561.
21. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. -М., 1975, -С.99-100.
22. Мартыненко П.Ф. Социалистический конституционализм и международные отношения Советского государства//Вестн. Киевского ун-та. Сер. МО и МП.-1980.-№10. -С.3.
23. Мишин А.А.. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. -6-изд., перераб и доп. -М.: Белые альвы, 1999. -С.44.
24. Окуньков Л.А., Конституционное развитие в государствах Европейского Союза// Конституции государств Европейского Союза, - М.: Инфра.М-Норма, 1997. -С.8.
25. Тункин Г.И. Теория международного права. -М., 1999. -С.94.

РАЗДЕЛ 3
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Л.В.Предеина,
доцент, КГУ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В начале нового века следует констатировать, что криминогенная ситуация в России в последнем десятилетии была напряженной. Поэтому существует острая потребность в изучении состояния динамики, причин развития преступности в стране в целях определения приоритетных направлений борьбы с нею.

Бесспорен тот факт, что основную долю в общей криминальной обстановке составляют кражи, грабежи и другие преступления корыстно-насильственной направленности [1]. В этих условиях особенно актуально обращение к проблеме предупреждения преступлений как к уголовно-процессуальной функции, к поискам наиболее оптимальных путей преодоления криминогенных обстоятельств.

Согласно ст.2 УК РФ, одной из задач Уголовного кодекса наряду с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечением мира и безопасности человечества, также является и предупреждение преступлений [2].

Суд, судья, следователь, прокурор, другие участники уголовного процесса могут принимать то или иное участие в предупреждении преступлений. Проблема профилактики преступлений многоаспектна. В ней выделяют социологический, криминологический, криминалистический и другие сферы исследования [3].

Предупредительная функция, возникнув в стадии возбуждения уголовного дела, имеет место во всех стадиях уголовного судопроизводства.

При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию наряду с событием преступления, виновностью лица и прочих, также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ст.73 УПК РФ) [4].

Условиями судебного разбирательства являются открытость и гласность. Лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести письменную запись, а также проводить фотографирование, видеозапись и киносъемку, но только с разрешения председательствующего и с согласия сторон, если это не создает препятствий для судебного разбирательства (ст.241 УПК РФ).

Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соот-

ветствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства, требующие принятия необходимых мер (ст.29 УПК РФ). Профилактическое значение имеет и своевременное обращение судебного приговора к исполнению.

Средства предупреждения преступлений могут быть подразделены на определенные группы. Классифицируя их по естественному признаку, можно выделить те, что лежат, с одной стороны, в плоскости экономических отношений, а с другой - в сфере общественной жизни, в т.ч. в области идеологии, политики и права.

Такая классификация позволяет утверждать, что уровень преступности во многом определяется как общим состоянием экономики страны и экономическим благополучием отдельных ее граждан, так и сложившимися в нем социально-нравственными устоями. Их познание, вскрытие существующих между ними закономерностей, позитивных и негативных факторов позволяет наметить и осуществить определенные меры по профилактике преступлений, использовать необходимые для этого средства.

Средства предупреждения преступлений: уголовно-процессуальные; внепроцессуальные. Однако нужно учитывать, что "всякая классификация является результатом некоторого огрубления действительных граней между видами, ибо они всегда условны и относительны" [5].

Уголовно-процессуальные средства профилактики: правовые нормы; правоприменительная деятельность: а) следственные действия; б) постановления, приговоры; в) внесение представлений и частные определения.

Внепроцессуальные: используемые учеными; правоохранительными органами; иными государственными и общественными объединениями.

Так, проводимые органами прокуратуры в соответствии со ст.23 Закона о прокуратуре в порядке общего надзора проверки о соответствии закону приказов, инструкций, распоряжений и иных актов, издаваемых министерствами, государственными комитетами, ведомствами, предприятиями и другими должностными лицами [6].

Эффективной мерой индивидуально-правового воздействия на лиц, склонных к совершению правонарушений, является и применение в соответствии с Законом о прокуратуре как к гражданам, так и должностным лицам предостережения прокурора о недопущении нарушения закона, внесение представления. Это служит делу предупреждения более опасных правонарушений, в том числе и преступлений.

Достаточно ощутимое влияние на предупреждение преступлений оказывает выступление должностных лиц правоохранительных органов с лекциями и беседами на правовые темы, опубликование ими в печати статей по проблемам профилактики преступлений, участие в работе правового университета, школ правовых знаний, заседаний круглых столов по вопросам права.

Значительная роль принадлежит и получившим на практике широкое распространение координационным советам правоохранительных органов, на заседаниях которых обсуждаются различные аспекты борьбы с преступностью, в

т.ч. разрабатываются планы совместных мероприятий, обсуждаются их итоги и вырабатываются конкретные задачи по устранению выявленных тех или иных криминогенных факторов. Советы являются постоянно действующими, призванными обеспечить тесное взаимодействие всех правоохранительных органов в решении стоящих перед ними задач, в т.ч. и тех, что связаны с предупреждением преступлений.

В профилактике преступлений широко используются данные, полученные в результате обобщения следственной и судебной практики по уголовным делам. Они позволяют вскрыть допускаемые в деятельности правоохранительных органов наиболее типичные ошибки, их причины и выработать пути по их устранению, по повышению эффективности. Значение имеет и своевременное реагирование правоохранительных органов на административные правонарушения граждан.

Определенную роль в профилактике правонарушений, в т.ч. и преступлений, выполняют и другие государственные органы и общественные объединения (госсаннадзор, госпожнадзор и т.д.), осуществляющие надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде и правил по охране труда и др.

Средства профилактики предназначены главным образом для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, других негативных явлений, мешающих процессу установления по каждому уголовному делу объективной истины, воспитанию граждан в духе уважения к законам и правилам социального общежития. В служении выполнению предупредительной задачи уголовного судопроизводства и заключается социальная ценность каждого отдельного средства профилактики преступлений.

Уголовно-процессуальные средства профилактики преступлений имеют следующее значение: 1)в части своевременного действия по принятию и регистрации заявлений и сообщений о готовящемся или совершенном преступлении - успех в раскрытии преступлений, изобличении лиц, их совершивших, в пресечении их дальнейшей противоправной деятельности;

2) профилактическое значение имеют следственные действия: осмотры МП, допросы, обыски, выемки, опознания и другие, при которых могут быть получены сведения об обстоятельствах, облегчивших совершение преступления, создавших благоприятные условия для реализации обвиняемым своего умысла и в принятии соответствующих профилактических мер.

В деятельности по предупреждению преступлений весьма значимая роль принадлежит и таким специальным превентивным средствам, как меры уголовно-процессуального пресечения и кратковременные задержания лица, подозреваемого в совершении преступлений. Обратившись к ст.97 УПК РФ, нетрудно увидеть, что применение мер пресечения: подписки о невыезде, личного поручительства, залога и заключение под стражу преследуют цели: а) предотвратить сокрытие обвиняемого от дознания, следствия, суда; б) не допустить продолжения занятия им преступной деятельностью; в) не допустить угрозы со стороны виновного лица свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства,

уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Средством эффективности по предупреждению преступлений является улучшение взаимодействия между правоохранительными органами, отдельными их службами, а также с общественностью. Значимое место в этом занимает и надзор прокурора за точным и единообразным исполнением законов всеми должностными лицами правоохранительных органов при расследовании преступлений.

Однако, в новом УПК РФ, принятом Государственной Думой РФ 22.11.2001г. и вступившем в действие с 1.07.02г., исключен ряд норм, регулировавших принятие органами следствия, прокурором мер по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений (ст.21 УПК РСФСР): принятие мер по их устранению: по результатам вносились представления, следователь выступал в коллективе (ст.21-1 УПК РСФСР); прокурор при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением проверял, выяснены ли обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли меры по их устранению (п.10 ст.213 УПК РСФСР) [7].

Также исключены важнейшие принципы уголовного судопроизводства: полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств дела (ст.20 УПК РСФСР). Исключены институты общественных обвинителей и защитников.

Законодатель всегда уделял большое внимание пресечению преступлений, и это было правильно, т.к. своевременное и эффективное предотвращение преступлений- наиболее действенная мера в борьбе с преступностью. В совокупности с другими уголовно-правовыми нормами существовал достаточно надежный и эффективный правовой механизм, который обязывал правоохранительные органы не только выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, но и принимать меры по их устранению.

К сожалению, в настоящее время надо искать пути преодоления негативного влияния отсутствия законодательных норм по указанной проблематике, т.к. правоохранительные органы не только не обязаны устранять выявленные причины и условия, способствовавшие совершению преступления, но и не вправе, т.к. это не закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве. Полагаю, что это способствует ослаблению борьбы с преступностью, отрицательно влияет на раскрытие преступлений, разумнее было бы законодателю всё же вернуться к тому порядку, который был установлен в УПК РСФСР.

В борьбе с преступностью проблема предупреждения преступлений должна занять одно из ведущих мест. Здесь могут использоваться самые различные средства, носящие экономический, социально-политический, организационно-управленческий, культурно-воспитательный, правовой характер. Только в комплексном использовании, в органическом взаимодействии друг с другом они могут стать эффективной силой, которая способна содействовать успешному достижению такой перспективной цели как искоренение преступности в нашей стране.

Список литературы
1. Гуров А. И. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. -М.,2000. -С.7
2.Уголовный кодекс Российской Федерации, 2004.
3. Аванесов Г.Г. Криминология и социальная профилактика. -М., 1980; Социальная профилактика правонарушений, советы, рекомендации/ Под ред. члена-корреспондента АН СССР Д.А. Керимова. -М.,1989.
4.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2003.
5.Философский словарь/Под ред. И.Т.Фролова -М., 1980. -С.156.
6.Закон о прокуратуре
7.Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А.М.Рекункова. -М.,1989.

И.А. Пикалов
доцент КГУ

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕВИНОВНОСТИ

Конституция РФ устанавливает, что судопроизводство в РФ осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123). На конституционном уровне закреплено имеющее высшую юридическую силу правило о том, что стороны в уголовном процессе равноправны как на судебных, так и на досудебных стадиях процесса. Однако уголовно-процессуальный закон регламентирует сравнительно равное положение сторон только в стадии судебного разбирательства, а на стадии предварительного расследования перевес оставляет за стороной обвинения.

Прежде всего, это равенство должно заключаться в равных процессуальных возможностях сторон по участию в процессе доказывания: в собирании, проверке и оценке доказательств. Равенство в процессуальном смысле обвинителя, с одной стороны, и защитника и обвиняемого, с другой стороны, в судебном разбирательстве предполагает их одинаковые возможности предъявлять доказательства, давать им собственную оценку и опровергать доказательства противной стороны. Равенство процессуальных возможностей органов уголовного преследования и обвиняемого по собиранию доказательств, будучи элементом процессуального равноправия сторон, представляет собой один из функциональных признаков состязательности как исторической формы уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный закон предъявляет требование наличия у любого доказательства такого обязательного свойства, как допустимость (ст. 75 УПК РФ). Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК. Из этого записанного в ст. 75 УПК РФ правила следует, что не только обвинение, но и доказывание любых иных обстоятельств, в том числе и смягча-

ющих ответственность обвиняемого или освобождающих его от ответственности, должны основываться на допустимых доказательствах.

В литературе допустимыми принято считать доказательства, полученные, во-первых, надлежащим субъектом, правомочным производить процессуальное действие; во-вторых, из указанных в законе источников, а в ряде случаев - из определенного вида источника (ст. 79 УПК); в-третьих, с соблюдением порядка проведения и правил фиксации хода и результатов процессуальных действий. Отсюда следует вывод о том, что адвокат, не являясь субъектом доказывания, не имеет возможности самостоятельно добывать доказательства на досудебных стадиях процесса.

Исследователи обращают внимание на то, что решение вопроса о приобщении к материалам дела доказательств, представленных защитником, зависит от усмотрения следователя или прокурора, что не сформулированы правила, устанавливающие порядок опроса частных лиц защитником, запроса им мнений специалистов, обязанность оказания содействия в этом защитнику и т.д. Данное положение сохраняется и в настоящее время. Допустимость доказательств неотделима от принципа состязательности, который определяет не только судебные стадии, но и стадии досудебного уголовного судопроизводства, т.е. стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и т.д.

Как характер процесса, так и процессуальная форма служат в первую очередь ограничению возможности произвола над личностью, нарушения конституционных прав и свобод граждан, фальсификации доказательств, привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного. В частности, об этом прямо говорится в ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Предъявляя требование допустимости не только к доказательствам стороны обвинения, но и к доказательствам стороны защиты, уголовно-процессуальный закон, таким образом, ставит обвиняемого (подозреваемого) и его защитника в полную зависимость от лица, производящего предварительное расследование, т.е. в зависимость от стороны, осуществляющей уголовное преследование.

Необходимо отметить, что свойство допустимости носит характер чисто условный. В один момент уголовно-процессуальный закон предусматривает один порядок получения и закрепления доказательств, затем может предусматривать абсолютно иной. Исходя из этого, завтра будет допустимым такое доказательство, которое сегодня было ничтожным, не имеющим никакой юридической силы. Достаточно изменить порядок возбуждения уголовного дела, и все доказательства, полученные после возбуждения дела с нарушением порядка и требований, будут недопустимыми (плоды отравленного дерева), либо наоборот. Игра с условностями влечет за собой чисто теоретические споры, что в процессуальном смысле немыслимо, т.к. уголовно-процессуальный закон регулирует взаимоотношения между участниками уголовного процесса, т.е. между людьми, одному или нескольким из которых грозит уголовное наказание, решается их дальнейшая судьба.

Нельзя не согласиться с мнением М.В. Баглая, указывающего, что "судопро-

изводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Эта конституционная норма ставит в равное положение все стороны в процессе… Своим острием она направлена против чрезмерной роли прокурора в уголовном процессе, что было свойственно процессу в тоталитарный период, это подрывало независимость суда и право граждан на защиту, придавая правосудию обвинительный уклон". Обвинительный же уклон - это игнорирование сведений, свидетельствующих о невиновности либо о меньшей степени ответственности обвиняемого, неадекватная оценка собранных доказательств и т.п. Другими словами, обвинительный уклон является проявлением ненадлежащего выполнении функции обвинения соответствующими участникам процесса. Направленная на лишение возможности нарушения закона и произвола со стороны обвинения, данная норма имеет и обратную сторону, негативную, т.е. не допускающую осуществления процесса самостоятельного собирания доказательств стороной защиты.

При равных правах в собирании и закреплении доказательств следователем и защитником (альтернативное расследование) для уменьшения вероятности предоставления стороной защиты фальсифицированных доказательств невиновности своего подзащитного можно ввести в УК РФ норму, предусматривающую уголовную ответственность адвоката, в таком случае аналогичную ответственности следователя за такие же действия, связанные с фальсификацией доказательств виновности.

Процессуальное равенство стороны обвинения и стороны защиты на стадии предварительного расследования означает, что с момента предъявления обвинения обвиняемый и его защитник имеют право и реальную возможность собирать доказательства точно такими же способами, которыми пользуются в указанных целях следователь, органы дознания и прокурор. Правомочия по самостоятельному собиранию доказательств стороной защиты предполагают, во-первых, предоставление ей совокупности средств поиска интересующих ее сведений, а во-вторых, возможности придания найденным сведениям доказательственной силы.

Вместе с тем, простой, на первый взгляд, выход из положения, предложенный выше, не нашел своего воплощения в уголовно-процессуальных нормах. Причины этого совершенно различны: во-первых, в настоящее время состязательность процесса, как таковая, для нас довольно нова; во-вторых, правоохранительные структуры, представляющие сторону обвинения, к состязательности процесса оказались не готовы, что имеет в свою очередь свои причины и в данной статье мы их касаться не будем. Оказавшись не готовой к состязательности процесса и, в первую очередь, на его досудебных стадиях, сторона уголовного преследования "тормозит" и не дает законодателю возможности отрегулировать все оставшиеся нерешенными проблемы уголовно-процессуального законодательства в сфере состязательности процесса и равноправия сторон. Более того, традиционно представляя органы, осуществляющие обвинение и уголовное преследование, защищающие интересы государства и общества, сторона

обвинения оказывает влияние на весь характер уголовного процесса и создает перевес в сторону обвинительного уклона, необходимо отметить, что в том числе и в судебном разбирательстве.

Иными словами, конкретные правила, обнаруживающие состязательность в нашем уголовном процессе, являются малоэффективными "из-за недостатка лежащих уже вне процесса политических, социально-психологических гарантий".

Подводя итог вышесказанному и принимая во внимание, что указанные проблемы необходимо решать, можно предложить внесение изменения в ч. 1 ст. 75 УПК РФ и изложить ее редакцию в следующем виде: "Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, если они не являются доказательствами невиновности, являются недопустимыми…и т.д.". Данная редакция позволила бы на предварительном следствии стороне защиты самостоятельно собирать доказательства невиновности, которые, в любом случае являясь допустимыми, использовались при расследовании и рассмотрении дела.

Список литературы

1.Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. - М.: Юристъ, 2003. -С. 231.

2.Лупинская П. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. -1994. -№ 11. -С. 16-17.

3.Башкатов Л., Ветрова Г. О состязательности // Российская юстиция. -1995. -№ 1. -С. 8.

4.Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. - М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА. М, 1998. -С. 622-623.

5.Михайловская И. Права личности - новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. -2002. -№ 7.

6.Смирнов В.П. Разделение основных функций и равноправие сторон - принципы уголовного процесса // Правоведение. -1999. -№ 3.

Н.В. Соколова
судья Шадринского районного суда

ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ ЕДИНЫХ ПОНЯТИЙ КАТЕГОРИЙ УЩЕРБА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Вред, который причиняется объекту преступления, составляет суть общественно опасного последствия, которое наступает в результате посягательства на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Любое преступное последствие, как правовая категория, наделено своими конкретными специфическими признаками, т.е. это существенный вред, причиняемый охраняемым уголовным законом объектам и указанный в уголовно-правовой норме в качестве признака объективной стороны преступления.

Уголовная ответственность за экономические преступления предусмотрена главой 22 Уголовного кодекса РФ. Преступления этого вида способны причи-

нять вред реальной действительности, а именно экономическим отношениям. Как отмечает Т.О. Кошаева: "Основанием для привлечения виновного к ответственности за экономические преступления является как само общественно опасное действие (бездействие), так и характер конкретных общественно опасных последствий".

Ст. 73 УПК РФ предусматривает, что к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу, относятся, в том числе, характер и размер вреда, причинённого преступлением. Причём, среди правоведов существуют различные мнения по вопросу о видах вреда по экономическим преступлениям. Так, Г.В. Тимейко включает в понятие вреда материальный, физический, моральный, психический, политический, экономический, организационный вред. Вне всяких сомнений, экономические преступления действительно причиняют вред в самых различных направлениях, однако, с точки зрения уголовного закона, более правильно в качестве вреда по этим преступлениям учитывать только материальный, физический и моральный вред. Учёт остальных видов вреда, указанных выше, только усложняет и без того непростой вопрос определения размера причиняемого экономическими преступлениями вреда и отнесения его к той или иной категории.

В Уголовном кодексе Российской Федерации описание вреда, причинённого экономическими преступлениями, даётся путём применения самых разных понятий. В некоторых составах преступлений указывается характер и размер вреда, в других - альтернативно: либо характер вреда, либо его размер. Например, в диспозиции ст. 169 ч.2 УК РФ одновременно указывается на характер и на размер причинённого вреда, а именно: признаётся преступным неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определённой деятельности либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения, совершённые в нарушение вступившего в законную силу судебного акта, а равно, если это деяние причинило крупный ущерб. В то время как по части 1 этой же статьи требуется только, чтобы были совершены действия, указанные в диспозиции ч.1 ст. 169 УК РФ, вне зависимости от размера причинённого вреда. За такое преступление, как регистрация заведомо незаконных сделок с землёй, искажение учётных данных Государственного земельного кадастра, а равно умышленное занижение размеров платежей за землю, предусмотрено наказание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности, т.е. для применения этой нормы достаточно доказательства субъективных свойств преступления.

Вопрос определения вреда, причинённого преступлением вообще и экономическим, в частности, является очень важным и очень сложным. Некоторые учёные высказывают мнение, что указать ущерб в уголовно-правовой норме не всегда представляется возможным. В то же время, другие предлагают определять крупный размер, предусмотренный ст. 174, 175, 186 УК РФ, принимая за основу правило квалификации преступлений с учётом презумпции невиновности, т.е. при определении размера ущерба следует учитывать осознание виновным причинения ущерба как крупного, а также оценки объективных обстоятельств содеянного. Таким образом, единой позиции по вопросу определения вреда от преступления фактически не существует. Авторы данного исследования абсолютно солидарны с Т.О. Кошаевой, которая указывает на то, что в настоящее время "назрела необходимость выработать единый подход к оценке вреда, причинённого экономическим преступлением".

Поскольку экономические преступления являются фактическим порождением новых экономических отношений современной реальности, то вполне естественно, что вопросы, касающиеся разграничения преступного и непреступного характера, не разработаны в полной мере, хотя именно от размера причинённого вреда зависит степень тяжести и общественной опасности того или иного деяния.

Например, если за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве юридического лица установлена административная ответственность в виде штрафа в размере от пяти до двадцати минимальных размеров оплаты труда (ст. 14.1 ч.1 КоАП РФ), осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (лицензия) обязательно (обязательна), влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от 20 до 25 минимальных размеров оплаты труда с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; на должностных лиц - от 40 до 50 минимальных размеров оплаты труда с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; на юридических лиц - от 400 до 500 минимальных размеров оплаты труда с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой (ст. 14.1 ч.2 КоАП РФ). Осуществление же предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением условий лицензирования, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере наказывались до последнего времени штрафом в размере от 300 до 500 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до

5 месяцев, либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо арестом на срок от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 3 лет (ст. 171 ч.1 УК РФ). В настоящее время, в связи с изменениями от 8 декабря 2003 года, такое наказание как лишение свободы до 3 лет вообще исключено из санкции статьи, штраф предусмотрен до 3000 руб., либо в размере дохода осужденного до 2 лет.

Нарушение порядка ценообразования, т.е. завышение или занижение регулируемых государством цен (тарифов, расценок, ставок и тому подобного) на продукцию, товары либо услуги, предельных цен (тарифов, расценок и тому подобного), завышение или занижение установленных надбавок (наценок) к ценам (тарифам, расценкам, ставкам и т.п.), а равно иное нарушение установленного порядка ценообразования наказывается административным штрафом на граждан в размере от 20 до 25 минимальных размеров оплаты труда, а должностных лиц - от 40 до 50 минимальных размеров оплаты труда, на юридических лиц - от 400 до 500 минимальных размеров оплаты труда (ст. 14.6 КоАП РФ). В то же время монополистические действия, совершённые путём установления монопольно высоких или монопольно низких цен, а равно ограничение конкуренции путём раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления и поддержания единых цен, наказывались штрафом от 200 до 500 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 5 месяцев, либо арестом от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы до 2 лет (ст. 178 ч.1 УК РФ). Размер вреда в данном случае вообще не был конкретизирован. В связи с принятием изменений от 21 ноября 2003 года, данный состав был несколько изменён и отсутствие указания на размер причинённого ущерба было устранено. В настоящее время статья 178 ч.1 УК РФ предусматривает наказание за недопущение, ограничение или устранение конкуренции путём установления или поддержания монопольно высоких или монопольно низких цен, раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установление или поддержания единых цен, если эти деяния повлекли причинение крупного ущерба в виде штрафа в размере до 200000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо лишением свободы до 2 лет.

Анализ составов преступлений главы 22 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что в одних случаях вред от преступления имеет чёткие границы размера, с указанием его в норме закона, в других случаях такое определение отсутствует, в связи с чем в каждом конкретном случае оценивается отдельно.

В статьях этой главы до недавнего времени лишь некоторые нормы содержали примечания, в которых непосредственно указывались преступные последствия, но по ряду статей размер последствий законодателем специально не выделялся. Градация размеров причинённого вреда в экономических отношениях очень условна. Весьма оценочный характер имеют определения существенного вреда, значительного ущерба, значительного размера, крупного ущерба.

При этом, позиция законодателя в вопросах оценки размера ущерба по экономическим преступлениям настолько неустойчива, что постоянно изменяется. Так, в первоначальной редакции ст. 185 УК РФ об ответственности за злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии) в качестве обязательного условия было предусмотрено, что последствием этих злоупотреблений должно являться причинение крупного ущерба. При этом никаких разъяснений по поводу критериев крупного ущерба по этому преступлению в статье не содержалось. Поскольку диспозиция этой статьи являлась бланкетной, причинённый вред - оценочным понятием, то применение этой нормы на практике требовало использования положений специального Закона Российской Федерации "О рынке ценных бумаг" и ряда иных нормативных актов. Поэтому крупным ущербом признавался такой ущерб, который причиняется потерпевшему (физическому или юридическому лицу), а также ущерб, который непосредственно предусмотрен в специальных нормативных актах, регулирующих сферу экономической деятельности и связанных с нарушением порядка выпуска ценных бумаг (эмиссии). В связи с возникшими сложностями в применении данной уголовно-правовой нормы, потребовалось вмешательство законодателя и Федеральным законом № 23-ФЗ от 4.03.2002 года в УК РФ были внесены изменения, которыми данная статья получила новую редакцию, согласно которой по ст. 185 УК РФ предусматривалась ответственность за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, выразившиеся во внесении в проспект эмиссии ценных бумаг заведомо недостоверной информации, утверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта эмиссии или отчёта об итогах выпуска ценных бумаг, выпуск которых не прошёл государственную регистрацию, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Введена ответственность за злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185-1 УК РФ) также в случае причинения крупного ущерба. Примечание к статье 185 УК РФ установило, что крупным ущербом для статей 185 и 185-1 УК РФ признаётся ущерб, в 2000 раз превышающий минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством Российской Федерации на момент совершения преступления. Федеральным законом от 8.12.2003 года было внесено дополнение в статью 169 УК РФ, открывающую главу об экономических преступлениях. Первые две редакции этой статьи, включая изменения, внесённые в УК РФ Федеральным законом от 25.06.2002 года, не содержали какого-либо примечания, разъясняющего понятие крупного ущерба по данной статье. Также не было подобных разъяснения и во многих других составах преступления по этой главе. В настоящее время, согласно примечанию к статье 169 УК РФ, "в статьях настоящей главы, за исключением статей 174, 174-1, 178, 185, 185-1, 193, 194, 198, 199 и 199-1, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей 250000 рублей, особо крупным - 1000000 рублей". Таким образом, даже в настоящее время

принцип единообразного применения понятий, в данном случае размеров ущерба, для экономических преступлений практически не действует. Хотя законодатель и попытался определить понятие крупного и особо крупного размера ущерба для большей части преступлений главы 22, однако, предусмотрев исключения в указанном выше примечании, он вывел понятие размеров ущерба для преступлений, предусмотренных статьями 174, 174-1, 178, 185, 185-1, 194, 198, 199 и 199-1 УК РФ из-под действия общего понятия размеров ущерба для экономических преступлений. Для статей 174 и 174-1 УК РФ этим же законом было установлено, что "финансовыми операциями и другими сделками с денежными средствами или иным имуществом, совершёнными в крупном размере, признаются финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, совершённые на сумму, превышающую 1000000 рублей". Статья 178 УК РФ, ранее не содержавшая понятия размера ущерба, в настоящее время дополнена примечанием, согласно которому, крупным ущербом в этой статье признаётся ущерб, сумма которого превышает 1000000 рублей. Примечание к статье 185 УК РФ изложено в новой редакции, согласно которой к крупному ущербу по ст.ст. 185, 185-1 УК РФ также отнесён ущерб, превышающий 1000000 рублей.

В действовавшей до последнего времени редакции статьи 198 УК РФ предусматривалось, что к уклонению физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды в крупном размере следует относить такое уклонение, если сумма неуплаченного налога и (или) страхового взноса превышает 200 минимальных размеров оплаты труда, в особо крупном размере - 500 минимальных размеров оплаты труда. Аналогичные действия, совершённые юридическим лицом (ст. 199 УК РФ), расценивались, как совершённые в крупном размере при превышении неуплаченных сумм в 1000 раз минимального размера оплаты труда, в особо крупном размере - в 5000 раз превышающий минимальный размер оплаты труда. Последними изменениями данных статей, внесёнными Федеральным законом от 8.12.2003 года, данные критерии были изменены. Согласно новой редакции примечаний этих статей, "крупным размером в ст. 198 УК РФ признаётся сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах 3-х финансовых лет подряд более 100000 р., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10% подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 300000 р., а особо крупным размером - сумма, составляющая за период в пределах 3 финансовых лет подряд более 500000 р., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20% подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 1500000 р. Примечание к статье 199 УК РФ устанавливает, что крупным размером в ст.ст. 199 и 199-1 УК РФ признаётся сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах 3 финансовых лет подряд более 500000 р., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10% подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 1500000 р., а особо крупным размером - сумма, составляющая за период в пределах 3 финансовых лет подряд более 2500000 р., при условии, что доля неупла-

ченных налогов и (или) сборов превышает 20% подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 7500000 р.

По некоторым составам преступления уголовное право предусматривает возможность наступления уголовной ответственности только в случае наступления особых последствий - причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан и организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства. Так, статья 179 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространение сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близким при отсутствии признаков вымогательства. Для применения к виновному наказания по данной статье необходимо также наличие признаков преступления против личности и собственности, то есть необходима ссылка на соответствующую статью Уголовного кодекса (например, ст.111, 112, 167 и п. Б ч.2 ст. 179 УК РФ). Хотя в самой статье и имеется главное условие привлечения к уголовной ответственности по данной статье - наличие существенного вреда, однако принимавшимися неоднократно поправками главы об экономических преступлениях УК РФ, так и не дано понятия существенного вреда для данного вида преступлений. В имущественном выражении судебная практика признаёт существенным ущерб, равный 10-15 -кратному минимальному размеру оплаты труда.

В статье 182 УК РФ предусматривалось, что уголовная ответственность за использование в рекламе заведомо ложной информации относительно товаров, работ или услуг, а также их изготовителей (исполнителей, продавцов) наступает только в случае совершения данных действий из корыстной заинтересованности и при условии причинения *значительного* ущерба. В научной литературе высказывалось мнение о том, что понятие значительного ущерба в этой норме следует ограничить определённым размером вреда, поскольку понятие вреда имеет сложный характер. Внесёнными в Уголовный кодекс изменениями данные действия были вообще декриминализированы, независимо от размера причинённого ущерба, статья 182 УК РФ признана утратившей силу.

Понятие ущерба (вреда) от экономического преступления трактуется в юридической литературе по-разному. Большинство учёных признают, что единственным объективным критерием определения общественной опасности преступления является его особая вредность для общественных отношений в сфере экономики, т.е. тяжесть наступивших последствий. Общественно опасные последствия непосредственно напрямую связаны с конечной целью совершённого субъектом деяния. Целью преступлений в сфере экономической деятельности, как правило, являются незаконное преступное обогащение в виде выгоды (наживы) экономического, материального свойства, в результате чего нарушается порядок функционирования хозяйственной, финансовой, банковской, налоговой, предпринимательской деятельности. Экономические преступления причиняют потерпевшим имущественный ущерб, а виновные извлекают при этом

незаконные доходы, наживу.

В УК РСФСР 1960 года понятия экономических преступлений не существовало, однако имелось понятие хозяйственных преступлений, которые включали также и ряд преступлений, касающихся нарушений природоохранного законодательства, которые в настоящее время выделены в отдельную главу УК РФ. При проведении исследований, касающихся хозяйственных преступлений, В.Я. Таций отмечал, что понятие ущерба, причинённого такими преступлениями, неразрывно связано с понятием предмета преступного воздействия, под которым он понимал тот элемент охраняемого уголовным законом общественного отношения, который подвергается непосредственному преступному воздействию и которому в первую очередь причиняется ущерб. Автор подчёркивает, что при совершении таких преступлений совпадает предмет преступного воздействия и предмет охраняемого уголовным законом общественного отношения, поэтому очень важно выяснить характер и размер причинённого ущерба. В УК РСФСР 1960 года широко применялся такой термин, как "нетрудовые доходы". Так, по УК РСФСР преступлением считались частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР), уголовная ответственность за которые была исключена лишь законом от 5 декабря 1991 года. Наказывалась в уголовном порядке и спекуляция (ст. 154 УК РСФСР), которая была декриминализирована Законом РСФСР "О действии на территории РСФСР Закона СССР от 31.10.1990 года "Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и злоупотребления в торговле" от 28 февраля 1991 года. В правовой литературе тех лет указывалось, что данные преступления дают возможность виновным получать доход, который явно не соответствует количеству и качеству вложенного труда; именно стремление к нетрудовому доходу (обогащению) обусловливает преступное поведение таких лиц, в связи с чем нетрудовой доход являлся обязательным признаком частнопредпринимательской деятельности и спекуляции.

Незаконная нажива лежит в основе и экономических преступлений. Учёные отмечают, что экономические преступления представляют собой корыстные, имущественные преступления, основной целью которых является "присвоение незаработанного". Однако корыстный мотив не всегда является обязательным по данной категории преступлений (например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности - ст. 169 УК РФ - не требует наличия корыстного мотива при причинении имущественного ущерба), но почти все экономические преступления объединены наличием обязательного признака - посягательства на экономические интересы (отношения в сфере экономической деятельности), а также, как правило, извлечение экономической или иной материальной выгоды, наживы.

В настоящее время Россия из страны с государственной плановой экономикой, где законом были запрещены все какие-либо виды частного предпринимательства, превратилась в государство, экономика которого базируется на рыночных принципах. Рыночные экономические отношения не могут развиваться

без предпринимательской деятельности, бизнеса, прибыли и иных экономических категорий. Однако суть незаконных действий, совершаемых в сфере экономических отношений остаётся прежней, поскольку последствиями таких преступлений, преследующих корыстную цель извлечения наживы, причиняется ущерб государству либо гражданам, а виновный в результате такого рода преступлений получает неконтролируемый, незаконный доход (наживу).

Определение размера ущерба, причиняемого экономическими преступлениями, и его категоризация являются одной из самых важных и сложных задач. Т.О. Кошаева отмечает, что "крупный ущерб" и "крупный размер" - понятия не тождественные, поэтому без определения в законе "крупного ущерба" применение нормы на практике может оказаться сугубо субъективным фактором. Ею выдвигалось предложение законодателю "сформулировать определение крупного ущерба", причиняемого экономическими преступлениями, изложив его в Уголовном кодексе РФ, в частности, в ст. 63 главы 10 УК. По её мнению, "официальное разъяснение понятия крупного ущерба должно как содержать величину в денежном выражении, так и включать признаки, отличающие преступление от проступка".

В настоящее время, когда законом предусмотрен ещё и особо квалифицированный состав - причинение экономическими преступлениями особо крупного ущерба, действительно существует настоятельная необходимость всё-таки разрешить вопрос о введении в закон единообразного понятия размеров причинённого ущерба всеми преступлениями в сфере экономики, предусмотренными главами 21, 22, 23 УК РФ, чтобы исключить противоречивые решения этих вопросов, как в самом законе, так и в реально существующей судебно-следственной практике.

Список литературы

1.Гаухман Л. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ// Законность. -2001. -№1.
2.Кошаева Т.О. Вред, причиняемый экономическими преступлениями // Журнал российского права. -2002. -№8.
3.Курс уголовного права. Часть общая. Т.1 Учение о преступлении /Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. - М., 1999.
4.Таций В.Я. Ответственность за хозяйственные преступления. Объект и система. - Харьков, 1984.
5.Тимейко Г.В. Проблемы общего учения об объективной стороне преступления. Автореф. дис.… д-ра. юр. наук. -М., 1986.
6.Уголовное право РФ Особенная часть/ Под ред. А.И. Рарога. -М., 1996.
7.Федеральный закон № 23-ФЗ от 4.03.2002 года //Российская газета. -2002. -6 марта.
8.Федеральный закон от 8.12.2003 года // Российская газета. -2003. -16 декабря.
9.Федеральный закон от 8.12.2003 года // Российская газета. -2003. -16 декабря.
10. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. -М., 1988. -С.6.

М.А. Пушкарёв,
канд. ист. наук, доцент КГУ

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

"Субъект преступления не следует путать с личностью преступника. Второе понятие значительно шире, многограннее", - можно прочитать на страницах ряда учебников "Уголовного права" [6, с.170]. В данной статье будет предпринята попытка конкретизировать эти отличия.

Начнём с определений. Кондрашова Т.В. определяет "субъект преступления" как лицо, совершившее преступление и характеризуемое такими обязательными юридическими признаками: 1)физическое лицо; 2)вменяемость; 3)достижение возраста привлечения к уголовной ответственности (факультативные признаки: пол, профессия, должность - в статье рассматриваться не будут). "Личность преступника", по Иншакову С.М., - совокупность отрицательных криминогенных качеств личности, которые обусловили или могут обусловить совершение человеком преступления (убеждения, взгляды, привычки, навыки и т.д.) [2,с.40]. При этом мы говорим не о конкретном человеке, а о совокупности внутренних характеристик, позволяющих назвать человека преступником. Они могут быть у любого индивида и проявиться при определённых социальных условиях (или даже не проявиться). Здесь кроется коренное отличие понятия "преступник" в криминологии и в уголовном праве. Для последнего лицо, не совершившее преступление, не является преступной личностью. Преступником человека может объявить только суд, за недоказанностью убийцу могут отпустить прямо из зала суда. То есть, в первом случае мы говорим о конкретном наборе признаков, позволяющих суду на основе "Уголовного кодекса" определить конкретного человека как преступника. Во втором случае мы подразумевает абстрактную психологическую модель человека, независимую от норм права, однако предшествующую тому, чтобы суд признал его преступником.

Начнём сопоставлять по признакам. По отношении к первому специалисты уголовного права и криминологи придерживаются одного мнения: преступником является только физическое лицо.

По второму признаку есть ряд различий. В уголовном праве невменяемые не могут нести уголовную ответственность и наказание. Той же точки зрения придерживается большинство отечественных криминологов. Долгова А.И. пишет: "невменямый" не является объектом изучения криминологов [3,с.234]. Иншаков С.М., соизмеряя биологическое и социальное в личности преступника, приходит к аналогичному выводу: "прирождённые преступники", не способные преодолеть биологическую детерминанту своего поведения (волевую составляющую субъективной стороны состава преступления), находятся за пределами правового регулирования, и, несмотря на внешнюю похожесть этих деяний на преступления (объект, объективная сторона), их к разряду преступных

отнести нельзя. Тем более, если "звериный инстинкт" "затмевает" способность осознавать противоправность поведения (интеллектуальная составляющая субъективной стороны) [3,с.50]. При классификации насильственных преступников он выделяет патологический тип, представители которого способны понимать и руководить своими действиями, но не желают сопротивляться болезни и прибегать к помощи медиков. Кроме того, служб по выявлению таких людей нет или они неэффективны. Сторонники ломброзианского направления в криминологии (во многом не утратившего свою актуальность) считают, что преступником становится именно человек, антропологически и психически не способный адаптироваться к условиям современного цивилизованного общества. Внешне и по структуре мозга он напоминает представителей доисторических рас или дикарей. Кстати, современные отечественные историки нашли много сходного в структуре общественных отношений, характерных для социумов, живущих на уровне "военной демократии" с нравами, царившими у казаков XVII-XVIII вв. и в преступных сообществах России XIX-XX вв. (жестокая дисциплина, культ силы, обряд инициации, большая роль собрания воинов в решении важных вопросов, большой авторитет лидера, относительное равенство полноправных бойцов, приниженный статус лиц, не носящих оружие, и женщин, уважение к внешним атрибутам (татуировки, боевой раскрас) и т.д.). Общий вывод Ч.Ломброзо: преступник, это и есть человек психически нездоровый, человек с отставанием в интеллектуальном и психическом развитии [4,С.407-420]. Это во многом справедливо, если составить социальный и психологический портрет среднестатистического российского преступника. Тем не менее, большинство отечественных криминологов разделяют содержание статьи 22 УК РФ об уголовной ответственности для лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Таким образом, по данному признаку криминологи и учёные, специалисты по уголовному праву придерживаются идентичного мнения, а ломброзианскую школу можно и нужно считать частным случаем в криминологии.

Есть небольшие разночтения и в вопросе о возрасте, с которого можно привлекать к уголовной ответственности. За наиболее тяжкие преступления таковая наступает в 14 лет, общая - в 16 лет, по ряду преступлений - в 18 (воинские) или 25 (вынесение неправосудного приговора) лет. [6,С.172]. Несмотря на то, что объект и объективная стороны состава преступления соответствуют понятию преступления, по причине недостижения деликтоспособного возраста малолетних нельзя признавать преступниками. По этому поводу Иншаков С.М. делает вполне справедливую оговорку, называя последних "детьми, совершившими общественно опасные деяния", и включает их в одну классификацию с несовершеннолетними преступниками: 1)малолетняя группа (до 14 лет); 2)подростковая группа (14-16 лет); 3)молодежная группа (17-18 лет). Здесь следует оговориться по поводу объективной стороны виновного, общественно опасного, незаконного, противоправного деяния - преступления, совершение которого позволяет суду признать человека преступником. В противоположность схеме, существующей в уголовном праве: "совершение преступления" - "признание судом лица, совершивше-

го его, преступником", криминология предлагает иной порядок: "формирование криминогенных качеств" - "формирование криминальной готовности" - "становление личности преступника". Для криминологии факт совершения преступления вторичен, а судебное признание человека преступником - третично. Формирование криминогенных качеств и криминальной готовности может произойти до достижения деликтоспособного возраста. Но ведь личность формируется к моменту достижения совершеннолетия, возразят психологи. Да, но станет ли несовершеннолетний с криминализированной системой полноценной зрелой личностью или все же согласимся с Ч. Ломброзо: преступник - личность по определению незрелая? Как доказано автором монографии "Законы преступного мира молодежи" Пирожковым В.Ф., уровень умственного развития, кругозор, жизненные ценности и механизмы поведения, наблюдаемые в детском возрасте, мало меняются у большинства преступников на протяжении жизни [5,с.5-11,232-244].

Коснёмся ещё одного аспекта. Согласно статье 86 УК РФ, лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления в силу обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения и снятия судимости [1, с.219]. Однако, преступные черты личности никуда не деваются и после погашения (снятия) судимости он может вновь совершить преступление. Следовательно, после снятия судимости человек не считается преступником, но остаётся преступной личностью. Законодатель это в определённой мере учитывает, продляя срок судимости после отбытия наказания от одного до восьми лет в зависимости от тяжести деяния. С другой стороны, в уголовном законодательстве предпринята попытка учесть нейтрализацию криминогенных качеств личности - существует возможность условно-досрочного освобождения или назначения более мягкого наказания, а также снятия судимости до истечения срока её погашения. Разумеется, нейтрализация криминогенных качеств и освобождение от наказания не происходят синхронно и отечественная пенетициарная система мало способствует первому. Поэтому ситуация, когда в тюрьме сидит "преступник de jure", который "de facto" (с точки зрения психологии) уже не является таковым, возможна лишь в теории.

Таким образом, сопоставив содержание уголовно-правового понятия "субъект преступления" и криминологического понятия "личность преступника" на основе сравнения обязательных признаков первого мы пришли к следующим выводам. Термин "личность преступника" шире по содержанию за счёт размытости ряда признаков:

1)большинство отечественных криминологов соглашаются с учёными-юристами в недопустимости привлечения к ответственности лиц с психическими заболеваниями. Частным случаем являются последователи Ч.Ломброзо, для которых преступник по определению - человек с отклонениями в психике. Поскольку в современных реалиях ничто и никто не препятствует переходу психики из пограничного состояния в состояние клинически необратимое, а ограниченной вменяемости в невменяемость, прежде чем выводить эту группу населения

за рамки предмета криминологии, криминологи должны выявить внешние и внутренние факторы (журналы типа "Вне закона"), социальную группу с психологической атмосферой, способствующие деградации личности, а после этого "передать" потенциальных преступников психиатрам. То есть к характеристикам "осознавал последствия своих действий" и "мог ими руководить" следует добавить "желал излечиться от психического недуга и обращался к помощи врачей";

2)криминогенные качества личности и криминальная готовность могут сложиться до момента достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Поэтому криминология пока ещё называют малолетних преступников "детьми, совершившими правонарушения". Между тем, доказано - уровень умственного развития, кругозор, жизненные ценности и механизмы поведения, наблюдаемые в детском возрасте, мало меняются у большинства преступников на протяжении жизни;

3)криминологи, в отличии от специалистов по уголовному праву, не упускают из вида преступников, несмотря на наличие судимости. То есть личность остаётся преступной, несмотря на наличие судимости (признания человека преступником в судебном порядке) и её снятие. Иначе говоря, понятие "личность преступника" характеризуется большим временным протяжением, чем "субъект преступления".

Список литературы
1.Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации/ Отв. ред. А.В. Наумова. -М.,1996.
2.Иншаков С.М. Криминология: Учебное пособие. -М.,2002.
3.Криминология: Учебник для вузов /Под ред. А.И. Долговой. -М., 2001.
4.Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Анархисты. Политическая преступность. -М.,2003.
5. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. -Тверь, 1994.
6.Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов/Отв. ред. И.Я. Козаченко. -М.,2001.

М.А.Пушкарёв,
канд.ист. наук, доцент КГУ

К ВОПРОСУ О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО "КРИМИНОЛОГИИ"

По данным известного российского криминолога В.В. Лунева, в 1960-1990-е гг. преступность в мире выросла в 3-4 раза, а в СССР - в 5 раз. Число преступлений, совершённых в Российской Федерации, увеличилось с 1 млн 839 тыс. в 1990 г. до 2 млн 581 тыс. в 1998 г, а в 1999г. показатель преступности перевалил за трёхмиллионный рубеж. Курганская область признана самой криминальной в стране. При том что коэффициент преступности в РФ в 1999г. составил 2053/

100000, в нашем регионе зафиксирован показатель 3855/100000. Оказывается, что жить в Курганской области гораздо опаснее, чем в Москве (815/100000)[1].

Таким образом, возрастает актуальность профилактики среди потенциальных жертв - виктимологическая профилактика. Особенное внимание следует уделить студентам юридических вузов, так как, во-первых, данная категория населения (в возрасте 18-30 лет) является наиболее виктимной, а, во-вторых, как будущим юристам им необходимы эти знания - в течение практической работы они смогут дать немало рекомендаций своим клиентам. К сожалению, современные учебные пособия уделяют мало внимания этим вопросам. Их авторы ограничиваются краткой классификацией направлений виктимологической профилактики отдельных видов преступлений и дают весьма схематические советы о том, как не стать жертвой преступников. Чаще они предпочитают ссылаться на "множество популярных статей и пособий на тему: "Как защитить себя, свою семью, своё жилище и свою собственность от преступных посягательств" [2].

При проведении виктимологические мероприятий на семинарских занятиях по "Криминологии" целесообразно придерживаться двух из четырёх направлений, предложенных Иншаковым, а именно:

а)подготовка личности (разработка алгоритмов оптимального поведения в криминогенных ситуациях и специальный тренинг);

б)сведение к минимуму криминогенных ситуаций, предотвращение и пресечение их, информирование граждан о виктимогенных "ситуациях-ловушках" с тем, чтобы они по возможности избегали их [3].

Конкретно было сделано следующее:

1.Подготовлены и заслушаны доклады из пособия "Как защитить себя и своё имущество от преступника" (4) на темы "Рекомендации по профилактике грабежей, квартирных и уличных краж, бытовых убийств", "Как вести себя, если Вы оказались захвачены террористами". В целях закрепления прослушанного материала были проведены практикумы. На одном из них студентке предлагалось войти в "автобус" (условную часть учебной аудитории) в позднее время суток и занять наиболее безопасное место. Остальная часть группы должна была выявить её ошибки (остались на виду серьги и иные золотые украшения, которые можно было скрыть волосами, головным убором, воротником; выбрала место, находящееся далеко от "водителя").

2. На занятиях, посвящённых таким темам, как "Личность преступника", "Механизм преступного поведения", "Насильственная и корыстная преступность" студентам предлагалось найти в периодической печати статьи с описанием конкретного преступления и преступника, проанализировать соотношение биологического и социального в личности уголовника, выявить в процессе совершения правонарушения этапы механизма преступного поведения. Такие задания позволили актуализировать "сухой" материал учебного пособия, лучше разобраться в алгоритме возникновения криминальной ситуации в процедуре формирования криминальной готовности, а так же в том, как этого можно было бы избежать.

3.В ходе дискуссий по прочитанным докладам некоторые виктимологические рекомендации Иншакова С.М. и Смирновой Г.Г. были подвергнуты обоснованной критике. Студенты доказывали несостоятельность тех или иных положений, ссылаясь на материалы СМИ, данные УВД Курганской области, личный опыт. Вследствие чего можно утверждать, что содержание докладов не будет забыто сразу же после окончания семинарского занятия, а оказавшись в критической ситуации, студенты смогут предпринять адекватные действия.

4. На лекциях, посвящённых организованной преступности, особое внимание было акцентировано на проблемах иерархии преступного сообщества, содержании воровских законов, внешней атрибутике преступного мира. Полученные знания особенно актуальны для студентов, собирающихся после окончания вуза служить в органах милиции и прокуратуры - "чтобы бороться с врагом, нужно знать его в лицо", гласит восточная мудрость. На семинарских занятиях эта информация была конкретизирована в докладах, посвящённых татуировкам и воровскому жаргону. Доклады удачно дополнялись фотографиями и рисунками татуированных уголовников, "скачанными" из Интернета и "Словаря воровского языка" [5]. Студенты, делающие сообщения о воровском жаргоне, старались делать тематическую подборку речевых оборотов, используемых уголовниками при передаче информации о конкретных видах преступлений (убийствах, кражах, грабежах, изнасилованиях и т.д.). Познакомиться с нравами воровского сообщества позволили сообщения сделанные на основе произведения Докторова С.Т. "Выжить за решёткой". Умея распознать значение той или иной тату, юрист сможет узнать в автобусе вора-карманника или вора-домушника, "случайно" зашедшего в его подъезд. Случайно услышав разговор двух лиц, и зная наиболее распространённые обороты воровской речи, можно узнать о готовящемся преступлении и адекватно оценить опасность. В будущем, при накоплении необходимого наглядного и раздаточного материала, планируется подготовить выставку, посвящённую уголовному миру, что позволит активизировать большую часть студентов при проведении семинарских занятий, сделает "Криминологию" более "жизненным" учебным предметом.

5.Из содержания докладов, подготовленных на основе федерального закона "Об оружии", студенты получили представление о порядке приобретения гражданского огнестрельного оружия и спецсредств, а так же об их применении в пределах необходимой самообороны.

Таким образом, студенты III и IV курсов очной формы обучения на семинарских занятиях по "Криминологии", проведённых в 2003 г., получили определённую сумму знаний, которые, будем надеяться, в будущем позволят им избежать опасности стать жертвами преступления. Теоретические знания были закреплены при решении практических учебных задач, углублены при подготовке, прослушивании и обсуждении докладов.

К сожалению, не удалось провести тренинги и подготовить студентов не только в интеллектуальном, но и в психологическом, волевом плане к столкновению с криминальной ситуацией. Для этого необходима помощь специалиста-психо-

лога. Поэтому желательно разработать и ввести соответствующий межпредметный (криминология-психология) спецкурс практической направленности уже на первом году обучения студентов-юристов.

Список литературы
1.Иншаков С.М. Криминология: Учебное пособие. -М., 2002. -С.20-22.
2.Там же, с.136.
3.Там же, с.135.
4.Смирнова Г.Г. Как защитить себя и своё имущество от преступника. -Свердловск, 1991.
5.Словарь воровского языка. Выражения. Слова. Татуировки. Жесты. -Тюмень, 1991.

Л.В. Предеина
доцент КГУ

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Уголовная ответственность за данный вид преступления предусмотрена ст.171 УК РФ. Состав преступления будет налицо в случае осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), в случаях когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением лицензионных требований и условий [1].

Указанные выше действия являются уголовно наказуемыми, если они причинили крупный ущерб либо сопряжены с извлечением дохода в крупном размере.

Предпринимательской деятельностью, в соответствии со ст.2 ГК РФ, является самостоятельная осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товара, выполнение работ или оказание услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [3].

Объект преступления - установленный законом порядок регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность без образования юридического лица, а также порядок получения специальных разрешений (лицензий) на производство отдельных видов продукции, выполнения работ и оказания услуг.

Основные положения, регламентирующие основания и порядок регистрации юридических лиц, содержатся в ГК РФ. Согласно ГК РФ, все лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке.

Порядок и требования к государственной регистрации установлены Положе-

нием о порядке государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности, утвержденным Указом Президента РФ "Об упорядочении государственной регистрации предприятий и предпринимателей на территории РФ" (СЗ РФ 1994г. ст.1194).

Так, обязательность регистрации предпринимательской деятельности установлена для индивидуальных предпринимателей, главы крестьянского (фермерского) хозяйства, для юридического лица.

Таким образом, требование регистрации предпринимательской деятельности является универсальным для всех хозяйствующих субъектов.

Субъектами предпринимательской деятельности в РФ могут быть граждане Российской Федерации, не ограниченные в установленном законом порядке в своей деятельности, граждане иностранных государств и лица без гражданства в пределах полномочий, установленных законодательством РФ, а также объединения граждан - коллективные предприниматели.

Отдельные виды деятельности, перечень которых установлен законом, могут осуществляться только на основании специального разрешения (лицензии). Основной перечень видов деятельности, для занятия которыми требуется специальное разрешение, а также основания и порядок лицензирования установлены Федеральным Законом "О лицензировании отдельных видов деятельности" от 25 сентября 1998г. № 158-ФЗ.

При этом указанный закон не распространяется на внешнеторговую деятельность, таможенную, деятельность по охране окружающей среды, связанную с использованием природных ресурсов и на отношения, возникающие в связи с использованием результатов интеллектуальной деятельности и, следовательно, отсутствие соответствующих видов деятельности ст. 17 Федерального закона не означает, что они могут осуществляться без лицензии.

Лицензирование иных видов деятельности, кроме перечисленных ст.17 ФЗ, не допускается и возможно лишь в случае, если их лицензирование требуется в соответствии с иными федеральными законами, вступившими в силу до дня вступления в силу ФЗ " О лицензировании отдельных видов деятельности" (ст.19). К таким ранее принятым законам следует отнести: "О частной и охранной деятельности", "Об образовании", "О психиатрической помощи и гарантиях граждан при её оказании" и др. Передача лицензии другому юридическому или физическому лицу запрещается.

Опасность незаконного предпринимательства состоит в том, что в результате его совершения нарушаются интересы законного предпринимательства, интересы потребителей и иных контрагентов, финансовые интересы государства, поскольку создается возможность получения неконтролируемой государством и его налоговыми органами прибыли, в результате чего государство лишается возможности пополнить свой бюджет и надлежащим образом им оперировать.

Объективная сторона:

- действие либо бездействие, т.е. невыполнение требований закона по обязательной регистрации и получению специального разрешения (лицензии) в слу-

чаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно;

-последствия в виде крупного ущерба третьим лицам либо извлечения дохода в крупном размере;

-причинную связь между действиями (бездействием), образующими незаконную предпринимательскую деятельность, и наступившими последствиями - крупным ущербом или получением дохода в крупном размере.

Предпринимательская деятельность без регистрации:

1. Без подачи в государственные регистрирующие органы документов необходимых для регистрации;

2.Деятельность после подачи в регистрирующие органы документов, но до регистрации в установленном законом порядке.

Предпринимательская деятельность без специального разрешения (лицензии), когда оно обязательно:

1. Производство отдельных видов продукции, выполнение работ и оказание услуг без направления соответствующих документов в органы, уполномоченные на выдачу специального разрешения (лицензии) на занятие данным видом деятельности;

2. Производство отдельных видов продукции и т.д. после направления, но до получения такой лицензии;

3. Деятельность после истечения срока действия специального разрешения - лицензии на занятие данным видом деятельности.

Условием предоставления некоторых спецразрешений (лицензии) является запрет заниматься в течение срока действия лицензии иными видами деятельности за исключением предусмотренных в лицензии и им сопутствующих.

"Предпринимательская деятельность" у разных авторов получила неоднозначное толкование.

Так, доктор юридических наук П.С. Яни полагает, что незаконным предпринимательством являются и однократные акты, если при этом извлекается доход в КРУПНОМ или особо КРУПНОМ размере:

Во-первых, понятие незаконного предпринимательства не тождественно предпринимательской деятельности. Законодатель использует особый метаязык, знаки которого - специальные термины - не могут быть подвержены в первую очередь грамматическому толкованию в ущерб систематическому.

Во- вторых, полагает автор, предметом урегулирования налогового и иного законодательства является и однократная реализованная, т.е. торговая операция [5].

Другие авторы интерпретируют предпринимательскую деятельность строго в соответствии с ГК РФ. Доцент Красноярского госуниверситета Шишко И.В. считает, что ст. 171 УК РФ не просто содержит диспозицию, в которой использован ряд понятий, определенных в гражданско-правовых нормах, в ней сохраняется и установленное в тех же нормах соотношение между этими понятиями.

Так, требования регистрации и лицензирования установлены в ГК не для любых реализации товаров или оказания услуг, а исключительно таких, которые содержат признаки предпринимательской деятельности. Поэтому, согласно граж-

данскому законодательству, предпринимательской является деятельность, направленная на систематическое получение прибыли [7].

Толкование предпринимательской деятельности как однократной торговой операции означало бы, что УК, вопреки ГК, требует регистрировать и лицензировать даже разовую продажу какой-либо вещи или оказание разовой услуги.

Необоснованны, по его мнению, ссылки на анализ налогового законодательства, которое содержит определение реализации товаров, работы или услуг не с целью указания, какие из них подлежат регистрации или лицензированию, а с целью определения налогообложения. При этом применительно к физическим лицам назван совокупный доход не только от предпринимательской деятельности, но и иной доход, что позволяет рассматривать реализацию товаров, работ или услуг в налоговом законодательстве (ст. 39 НК РФ), как и однократные операции.

Гражданский кодекс не раскрывает понятие "систематический", поэтому толкование его небесспорно: предпринимательской деятельностью можно считать реализацию товаров (оказание услуг), направленную на получение прибыли как более одного раза, так и более двух раз. Не может таковой рассматриваться разовое оказание услуги или однократная (пусть и оптовая) реализация товаров.

Не является предпринимательской деятельностью и реализация лицом вещей, приобретенных им для себя, но по каким-то свойствам не подошедших, а также реализация с большим разрывом во времени (например, в один год) между актами реализации.

Обязательный признак предпринимательской деятельности - это её самостоятельность и осуществление на свой риск. Поэтому не образует преступления, например, строительная деятельность лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя и не имеющего лицензии, если процесс оказания "услуг" осуществлялся в соответствии с требованиями другого лица и был последним организован. Здесь имеет место работа по найму.

Ущерб может быть признан крупным, если в 200 раз превышает минимальный размер оплаты труда.

Доход в смысле ст.171 УК РФ - это совокупный (общий) доход, полученный в календарном году как в денежной форме (в валюте РФ или иностранной валюте), так и в натуральной форме, в том числе и в виде материальной выгоды.

Так, доходом должны признаваться денежные средства и иная материальная выгода, полученные от реализации продукции (работ, услуг), основных фондов (включая земельные участки), иного имущества, а также полученные вне реализационных операций.

При этом в состав доходов от таких операций включаются: доходы, получаемые от долевого участия в деятельности других предприятий, от сдачи имущества в аренду; доходы (дивиденды, проценты) по акциям, облигациям и иным ценным бумагам; другие доходы от операций, непосредственно не связанных с производством продукции (работ, услуг) и её реализацией.

Если в результате незаконной предпринимательской деятельности по неосторожности был причинен вред здоровью человека или нескольким лицам, а так-

же в случаях наступления смерти, все содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171 и ст.238 УК РФ (выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности), либо ст.235 УК РФ (незаконное занятие частной медицинской или частной фармацевтической деятельностью) [8].

Доход от незаконного предпринимательства - спорный вопрос.

По мнению Нафиева С.Х. и Хамидуллина Г.Р, выявилось три подхода к определению неконтролируемого дохода (в УК РСФСР 1960 г. использовалось такое понятие в статьях 164-2 и 165-5 о незаконном предпринимательстве):

1) доход от предпринимательской деятельности - это общая выручка от реализации товара;

2) разница между продажной и покупной ценой товара;

3) разница между продажной и покупной стоимостями реализуемых товаров.

Указанные авторы считают, что понятие дохода, о котором идет речь в ст.171 УК, должно соответствовать понятию дохода, используемого для целей налогообложения, т.е. чистому доходу за вычетом расходов [6].

Согласно Комментарию к УК РФ под редакцией Скуратова Ю.И. и Лебедева В.М., на практике доход исчислялся как вся сумма выручки, полученной предпринимателем от незаконной предпринимательской деятельности без учета расходов, который он понёс в ходе этой деятельности [2].

Такой подход позволял обоснованно привлекать нарушителей к уголовной ответственности, поскольку исключал необходимость проверки зачастую ложной, но трудно опровергаемой версии обвиняемых о якобы понесенных затратах (при приобретении товара, транспортировке, хранении и др.).

"Вычитание" этих расходов из суммы поступлений, к примеру, от незаконной торговли водкой, не позволяет доходу от незаконного предпринимательства превышать опасную планку крупного размера.

Однако, 25 ноября 1998 г. Президиум ВС РФ рассмотрел по протесту Председателя Верховного Суда РФ дело в отношении К., осужденной Нагатинским судом ЮАО г. Москвы по части 1 ст. 171 УК РФ. В принятом по результатам рассмотрения дела постановлении Президиум дал разъяснение по поводу используемого в ст. 171 УК термина "ДОХОД", приравняв его по значению к прибыли, т.е. к сумме выручки за проданный товар за вычетом всех понесенных продавцом расходов [4].

По мнению профессора кафедры института Генеральной прокуратуры РФ, д-ра юр. наук П. Яни высказанное Президиумом решение неправильно, поскольку противоречит уголовному и налоговому законодательствам.

Так, в постановлении Президиума указывается, что диспозиция ст. 171 УК 1996 г. (в отличие от ст. 162-5 УК 1960 г.) не предусматривает такого понятия как "неконтролируемый доход", а использует термин "доход". Поскольку более никаких замечаний по этому поводу не делается, трудно сказать, какое отношение данная ремарка имеет к обсуждаемой проблеме.

На самом же деле ссылка на изменение характеристики дохода, извлекаемо-

го при незаконном предпринимательстве, является как раз контраргументом позиции Верховного Суда. Дело в том, что во время действия ст. 162-5 УК РСФСР 1960 г. использование в ней термина "неконтролируемый доход" дало основание утверждать, что этим термином определяется такой доход, с которого не платится налог. В таком случае выходило, что дополнительным объектом незаконного предпринимательства является неуплата налога, а потому квалифицировать незаконное предпринимательство, сопряженное с неуплатой налога с дохода, полученного в результате данной противоправной деятельности, следует только по ст. 162-5 УК, совокупности же со статьями о налоговых преступлениях нет. Последнее, в свою очередь, означало, что доход от незаконного предпринимательства есть основания исчислять как объект налогообложения, то есть вычитать из всей торговой выручки затраты на реализацию товара.

Однако, независимо от того, как решалась данная проблема в прошлом, ныне она не существует, поскольку диспозиция ст. 171 УК 1996 г. подобных споров не вызывает. Статья 171 УК РФ может применяться даже в том случае, если, скажем, лицо получает в результате безлицензионной, но требующей получения лицензии предпринимательской деятельности доход, с которого затем уплачивает налог. Иначе говоря, объекты статей о незаконном предпринимательстве и уклонении от уплаты налогов - разные.

В постановлении Президиума делаются еще две ссылки на:

а) ст. 2 Закона РФ от 27.12.91 "О налоге на прибыль предприятий и организаций", согласно которой валовая прибыль представляет собой сумму прибыли от реализации продукции, уменьшенную на сумму расходов по этой операции;

б) ст. 12 Закона РФ 7.12.91 "О подоходном налоге с физических лиц", где сказано, что при исчислении подоходного налога с доходов, полученных от предпринимательской деятельности, исключению подлежат документально подтвержденные и фактически произведенные расходы, связанные с реализацией имущества.

Вместе с тем, приведенные положения налогового законодательства, регулирующие исключительно вопросы исчисления объектов налогообложения, должны учитываться при квалификации налоговых преступлений и не имеют никакого отношения к непосредственному объекту охраны ст. 171 УК РФ.

Пленум ВС прямо указал на недопустимость смешения объектов преступлений, предусмотренных ст. 171 УК о незаконном предпринимательстве и ст.ст.198 и 199 УК о налоговых преступлениях, в п.4 постановления от 4 июля 1997г. №8, что "действия виновного, занимающегося предпринимательской деятельностью без регистрации или без специального разрешения либо с нарушением условий лицензирования и уклоняющегося от уплаты налога с доходов, полученных в результате такой деятельности, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст.171 и ст.198 УК РФ" /9/.

Президиум допустил смешение объектов названных преступных посягательств, что и вызвало приведение в Постановлении от 25.11.98 г. неосновательной аргументации и, как результат, принятие неверного решения об уголовно-правовой квалификации по ст. 171 УК.

Изучение норм налогового законодательства (в первую очередь, приведенных в критикуемом постановлении Президиума ВС) дает полные основания для заключения, прямо противоположного тому, что принято Президиумом по делу К. Подобный анализ неуголовного законодательства, который требуется при вменении бланкетных статей УК, определяет суть систематического способа толкования, традиционно применяемого наряду с грамматическим способом.

Итак, обращение к налоговому законодательству, в частности, все к той же ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. "О налоге на прибыль предприятий и организаций", позволяет констатировать, что законодатель обозначает терминами "доход" и "прибыль" не схожие, а совершенно разные категории.

Так, под "доходом" понимается вся выручка от реализации продукции, под "расходом" - затраты на производство и реализацию, включаемые в себестоимость продукции. "Прибыль" - это разница между доходами и расходами. Однозначно разграничивает категории "доходы" и "расходы", не позволяя исчислять первые с учетом вторых, и Закон "О подоходном налоге с физических лиц". Наконец, в подтверждение вывода о необходимости отделять полученный доход от понесенных расходов следует сослаться на ст.198 и ст. 199 УК, где, в частности, говорится об искажении данных о доходах и расходах.

К аналогичному результату приводит и второй из двух основных способов толкования текста закона - грамматический. Данный способ толкования осуществляется посредством обращения к экономической литературе и толковым словарям, где также определяется, что прибыль - это сумма, на которую доход превышает затраты.

Таким образом, комплексное толкование текста закона дает основание для бесспорного вывода о том, что термин "доход", используемый в ст. 171 УК РФ, понимается законодателем как вся сумма поступлений от реализации продукции без учета каких-либо расходов, связанных с ее реализацией.

Обсуждаемый признак "доход", содержанию которого и было посвящено заседание Президиума, назван квалифицирующим, тогда как он является обязательным или, иначе, конститутивным признаком состава преступления. Кроме того, при резюмировании ссылок на положения налогового законодательства, в Постановлении от 25.11.98 г. так раскрывается содержание обсуждаемого признака состава преступления: "извлечение дохода в крупном размере составляет фактически по своему объему прибыль, полученную от незаконной предпринимательской деятельности, за вычетом расходов, связанных с ее осуществлением". Однако, как указывалось выше, прибыль - это не то, из чего вычтены расходы, а разница между доходами и расходами.

Как же можно исправить допущенную Президиумом ошибку? Полагаю возможным вынести на повторное обсуждение Президиума ВС РФ вопрос о содержании термина "доход", согласно ст. 171 УК РФ, и дать соответствующее разъяснение, основанное на вышеприведенных положениях налогового законодательства. Хотя такого пути процессуальный закон прямо не предусматривает, но, собственно говоря, думается, и не запрещает.

Кроме того, соответствующее решение может быть принято не по делу К., а по схожему с точки зрения уголовно-правовой квалификации уголовному делу: в таком случае решение от 28.11.98г. будет дезавуировано.

Другим вариантом пересмотра неверного решения может быть разъяснение Пленума Верховного Суда РФ. Вынести же вопрос на обсуждение Пленума может Генеральная прокуратура РФ на основании ст. 39 Федерального закона РФ "О прокуратуре Российской Федерации".

Причинная связь между действиями либо бездействием, образующими незаконную предпринимательскую деятельность, и последствиями является обязательной для наступления ответственности. Именно отсутствие регистрации или лицензии при осуществлении предпринимательской деятельности должно повлечь крупный ущерб либо обеспечить получение дохода в крупном размере.

По мнению председателя Ставропольского краевого суда С.Коровинских, преступление является оконченным либо после наступления последствий в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству, либо после извлечения в результате занятия незаконным предпринимательством дохода в крупном размере [10].

Сошниковой И.В. (УрГЭУ) также высказана точка зрения, что преступление считается оконченным с момента причинения крупного ущерба или извлечения дохода в крупном размере, т. е. материальный состав [12].

Противоположная точка зрения имеется у судьи Курганского областного суда О.Толмачева, который считает более верным отнесение к материальным составам преступления, предусмотренного только ч.1 ст.171 УК РФ, но не ч.2, являющейся альтернативным формально-материальным составом.

Последствия незаконного предпринимательства в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству либо в виде извлечения дохода в крупном размере в диспозиции ч.1 ст.171 УК буквально и недвусмысленно отделены от описания деяния как такового словами "…если это деяние…".

Поэтому понятия "доход" и "ущерб" относятся в части 2 только к пункту "б", предусматривающему ответственность за незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, но не ко всей части.

В том случае, если объектом уголовного преследования является незаконное предпринимательство, совершенное организованной группой (п."а"), установления наличия последствий такой деятельности не требуется, и составы этих преступлений являются формальными [11].

Стоит согласиться с мнением Толмачева О. ещё и потому, что одним из самых опасных видов незаконного предпринимательства является совершение именно организованной группой, которая действует с обширным размахом и в масштабах, несравнимых с деятельностью отдельных субъектов.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть любое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона данного преступления выступает в форме умысла (прямого или косвенного).

При прямом умысле лицо, осознавая общественную опасность в своих действиях, желает извлечь доходы в крупном размере либо причинить крупный ущерб. При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит наступление результатов своих действий и не желает, но сознательно допускает возможность причинения крупного ущерба третьим лицам.

В ряде случаев незаконное предпринимательство образует идеальную совокупность с иными видами преступлений: мошенничеством и др. Такие преступления, как правило, квалифицируются по совокупности статей.

В соответствии с Федеральным законом "О подоходном налоге с физических лиц" налогообложению подлежат доходы, полученные физическим лицом в связи с осуществлением им любых видов предпринимательской деятельности. Таким образом, действия виновного, занимающегося предпринимательской деятельностью без регистрации или без специального разрешения либо с нарушением условий лицензирования и уклоняющегося от уплаты налога с доходов, полученных в результате такой деятельности, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171 и 198 УК РФ (Постановление Пленума ВС РФ "О некоторых вопросах применения судами РФ уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов" от 4 июля 1997г. № 8).

Квалифицирующими признаками преступления части 2 статьи 171 УК РФ являются:

А) совершение организованной группой;

Б) деяние, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, т.е. в 500 раз превышает минимальный размер оплаты труда.

Статья 171 УК является общей нормой, предусматривающей ответственность за незаконное осуществление всех видов предпринимательской деятельности. Если в УК установлена ответственность за незаконное осуществление конкретного вида предпринимательской деятельности, применяется соответствующая специальная норма (ст. 172,235,223,228 и т.д.)

Список литературы

1.Уголовный кодекс РФ -М., 2003.
2.Комментарий к Уголовному кодексу РФ /Под общей редакцией Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. -М., 1997.
3.Гражданский кодекс РФ. -М.,2002.
4.Сборник постановлений Верховного суда РФ по уголовным делам/С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. -М., 1999.
5. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. -М., 1997.
6. Нафиев С.Х, Хамидуллин Г.Р. Экономические преступления. - М.,2003.
7. Квалификация незаконного предпринимательства //Российская юстиция. -1999. -№3.
8 Ответственность за незаконное предпринимательство //Законность -1999. -№7.
9. Ответственность за незаконное предпринимательство //Российская юстиция. -1998. -№9
10.Коровинских С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство// Российская юстиция. -2000. -№4.
11. Толмачев О. Незаконное предпринимательство как альтернативный формально-

материальный состав преступления // Российская юстиция. -2001. -№7.
12.Сошникова И.В., Уголовная ответственность в экономике. -Екатеринбург, 2001.

Р.С.Абдулин
судья Курганского областного суда,
канд. пед. наук, заслуженный юрист РФ

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТ.125 УПК РФ

Важным этапом в работе по обеспечению прав граждан явилось принятие и вступление в силу с 1 июля 2002 года нового УПК РФ, в соответствии с которым уголовное правосудие осуществляется на началах равноправия состязательности. Принятие нового уголовно-процессуального закона в очередной раз свидетельствует о происходящих в стране коренных преобразованиях. На смену уголовному судопроизводству, прежде всего направленному на борьбу с преступностью, пришло новое уголовно процессуальное законодательство, обеспечивающее конституционные гарантии прав граждан.

Одной из таких конституционных гарантий, в соответствии со ст. ст. 46 и 52 Конституции РФ, является право каждого на судебную защиту путем обжалования решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, а также право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию. Применительно к ст.125 УПК РФ не являются исключением и такие должностные лица, как дознаватель, следователь и прокурор, решения и действия (бездействие) которых также могут быть обжалованы в суд.

Законодатель в ст.125 УПК РФ установил всего два конкретных основания для обжалования постановления дознавателя, следователя и прокурора: **об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела**, а иные основания обжалования постановлений, определил как решения и действия (бездействие), способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. И если по первым двум конкретным основаниям обжалования в правоприменительной деятельности особых вопросов не возникает, то по критериям, позволяющим определить возможное причинение ущерба конституционным правам и свободам граждан, возникает немало проблем.

Думается, что для решения данной проблемы необходимо, прежде всего, определить четкую грань того, что же все-таки может и способно причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан. Ведь само по себе возбуждение уголовного дела, проведение оперативно-следственных мероприятий (задержание подозреваемого, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, проведение обыска, выемки, отстранение от занимаемой должности, проведение оперативно-розыскных действий и т. д.) уже является определенным ограничением конституционных прав и свобод граждан. Тем не менее, всегда ли

эти ограничения могут причинить ущерб участникам уголовного судопроизводства и быть предметом рассмотрения в суде в порядке ст.125 УПК РФ, и где он, тот критерий, определяющий причинение ущерба конституционным правам и свободам граждан? В совершенно одинаковых ситуациях один судья может признать обжалуемое следственное действие причиняющим или способным причинить ущерб конституционным правам и свободам гражданина, а другой не усматривает никаких нарушений. Таким образом, законодатель, не дав четкого понятия и исчерпывающего перечня решений и действий (бездействия), способных нарушить конституционные права и свободы граждан при проведения следственных действий, которые могли бы быть обжалованы в суд, дал возможность суду самостоятельно и произвольно толковать закон. Законодатель, тщательно не прописав ч.1 ст. 125 УПК РФ, поставил суд в достаточно затруднительное положение и по существу инициировал, в некоторых случаях, без законных на то оснований вмешательство суда в процессуальную деятельность дознавателя, следователя и прокурора.

В юридической литературе по данному вопросу высказываются различные мнения, но в основном они касаются проблем затруднения доступа к правосудию, тем не менее, с учетом высказанных соображений по поводу применения ст. 125 УПК РФ, было бы предпочтительней, по мнению автора, данную проблему рассматривать все же через призму Конституции РФ.

Под решениями и действиями (бездействием) дознавателя, следователя и прокурора, способными причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан, следует понимать нарушения, унижающие, прежде всего, человеческое достоинство, так как именно защита достоинства человека, независимо от его процессуального статуса, является базисным принципом в сфере прав и свобод и представления гарантий во время предварительного расследования.

Государство, охраняя достоинство личности, определяет при этом основания и формы ограничения неприкосновенности граждан и обеспечивает механизмы защиты их права на достоинство от посягательств в том числе и должностных лиц, и одной из составных частей данного механизма является ст. 125 УПК РФ. В то же время законодатель, установив институт обжалования в суд решений и действий должностных лиц, перечисленных в ст. 125 УПК РФ, не ставит задачу подмены прокурорского надзора, а выделяет под судебный контроль только те акты уголовного преследования, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

Среди решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя и прокурора, затрагивающих достоинство участника уголовного судопроизводства, и способных причинить ущерб конституционным правам и свободам, по мнению автора, могут быть: нарушение порядка проведения процессуальных действий, проведение дактилоскопической регистрации с унижением чести и достоинства человека, осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее человеческое достоинство любого участника уголовного судопроизводства либо со-

здающее опасность для его жизни и здоровья, нарушение норм УПК РФ при получении следователем образцов почерка или иных образцов сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, а также у свидетеля или потерпевшего методами, опасными для жизни и здоровья человека или унижающими его честь и достоинство.

К решениям и действиям (бездействию) должностных лиц, которые могут и способны причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан, следует отнести и применение пыток дознавателем, следователем или иным официальным лицом по его подстрекательству и другое, унижающее достоинство человека обращение, намеренно причиняющее сильную боль или страдание, физическое или психическое, с целью получения от этого человека или от третьего лица информации или признаний. Сюда же можно отнести содержание подозреваемых и обвиняемых в унижающих человеческое достоинство условиях с целью сломить волю и получить признание и информацию.

Нельзя не согласиться с мнением профессора Петрухина И., что любое незаконное возбуждение уголовного дела также причиняет как ущерб конституционным права и свободам граждан, так и моральный вред лицу, против которого оно возбуждено, и подозреваемый, если он задержан, вправе обжаловать задержание в суд. Но эта точка зрения требует дальнейшего развития. Ведь может быть и так, что уголовное дело возбуждено законно, но задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, произведено по надуманным основаниям, то есть в нарушение ст.91 УПК РФ, и в этом случае у задержанного или его защитника (законного представителя) также имеются все основания для обжалования в суд данного следственного действия. И опять в ст. 125 УПК РФ отсутствует ответ на данный вопрос. Если принять во внимание, что судья проверяет законность и обоснованность решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя и прокурора не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы, то на практике обжалование такого серьезного ограничения конституционных прав и свобод граждан, как задержание в качестве подозреваемого, теряет всякий смысл.

Право свободного передвижения, гарантированное ч.1 ст.27 Конституции РФ, существенно ограничивается такими мерами пресечения, как подписка о невыезде, залог, домашний арест и другие. Следовательно, предметом рассмотрения в суде, в порядке ст. 125 УПК РФ, может быть и постановление дознавателя, следователя и прокурора об избрании мер пресечения, кроме заключения под стражу, которые также ограничивают конституционные права и свободы граждан.

Одним из оснований обжалования в суд решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, может быть и отказ обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката по мотивам отсутствия у последнего допуска к государственной тайне, а также предложение обвиняемому (подозреваемому) выбрать защитника из определенного круга адвокатов, имеющих такой доступ. По этому поводу

в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. было указано, что такой отказ обвиняемому (подозреваемому) неправомерно ограничивает конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника.

Изложенное следует трактовать также и как необеспечение обвиняемого (подозреваемого) адвокатом и переводчиком и, тем самым, нарушение его конституционного права на защиту.

В менее затруднительном положении находится суд при разрешении жалоб на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, которые затрудняют доступ к правосудию участников уголовного судопроизводства и иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением. Под затруднением доступа к правосудию, как правило, понимается принятие дознавателем, следователем и прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении и приостановлении уголовного дела.

Только из-за отсутствия конкретного перечня решений и действий (бездействия) должностных лиц, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства и отсутствия более широкого комментария к ст. 125 УПК РФ, в судебной практике нередко встречаются факты обжалования в суд таких процессуальных действий, как привлечение в качестве обвиняемого изменение обвинения, содержание обвинительного заключения и другие. Однако данные акты уголовного преследования не являются способным причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан и если даже в них какие- то нарушения и есть, то они могут быть устранены при последующем судебном контроле, то есть при рассмотрении дела по существу.

Список литературы

1.Конституция РФ.- М.:Инфра-М, 2001.
2.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. -М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. Ст. 125.
3.Петрухин И. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела?// Судебная практика. -2003. -№10.
4.Пашин С. Обжалование ареста в суд//Юридическая консультация. -1991. №4.-С.76.
5.Мельников В. Судебный контроль за обоснованностью и законностью задержания подозреваемого//Российский судья. -2003. -№8.
6.Верещагина А. Новеллы уголовно-процессуального кодекса РФ: концептуальный аспект/ /Журнал российского права. -2003. -№10.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Шабуров А.С.
ПРАВО И СВОБОДА: ГРАНИ СООТНОШЕНИЯ 3
Винниченко О.Ю.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО 7
Абдулин Р.С.
РОЛЬ СУДЕБНОГО ДЕПАРТАМЕНТА И ЕГО ОРГАНОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРОВЫХ СУДЕЙ 12

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Жайкбаев Ж.С.
РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ "НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ" В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ 18
Дмитриева Е.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ В КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 26
Троекашина А.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 31
Скиндерев Р.В.
СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ПРАВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 37
Чертова Л.Н.
ДЕСТРУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ВЫБОРАХ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 42
Кориненко В.И.
ПРАВО И КУЛЬТУРА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ 49
Попова Е.А., Коршунова И.И.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ) 51
Фельдшеров Д.А.
КАМПАНИЯ ПО СБОРУ ПОДПИСЕЙ, ПРОВОДИМАЯ КУРГАНСКИМ РЕГИОНАЛЬНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ "РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ "ЯБЛОКО" В РАМКАХ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ ГД ФС РФ ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА 54

Швечикова В.А.
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 59
Глебов А.Н.
ТОТАЛИТАРИЗМ И НАЛОГИ…… ……..…….63
Филонова О.И.
СОВЕТСКОЕ СУДЕБНОЕ ПРАВО В ПЕРИОД НЭПА (1921-1929 ГГ 68
Губачев Г.В.
БЕСПАРТИЙНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ КРЕСТЬЯНСТВА УРАЛА В УСЛОВИЯХ НЭПА 72
Чернышева Е.В.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ А.Д.ГРАДОВСКОГО 75
Федоров С.Г.
ПРАВОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА ЗАУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ 78
Битюков А.Г.
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНЦЕ XVIII - XIX ВВ 85
Кишкин О.В.
ПОРЕФОРМЕННЫЕ 1861 Г. СЕЛЬСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ (политико-правовой и социально-психологический анализ 92
Щур В.М.
УСТАНОВЛЕНИЕ СОЛЯНОЙ МОНОПОЛИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII В 103
Харламов И.П.
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ЦЕННОСТИ ПРАВА 110

РАЗДЕЛ 2. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Чирухин М.Н.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА 114
Майборода Т.Ю.
ЗАВЕЩАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВОПРИЕМСТВА В РОССИЙСКОМ И В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ 123

Меркулов В.А.
ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 126
Харламов И.П.
ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И ДОГОВОРА ПОДРЯДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 129
Сибиряев Е.М.
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАБОТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МИНЮСТА РОССИИ 138
Емельянова А.Ю.
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДОЧЕРНЕГО И ЗАВИСИМОГО ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ 141
Петрушина Е.А.
ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРАВ ЖЕНЩИН 144
РАЗДЕЛ 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ
Предеина Л.В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 155
Пикалов И.А.
ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕВИНОВНОСТИ 159
Соколова Н.В
ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ ЕДИНЫХ ПОНЯТИЙ КАТЕГОРИЙ УЩЕРБА ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ 162
Пушкарев М.А.
СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА 171
Пушкарев М.А.
К ВОПРОСУ О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО "КРИМИНОЛОГИИ" 174
Предеина Л.В.
НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО 177
Абдулин Р.С.
ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТ.125 УПК РФ 186

Научное издание

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Сборник научных статей

Редактор Н.А.Леготина

Подписано к печати	Формат бумаги 60*84 1/16	Бумага тип. № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л.	Уч.изд. л.
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640699, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет.